

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

На правах рукописи

Токарева Ольга Владимировна

Актуализация категорий одушевленности и гендера при персонификации:
лексикологический, стилистический, переводоведческий аспекты
(на материале англоязычной прозы)

Специальность 10.02.04 – Германские языки

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
кандидат филологических наук, доцент
Петрова Елена Серафимовна

Санкт-Петербург – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Теоретические основы исследования актуализации категорий одушевленности и гендера при персонификации	13
1.1. Антропоцентризм как современная парадигма лингвистических исследований.....	13
1.1.1. Понятие антропоцентризма	13
1.1.2. Антропоцентрический подход в языкознании: когнитивная лингвистика и лингвокультурология	18
1.2. Категории одушевленности и гендера в английском языке	26
1.2.1. Соотношение категорий одушевленности, рода и гендера в английском языке.....	26
1.2.2. Категория одушевленности в английском языке: средства выражения, члены категории.....	29
1.2.3. Категория гендера в английском языке: средства выражения, члены категории	35
1.3. Персонификация, метафора, агентивность как объекты лингвистических исследований.....	45
1.3.1. Понятие персонификации	45
1.3.2. Метафора: понятие и инструменты анализа	47
1.3.3. Персонификация и метафора: соотношение понятий.....	56
1.3.4. Персонификация в английском языке	64
1.3.5. Агентивность в английском языке.....	68
1.3.6. Проблема передачи персонификации в художественном переводе.....	70
Выводы по главе 1	75
Глава 2. Актуализация категорий одушевленности и гендера при персонификации: лексикологический аспект	77
2.1. Структура концептосферы «Человек» как источника семантической деривации в английском языке	80
2.2. Структура концептосферы «Животный мир» как источника семантической деривации в английском языке	105
Выводы по главе 2	108
Глава 3. Актуализация категорий одушевленности и гендера при персонификации: стилистический аспект	110
3.1. Персонификация элементов окружающего мира	111
3.2. Персонификация артефактов	119
3.3. Персонификация элементов антропосферы	124
3.4. Персонификация пространства.....	128
3.5. Персонификация времени	131
3.6. Персонификация как элемент авторского стиля.....	135

Выводы по главе 3	137
Глава 4. Актуализация категорий одушевленности и гендера при персонификации: переводоведческий аспект	140
4.1. Персонификация без актуализации категории гендера в аспекте перевода .	140
4.1.1. Передача персонификации элементов окружающего мира в переводе	140
4.1.2. Передача персонификации артефактов в переводе	153
4.1.3. Передача персонификации элементов антропосферы в переводе	161
4.1.4. Передача персонификации пространства в переводе	172
4.1.5. Передача персонификации времени в переводе	176
4.2. Персонификация с актуализацией категории гендера в аспекте перевода ...	179
4.2.1. Передача персонификации элементов окружающего мира в переводе	179
4.2.2. Передача персонификации артефактов в переводе	184
4.2.3. Передача персонификации элементов антропосферы в переводе	188
4.2.4. Передача персонификации пространства в переводе	191
4.2.5. Передача персонификации времени в переводе	193
Выводы по главе 4	195
Заключение	198
Список литературы	203
Список сокращений	242
Приложение А	243
Приложение Б	245
Приложение В	247

ВВЕДЕНИЕ

Категории одушевленности / неодушевленности и гендера отображают универсальный процесс разделения человеческим сознанием предметов и объектов на живые и неживые по принципу дихотомии с последующим разделением живых объектов на представителей мужского и женского пола. Несмотря на универсальность этих когнитивных процессов, лингвокультуры различаются между собой с точки зрения концептуализации предметов и явлений как принадлежащих к сферам живого / неживого и мужского / женского. Настоящее исследование посвящено выявлению специфики английского языка в данной области.

Актуальность исследования обусловлена общим вектором развития лингвистической науки в русле антропоцентризма. В современной лингвистике наблюдается интерес к изучению лингвокультурных особенностей языковых категорий и отражения в языке процессов концептуализации действительности. Явление персонификации находится на пересечении данных областей интересов лингвистической науки и является предметом дискуссий, о чем свидетельствует отсутствие единого мнения относительно его природы и характера. Достаточно распространена точка зрения, согласно которой данное явление является периферийным по отношению к метафоре, однако комплексный подход, принятый в настоящем исследовании, демонстрирует многоаспектность его природы и его перспективность в качестве самостоятельного объекта исследования.

Степень разработанности темы исследования видится недостаточно высокой. Категории одушевленности / неодушевленности и гендера достаточно подробно описаны с позиций формального подхода в дескриптивных грамматиках английского языка (см., напр., *Longman Grammar of Spoken and Written English* [201]^{*} и *The Cambridge Grammar of the English Language* [233]), однако в них рассматриваются преимущественно

^{*} Оформление затекстовых ссылок по ГОСТ Р 7.0.5.

нормативные, зафиксированные аспекты функционирования данных категорий. Их актуализация при персонификации ранее не становилась объектом детального рассмотрения. Персонификация – явление, находящееся во взаимоотношениях пересечения с метафорой, которая получила широкое освещение в научной литературе последних десятилетий, что не в последнюю очередь связано с развитием теории когнитивной метафоры, берущей начало в работах Дж. Лакоффа и М. Джонсона [240, 241]. Те немногочисленные исследования, которые посвящены непосредственно персонификации (работы таких авторов, как С. Ю. Воскресенская [41, 42, 43], М. Л. Лисецкий [103], М. Д. Сазонова [141], Е. В. Серебрякова [143, 144], A. G. Dorst [216], M. C. Flannery [226]), описывают данное явление только в одной из своих реализаций, а именно или как подвид когнитивной метафоры, или как стилистический прием. В то же время в настоящий момент активно развивается зародившаяся в области когнитивных исследований концепция воплощенного познания (*embodied cognition*), основы которой заложили Ф. Варела, Э. Томпсон и Э. Рош в своем труде *The Embodied Mind* [274]. Эта концепция акцентирует внимание на центральной роли тела человека и выполняемых им действий в ментальных процессах, которые лежат в основе семантических, лексических и синтаксических структур естественных языков. Исследователи, разрабатывающие данную концепцию, обращаются к персонификации в качестве объекта исследования, однако их внимание ограничивается преимущественно вопросами аллегории, что, например, демонстрирует коллективная монография *Personification: Embodying Meaning and Emotion* [202]. Таким образом, в лингвистической среде наблюдается интерес к явлению персонификации, но оно не рассматривается с позиций комплексного подхода.

Объектом исследования является актуализация категорий одушевленности и гендера при персонификации в английском языке.

Предметом исследования является специфика актуализации категорий одушевленности и гендера при персонификации в англоязычной прозе с точки зрения лексикологии, стилистики и переводоведения.

Цель исследования – проанализировать объекты и средства персонификации в англоязычной прозе в лексикологическом, стилистическом и переводоведческом аспектах.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд **задач**:

- обобщить теоретические подходы к исследованию функционирования категорий одушевленности и гендера в английском языке и явления персонификации;

- выявить особенности проявления персонификации как механизма семантической деривации на уровне языковой системы;

- выявить тенденции актуализации категорий одушевленности и гендера при персонификации на уровне речи путем анализа англоязычной прозы, направленного на выделение и классификацию объектов и средств персонификации;

- проанализировать специфику персонификации в англоязычной прозе с позиций переводоведения путем сопоставительного анализа и выявления тенденций в ее передаче при переводе на русский язык.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. Выявлены особенности функционирования категорий одушевленности и гендера в английском языке в рамках персонификации как механизма семантической деривации и стилистического средства.

2. Выявлена структура концептосфер «Человек» и «Животный мир» как источников семантической деривации, продуктом которой являются полисемантические единицы, потенциально способные выступать в качестве средств персонификации.

3. Классифицированы объекты и средства персонификации в англоязычной прозе.

4. Выявлен переводческий потенциал различных видов и типов персонификации в паре языков «английский – русский».

Теоретическая значимость исследования состоит в детализации знаний о явлении персонификации и функционировании категорий одушевленности и гендера в английском языке. В частности, для анализа персонификации в стилистическом аспекте предлагается использовать понятия синкретичной единицы контекста и кумулятивного способа персонификации, а для переводческого анализа персонификации с актуализацией категории гендера – понятие гендерного сдвига.

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные в ходе его проведения результаты и выводы могут быть учтены при выполнении дальнейших исследований, посвященных явлению персонификации и функционированию категорий одушевленности и гендера в английском языке, а также использованы в ходе разработки рабочих программ и учебных материалов по таким дисциплинам, как лингвокультурология, лексикология английского языка, стилистика английского языка, теория и практика перевода с иностранного языка (английского) на родной (русский).

По **методологии** работа представляет собой дескриптивное, индуктивное исследование, основанное на комплексном подходе, который является одним из основных в современной научной парадигме. В ходе исследования были задействованы следующие **методы** анализа: 1) метод сплошной выборки (для отбора языкового материала); 2) дефиниционный анализ (для исследования явления персонификации в лексикологическом аспекте); 3) функционально-семантический анализ (для исследования явления персонификации в стилистическом аспекте); 4) сравнительно-сопоставительный анализ (для исследования явления персонификации в переводоведческом аспекте); 5) элементы корпусного анализа (для классификации языкового материала).

Теоретическую базу исследования составили труды отечественных и зарубежных исследователей в следующих областях:

– антропоцентрический подход и антропоцентрические направления в лингвистике (В. М. Алпатов [5, 6], Н. Н. Болдырев [27, 28, 31], Ю. Н. Караулов [76], Е. С. Кубрякова [92, 94, 95, 96], В. А. Маслова [108], В. И. Постовалова [131], Б. А. Серебренников [142], Т. Г. Скребцова [147], С. Г. Тер-Минасова [159], Е. Г. Хомякова [173], G. Fauconnier [225], G. Lakoff [241], E. Rosch [262] и др.);

– исследования языковых категорий (Е. С. Петрова [126], G. Corbett [211], A. Curzan [214], S. Romaine [260, 261], K. Wales [278] и др.);

– когнитивные аспекты английского синтаксиса (Н. Н. Болдырев [30], В. Ю. Копров [87], Р. Р. Николаевская [116] и др.);

– теория метафоры (Э. В. Будаев [178, 179], С. Ю. Воскресенская [42], О. А. Макарова [104], В. П. Москвин [112], Г. Н. Скляревская [146], В. Н. Телия [156, 157], А. П. Чудинов [178, 179], Е. И. Шендельс [185], M. Johnson [240], G. Lakoff [240, 242] и др.);

– теория персонификации и антропоморфизма (С. Ю. Воскресенская [41, 42, 43], С. К. Константинова [86], М. Д. Сазонова [141], Е. В. Серебрякова [143, 144], J. Cacioppo [220, 221, 280, 281], A. G. Dorst [216], N. Epley [219, 220, 221, 280, 281], A. Waytz [220, 221, 280, 281] и др.);

– лингвистическая теория перевода (И. С. Алексеева [4], Л. С. Бархударов [19], А. И. Клишин [80], А. Д. Швейцер [182, 183], P. Newmark [250] и др.).

Материалом для исследования послужили: 1) более 500 полисемантических единиц, отмеченных персонификационным переносом из концептосфер «Человек» и «Животный мир», которые были отобраны из четырех моновязычных английских словарей общим объемом свыше 6000 страниц; 2) более 1000 примеров актуализации категорий одушевленности и гендера при персонификации, источниками которых послужили 76 англоязычных художественных произведений общим объемом свыше 25

тысяч страниц; 3) более 1000 фрагментов опубликованных переводов данных произведений на русский язык.

Положения, выносимые на защиту:

1. Категории одушевленности и гендера в английском языке носят интерпретативный характер и имеют размытые границы, что выражается в свободном приписывании носителями языка признаков одушевленности и гендера неживым объектам посредством персонификации.

2. В английском языке под воздействием персонификации как комплексного явления, имеющего когнитивные и мотивационные основания, наиболее активному переосмыслению подверглись глаголы, отображающие способности человека к перемещению, физическому воздействию на окружающий мир и коммуникации, а также соматизмы.

3. Неживая природа и растения являются основными объектами персонификации в англоязычной прозе, что позволяет охарактеризовать элементы концептосферы «Окружающий мир» как обладающие высоким персонификационным потенциалом.

4. Корреляция неодушевленного существительного с глаголом, в семантическую структуру которого входит сема одушевленности, является наиболее продуктивным средством персонификации в англоязычной прозе. Глагольные персонификации носят преимущественно узуальный характер и свидетельствуют о присутствии в англоязычной лингвокультуре персонифицированного восприятия неодушевленных денотатов, имеющих агентивные признаки.

5. Наличие узуальных и авторских персонификаций с актуализацией и без актуализации категории гендера в англоязычной прозе зависит от особенностей идиолекта автора, авторского замысла и жанровой принадлежности произведения.

6. Переводческий потенциал персонификации с актуализацией категории одушевленности в паре языков «английский – русский» носит градуальный характер с наличием следующих ступеней: 1) нейтрализация, 2)

ослабление; 3) сохранение; 4) усиление. К причинам, вызывающим ослабление, усиление или нейтрализацию персонификации относятся расхождения между двумя лингвокультурами в плане концептуализации неодушевленных предметов и сущностей, типологическое различие между двумя языками, межязыковая асимметрия, а также индивидуальные переводческие решения. При сопряженной актуализации категории гендера переводческий потенциал персонификации значительно снижается в силу ограниченности переводческого варьирования, вызванной системными различиями между двумя языками.

Достоверность результатов исследования обеспечена опорой на объемный корпус теоретических работ и количественным анализом репрезентативной выборки языкового материала.

Апробация результатов исследования проходила в форме докладов на заседаниях аспирантских семинаров кафедры английской филологии и перевода СПбГУ в период с 2015 г. по 2018 г., а также на следующих конференциях: XLV, XLVI и XLVII Международная филологическая конференция (Санкт-Петербург, 2016, 2017, 2018), научно-методическая конференция «Англистика XXI века» (Санкт-Петербург, 2018), международный молодежный исследовательский форум «Гуманитарий: традиции и новые парадигмы в науке о языке» (Санкт-Петербург, 2018), международная научная конференция «Герценовские чтения: иностранные языки» (Санкт-Петербург, 2019, 2020).

Основные результаты исследования изложены в девяти публикациях общим объемом 3,8 п. л., включая пять статей в научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Настоящая работа выполнена в соответствии с паспортом специальности 10.02.04 «Германские языки» и охватывает следующие области исследования: 1) слово как основа единства языка, типы лексических единиц, структура словарного состава, функционирование лексических единиц, развитие и пополнение словарного состава, лексика и внеязыковая

действительность, лексикологические категории, фразеология, синтаксический строй, особенности стилистического воздействия и экспрессивных средств германских языков; 2) проблемы передачи различных языковых явлений в разных языках, в переводах с германских языков на родной и обратно.

Структуру диссертации составляют введение, четыре главы, заключение, список литературы, включающий научную литературу (281 наименование, из них 92 на английском языке), словари (21 единица), лингвистические корпуса (3 наименования) и источники языкового материала (131 наименование, из них 76 на английском языке), а также список сокращений и три приложения.

Первая глава «Теоретические основы исследования актуализации категорий одушевленности и гендера при персонификации» содержит обзор трудов, связанных с проблематикой исследования функционирования категорий одушевленности и гендера, явления персонификации в английском языке, а также его передачи при переводе на русский язык. В частности, рассматриваются инструменты таких антропоцентрических подходов, как когнитивная лингвистика и лингвокультурология, а также взгляды исследователей на проблему отношения между метафорой и персонификацией.

Вторая глава «Актуализация категорий одушевленности и гендера при персонификации: лексикологический аспект» содержит основанное на анализе словарных дефиниций описание лексико-семантических групп полисемантических единиц английского языка, отмеченных персонификационным переносом из концептосфер «Человек» и «Животный мир».

Третья глава «Актуализация категорий одушевленности и гендера при персонификации: стилистический аспект» посвящена изучению функционирования персонификации в англоязычной прозе. Выделяются концептуальные сферы, элементы которых выступают объектами

персонификации. Анализируются средства персонификации, а именно единицы контекста, способствующие образованию узуальных и авторских персонификаций в англоязычной прозе.

Четвертая глава «Актуализация категорий одушевленности и гендера при персонификации: переводоведческий аспект» содержит анализ переводческого потенциала персонификации в англоязычной прозе в зависимости от ее объекта, вида (узуальная / авторская персонификация) и типа (без актуализации / с актуализацией категории гендера).

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ АКТУАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИЙ ОДУШЕВЛЕННОСТИ И ГЕНДЕРА ПРИ ПЕРСОНИФИКАЦИИ

1.1. Антропоцентризм как современная парадигма лингвистических исследований

1.1.1. Понятие антропоцентризма

Человек с древних времен задавался вопросами о том, как возник язык и как он функционирует, однако формирование языкознания как отдельной науки, обладающей самостоятельным исследовательским аппаратом, произошло лишь в первой половине XIX века [155; 187]. Этому способствовало становление сравнительно-исторической научной парадигмы, в рамках которой лингвисты проводили исследования в течение практически целого столетия.

В первой половине XX века началась новая стадия развития науки о языке, которую традиционно связывают с именем Ф. де Соссюра [5, с. 131]. Приписываемые данному ученому слова о необходимости принять в качестве объекта лингвистики язык в самом себе и для себя [170, с. 45] легли в основу так называемого системно-структурного подхода, переориентировавшего внимание исследователей с сопоставления языков на их строение и системные основы.

Приблизительно с середины XX века на смену исследованиям, касающимся устройства и структуры языка, приходят исследования, призванные ответить на вопрос о взаимоотношении языка и человека, в результате чего постепенно формируется антропоцентрический подход [109]. Данное понятие имеет множество трактовок.

В философских науках термин «антропоцентризм» определяется как воззрение, согласно которому человек есть центр и высшая цель мироздания [293]. Лингвистика рассматривает антропоцентризм под другим углом.

Например, Г. В. Колшанский охарактеризовал данный феномен как соотношение человека с четырьмя сторонами объективного мира – природным миром, социальным миром, индивидуумом и самим собой [83, с. 86]. В трудах Е. С. Кубряковой подчеркивается смена научных парадигм в различных областях знания; антропоцентризм в лингвистике характеризуется как смещение фокуса исследований со структуры языка на языковые особенности человека [92, с. 14]. С данным определением перекликается высказывание В. А. Масловой о том, что антропоцентризм подразумевает акцент на субъекте познания, а не на объекте, т. е. на исследовании человека в языке и языка в человеке [109]. Язык, рассматриваемый с позиций антропоцентризма, уподобляется зеркалу, в котором человек отразил свой физический образ, внутренний мир, культурный и исторический опыт [16, с. 3; 131, с. 30; 159, с. 68]. Сам человек становится точкой отсчета в процессе анализа явлений, в которые он вовлечен [95].

Хотя считается, что антропоцентрический подход в языкознании сложился во второй половине XX века, его зачатки можно наблюдать и в более ранние периоды. Например, еще в Древней Греции философы задавались вопросами о взаимосвязи языка и человека, что иллюстрирует спор между Гераклитом и Демокритом о природном или условном (конвенциональном) характере языка.

В начале XIX века, когда лингвистическая наука еще только начинала выделяться в самостоятельную область знаний, В. фон Гумбольдт подчеркивал необходимость исследовать язык в тесной связи с человеком и его мыслительной деятельностью. Кроме того, ученый рассматривал язык не только как объект исследования, но и инструмент, позволяющий человеку познать самого себя [54, с. 383], а также как проявление «народного духа» [107, с. 238]. Мыслитель продолжил идею И. Г. Гердера о том, что в каждом языке «отпечатлелся рассудок и характер народа» [47, с. 239].

Идеи В. фон Гумбольдта в дальнейшем получили отражение в трудах А. А. Потебни. Ученый подчеркивал антропоцентричный характер языка и определял язык как явление, способствующее созданию взаимопонимания между членами социума и пониманию самого себя через взаимодействие с социумом [132, с. 30].

Окончательно идеи антропоцентризма закрепились в лингвистике в XX веке. В настоящий момент антропоцентричность языка считается одной из главных методологических установок современных лингвистических исследований [31, с. 313]. Этому способствовали труды Э. Бенвениста и Г. Гийома. В работе Э. Бенвениста «Общая лингвистика» целый раздел имеет название «Человек в языке» и описывает субъективность как основополагающий принцип языка [22]. Г. Гийом отмечает важность антропоцентрического подхода для понимания речемыслительной деятельности человека, утверждая, что наука о языке долгое время углублялась в изучение средств экстерииоризации языка в ущерб изучению средств интериоризации [48, с. 73]. Анализируя идеи французских лингвистов, Ю. С. Степанов выводит их общие черты, а именно акцент на организации языка «по мерке человека», отображенной в самом языке [153, с. 15]. Примером такой организации могут послужить английские сочинительные словосочетания *come and go, here and there, now and then, active and passive*, поскольку они разворачиваются с позиции одушевленного участника ситуации, находящегося в ее центре [247, с. 99].

Помимо того, что понятие «антропоцентризм» характеризуется множественностью трактовок, не существует общепринятого способа номинации исследований, проводимых в рамках данной научной парадигмы. Н. В. Бугорская выделяет ряд терминов (антропоцентрическая лингвистика, антропологическая лингвистика, антропный принцип в лингвистике, человеческий фактор в языке), которые рассматриваются как синонимические и используются для выражения одной идеи [32]. Кроме того, автор анализирует различные подходы к антропоцентризму и выделяет

три варианта его понимания: как свойство языка, метод анализа языковых явлений и процесс гуманитаризации языка лингвистического описания [32, с. 24]. Ни один из этих вариантов не является доминирующим. Все три варианта взаимосвязаны и не исключают параллельного их использования в научных работах.

Антропоцентризм рассматривается как свойство языка и как метод его исследования в трудах Е. Г. Хомяковой [173]. Автор также уделяет особое внимание термину «эгоцентризм», обозначающему особую способность человека отражать в сознании, преломляя сквозь призму собственного «я», образ окружающего мира, частью которого он себя осознает и картину которого создает в процессе речемыслительной деятельности. Взаимосвязь человеческого сознания и языка подчеркивается параллелизмом их структур. Согласно автору, человеческое сознание формируется посредством последовательного прохождения через три стадии: номинативную (стадию восприятия окружающего мира), предикативную (стадию формирования субъектно-объектных отношений) и эгореференциальную (стадию восприятия собственного Я в качестве объекта). Эти три стадии находят свое отражение на уровне семантики, синтаксиса и прагматики, а также на уровне слова, предложения и текста. Рассматривая антропоцентризм как метод исследования языка, Е. Г. Хомякова отмечает, что его следует характеризовать как тренд, просматривающийся в той или иной степени сквозь всю историю развития науки о языке, а также как неизбежный этап развития всеобщих знаний о человеке в его историческом развитии.

Говоря об антропоцентризме, В. Н. Телия использует ряд родственных терминов – антропоцентричность, антропометричность и антропоморфность [156]. Не давая отдельного определения термина «антропоцентричность» (по всей видимости, он трактуется как осмысление мира сквозь призму человеческого сознания), исследователь определяет антропометричность как одно из проявлений антропоцентричности, заключающееся в измерении различных сущностей в масштабах человеческого знания.

Антропоморфность – это следствие антропометричности, выраженное в языковой форме. Антропоморфную маркировку имеют многие метафоры, включая метафоры олицетворения. Например, в метафорическом выражении *совесть проснулась* происходит уподобление абстрактного понятия живому существу.

Ученые подчеркивают важность антропоцентризма как метода исследования языка. А. В. Кравченко объясняет необходимость изучения языка с антропоцентрических позиций тем, что язык – это человеческое установление, в результате чего понять и осознать его можно лишь в тесной связи с его создателем и пользователем [90, с. 6]. Сходные взгляды выражает С. Г. Тер-Минасова, отмечая двустороннюю связь между человеком и языком, которая понимается как невозможность существования человека разумного (*homo sapiens*) вне языка, а языка – вне человека, из чего вытекает необходимость исследовать язык в тесной связи с человеком [159, с. 134].

В. М. Алпатов противопоставляет антропоцентрический подход, при котором исследователь, будучи носителем языка, описывает свои представления о данном языке (т. н. лингвистическая интуиция), и системоцентричный подход, подразумевающий рассмотрение языка как системы, функционирующей независимо от человека, что позволило сформировать научные методы лингвистической науки [6, с. 15–21]. Автор отмечает, что исторически первичным является именно антропоцентрический подход, при этом любое языковое исследование по сути своей антропоцентрично и интуитивные выводы могут существовать наравне с результатами, полученными с помощью верифицируемых методов.

Антропоцентрический подход используется в различных областях лингвистической науки. Например, М. А. Шелякин описывает так называемую проблему «язык и человек», суть которой заключается в изучении мотивированности языковой системы и ее употребления в речи [184, с. 14]. Е. Н. Ремчукова в своем исследовании креативного потенциала русской грамматики отмечает, что антропоцентричный подход к грамматике

позволяет выявить закономерности взаимоотношений языка и речи, способность различных типов и жанров творческой речи реализовывать все то, что заложено в системе языка [138, с. 309].

1.1.2. Антропоцентрический подход в языкознании: когнитивная лингвистика и лингвокультурология

Одним из самых продуктивных антропоцентрических направлений в настоящее время является когнитивная лингвистика. В наиболее общем смысле под когнитивной лингвистикой понимается отрасль языкознания, целью которой является получение информации о функционировании разума [129, с. 7]. В детальной трактовке когнитивная лингвистика рассматривается как ответвление лингвистической науки, исследующее процессы восприятия, категоризации, классификации и осмысления мира, механизмы накопления знаний и системы, обеспечивающие различные виды деятельности с информацией [108, с. 23].

Исследования, проводимые инструментами когнитивной лингвистики, многогранны и не формируют единой парадигмы. Достаточно широкое распространение получило деление когнитивной лингвистики на две области – когнитивную семантику и когнитивную грамматику [222, с. 50]. Это деление носит условный характер, поскольку данные области исследований не являются независимыми друг от друга. Когнитивные исследования грамматики во многом опираются на семантику. Развитие подобного подхода базируется на трудах Р. Лангакера, теория которого отличается от более ранних лингвистических теорий тем, что в ее рамках грамматика не рассматривается как отдельный уровень языка. Подчеркивается невозможность ее существования отдельно от фонологии и семантики [99, с. 7], а также существование своеобразного континуума между лексикой и грамматикой [243, с. 18]. Таким образом, когнитивная семантика может быть определена как ядерное направление когнитивной лингвистики. В фокус исследований, выполненных в русле когнитивной семантики, входят

формы представления человеческого знания и формирования значений (концептуализации) [222, с. 49], а также динамика значений и их варьирование в реальной речи [94, с. 8].

Обширные исследования когнитологов в области формирования значений привели к тому, что в современной когнитивной лингвистике одним из ключевых стал термин «концепт», имеющий множество трактовок и ставший в высшей степени популярным объектом исследования (см., напр., [8]). Концепт с культурологической точки зрения – это, образно говоря, «сгусток культуры в сознании человека», явление, обеспечивающее двустороннюю связь между человеком и культурой [152, с. 40]. При семантическом подходе концепт рассматривается как единица когнитивной семантики. В противовес семантическому подходу высказывается точка зрения, согласно которой концепт не формируется на основании значения слова, а возникает в результате столкновения значения слова с личным и народным опытом человека [108].

Вариативность трактовки термина «концепт» привела к тому, что сформировалось несколько разных направлений когнитивных исследований, посвященных концептам. З. Д. Попова и И. А. Стернин выделяют пять направлений: 1) исследование концептов как элементов культуры с использованием данных разных наук; 2) исследование концептов в их связи с национальными особенностями культуры; 3) исследование концептов с помощью логических методов без опоры на их языковую форму; 4) исследование лексической и грамматической семантики языка как средства моделирования концептов; 5) исследование когнитивных основ знаковости [129].

Как отмечает Н. Н. Болдырев, все многообразие концептов как элементов культуры условно можно свести к ограниченному числу концептуально-тематических областей (концептосфер), представляющих собой языковую репрезентацию знаний о физической, тематической, функциональной и другой общности объектов, устанавливаемой человеком в

процессах взаимодействия с окружающим миром [31, с. 232]. Среди них выделяются следующие области: «Человек», «Природа», «Общество», «Животный мир», «Артефакт», «Пространство», «Время», «Событие», «Признак».

Следствием понимания концепта как «сгустка культуры» стало появление культурологического подхода к изучению языка, его единиц и категорий, в рамках которого ведутся исследования языковой картины мира (ЯКМ). Согласно определению Е. С. Яковлевой, ЯКМ – это схема восприятия действительности, получившая фиксацию в языке и являющаяся специфической для определенного языкового коллектива [189, с. 9]. ЯКМ тесно связана с концептуальной картиной мира (ККМ), под которой понимается глобальный образ мира, сформированный в результате постижения человеком мира всеми способами (в т. ч. невербальными). ЯКМ обеспечивает экспликацию ККМ языковыми средствами и выступает инструментом означивания элементов ККМ [142, с. 6].

ЯКМ формируется посредством интерпретации мира, которую Н. Н. Болдырев определяет как определенный вид познавательной активности, а также как процесс и результат осмысления человеком мира и своего места в нем на основании общечеловеческих представлений о мире и личного опыта взаимодействия с ним [28, с. 43]. Интерпретация подразделяется на первичную и вторичную. Первичная интерпретация – это видение мира сквозь призму социума, поэтому она условно считается объективной. Вторичная интерпретация представляет собой реинтерпретацию коллективного видения мира в индивидуальной концептуальной системе человека [27, с. 9].

История понятия ЯКМ уходит корнями к описанной ранее идее Гумбольдта о «народном духе» языка, однако оно стало подробно разрабатываться лишь в XX веке, когда широкую известность приобрели идеи Э. Сепира и Б. Уорфа о влиянии языка на представления народа о мире, положившие начало теории лингвистической относительности [71, с. 265].

Данная теория гласит, что наличие в том или ином естественном языке определенных категорий способствует определенному членению мира и формированию системы понятий в сознании носителя данного языка [118, с. 176].

Э. Сепир отмечал постепенно растущую дистанцию между современной культурой и единицами языка, отражающими культуру прошлого [264, с. 102]. Другие исследователи также отмечают, что зафиксированный в языке образ мира значительно отстает от современных знаний носителей языка о мире [77, с. 100]. Например, фраза *the Sun will rise at 06:29 GMT* отображает характерное для геоцентрической модели мироздания восприятие Земли как неподвижной твердыни, хотя смена естественнонаучной парадигмы произошла еще в XVI веке, когда благодаря трудам Николая Коперника общепринятой стала гелиоцентрическая модель Вселенной, что положило начало первой глобальной научной революции [136, с. 146]. Подобные свидетельства архаичности и инертности языка привели к тому, что исследователи стали говорить о наивной ЯКМ [9, с. 57; 169, с. 117], сформированной поверхностными, донаучными наблюдениями за окружающим миром. Наивная ЯКМ часто противопоставляется научной картине мира (КМ), определяемой как совокупность научных знаний о мире, выработанная всеми частными науками на текущем этапе развития человеческого общества [88, с. 9]. При этом отмечается, что определение «наивная» не предполагает негативной оценки данного феномена и трактовки его как примитивного видения мира [10, с. 351]. Наивная ЯКМ столь же сложна, как и научная, поскольку в ней накоплен жизненный опыт людей, сложившийся за многие века.

Наравне с понятиями КМ и ЯКМ существует концепция модели мира, основное отличие которой от концепции КМ видится в большей степени схематичности и структурированности. Т. В. Цивьян определяет модель мира как сокращенное и упрощенное отображение всей суммы представлений о мире в данной традиции, взятых в их системном и операционном аспекте

[174, с. 5]. Архетипические модели мира описывают базовые параметры мира с помощью системы бинарных оппозиций. Например, пространственно-временные параметры описываются парой признаков «верх – низ», «левый – правый», социальные параметры – парой признаков «мужской – женский», «старший – младший» и т. д. Оппозиция «мужское – женское» оценивается как одна из самых ярких и пронизывающих все сферы языка и трактуется как свернутая серия других оппозиций: «жизнь – смерть», «чет – нечет», «небо – земля», «день – ночь», «огонь – вода» [70, с. 178].

Понятие концепта является ключевым для теории языковой личности. Одно из первых определений понятия «языковая личность» в рамках лингводидактики сформулировал Г. И. Богин в 1980 году [72, с. 25]. Согласно Г. И. Богину, языковая личность – это человек, рассматриваемый сквозь призму его готовности производить речевые поступки [26, с. 3]. Понятие языковой личности тесно сопряжено с субъектным принципом в языке, характерным для формирования смысла, а также содержания дискурса в целом. Согласно этому принципу, выбор конкретных концептов и языковых средств их репрезентации связан с конкретным говорящим субъектом [31, с. 233].

Ю. Н. Караулов разработал модель языковой личности, которая понимается и как любой носитель того или иного языка, и как комплексный способ описания языковой способности индивида. В модели рассматриваются уровни языка, интеллекта, действительности, а также соответствующие им семантический, когнитивный и мотивационный уровни структуры языковой личности, каждый из которых характеризуется своими элементами (единицами, отношениями, стереотипами) [76].

Языковая личность рассматривается не только как индивидуум с характерными для него языковыми особенностями, но и как усредненный носитель языка [286, с. 804], в результате чего получили распространение вариации данного термина, а именно «коллективная языковая личность» и «индивидуальная языковая личность» [72, с. 28]. Кроме того, понятие

языковой личности используется в переводоведении. Перевод трактуется как особый вид контакта между двумя языками и проявление динамического билингвизма, позволяющего рассматривать переводчика как особую языковую личность, структура которой изучается в рамках когнитивной транслатологии [40, 137].

В русле когнитивной науки разрабатывается концепция воплощенного познания (*embodied cognition*), подробно описанная в работе *The Embodied Mind* [274] и привлекающая внимание лингвистов в наши дни (см., напр., [236]). Ее также называют телесным подходом [177]. Термин «воплощение» в данной концепции имеет двоякую трактовку и охватывает одновременно тело человека как объект, накапливающий опыт во взаимодействии с окружающим миром, а также хранилище когнитивных механизмов, перерабатывающих жизненный опыт. Одним из этих механизмов является метафора, позволяющая перейти от осязаемого опыта к абстракции [228; 234]. Воплощение рассматривается и как инструмент перехода от абстракции к осязаемому образу при персонификации [202; 226]. В широком понимании концепция воплощения (телесности) утверждает, что физические, познавательные и социальные ниши человека обуславливают наши концептуальные и лингвистические системы [124, с. 107].

Процессу концептуализации посвящена основная масса когнитивных исследований в лингвистике, однако в качестве еще одного ключевого когнитивного процесса выделяется категоризация, а именно процесс упорядочения приобретенных знаний и систематизации их по ряду разделов, существующих в сознании человека и зачастую основанных на категориях языка, носителем которого является человек [59]. Дискуссионными в этой области являются вопросы, касающиеся структуры категорий и их составляющих, взаимоотношений единиц категорий, возможности конечного описания существенных признаков категорий [59, с. 21].

Первопроходцем в области системной категоризации представлений о мире принято считать Аристотеля, обобщившего в своем трактате

«Категории» сложившиеся с древнейших времен представления о мире и способах его познания [293, с. 250]. Аристотель выделял такие категории, как сущность (субстанция), количество, качество, отношение, место, время, положение, состояние, действие и страдание. Он представлял категории как образования онтологического характера с четкими границами и организацией входящих в них элементов. Элементы категории в его системе считаются равноправными и имеющими одинаковый набор типичных для специфической категории признаков. Подобный подход к осмыслению категорий принято называть классическим [58, с. 44].

В XX веке классический подход подвергся критике и пересмотру, однако мысль о том, что в категории могут входить не только однотипные, но и достаточно разнородные объекты, высказывалась еще Гумбольдтом [53, с. 294]. Расплывчатость границ категорий проиллюстрировал в своих трудах Л. Витгенштейн. Согласно Витгенштейну, категории – это сеть подобий, накладывающихся друг на друга и переплетающихся друг с другом, сеть сходств в большом и малом [39, с. 111]. Особенно актуальным подобное представление о категориях является для лингвистики, поскольку мыслитель пришел к таким выводам на основании анализа функционирования естественного языка. Сравнивая слова «число» (связанное с четко очерченным понятием) и «игра» (не имеющее определенных понятийных границ), Витгенштейн продемонстрировал наличие категорий с четкими и нечеткими границами [39, с. 112], или же, выражаясь терминами Е. С. Кубряковой, двух пониманий категории – жесткого (основанного на равенстве) и нежесткого (основанного на подобии) [96, с. 100].

Качественно новый подход к категоризации был предложен Э. Рош [262]. В рамках данного подхода категории рассматриваются как объекты, структурированные по вертикальной и горизонтальной осям. В вертикальной плоскости выделяются три уровня категоризации: базовый, суперординатный (уровень абстракции) и субординатный (уровень конкретизации). Например, понятие «мебель», находящееся на суперординатном уровне, будет включать

в себя различные виды мебели (стол, шкаф и т. д.), получающие конкретизацию на субординатном уровне (обеденный стол, письменный стол; книжный шкаф, платяной шкаф). В горизонтальной плоскости категории представляют собой асимметричные образования, имеющие ядра и периферийные объекты. Ядра в терминологии Рош называются прототипами и представляют собой стереотипное видение объекта (т. н. «лучший представитель» класса / категории) [71, с. 22]. Кроме того, Рош подчеркивает, что категоризация имеет субъективную природу, связанную с психологией и мышлением человека, и что основная масса категорий не имеет четких границ [262, с. 27–35].

Согласно высказыванию Дж. Лакоффа, категоризация стала отдельным объектом исследований в когнитивной психологии во многом благодаря работам Рош [241, с. 39]. Лакофф экстраполировал результаты исследований Рош на лингвистические категории и на примере маркированных единиц на уровнях фонологии, морфологии и синтаксиса показал, что лингвистические категории, как и понятийные категории в целом, демонстрируют прототипические эффекты [241, с. 58–67].

Вопросом о возможной взаимосвязи между особенностями категоризации и психологическим складом народа еще в XIX веке задавался Н. Я. Данилевский, обративший внимание на значительные расхождения между языками в области построения временных форм глагола [57, с. 90]. В XXI веке А. В. Кравченко отмечает, что грамматический строй языка отражает видение человеком мира и своего места в нем, а также что среда обитания народа накладывает свой отпечаток на формирование концептуальной системы языка, на котором говорит этот народ [90, с. 10]. Схожую мысль высказывает Л. Г. Зубкова, утверждая, что идиоэтнические признаки в культуре находят отражение не только в лексике, но и в грамматике, и формируют особое грамматическое видение мира [69, с. 17]. Л. А. Козлова отмечает, что из-за наибольшей близости грамматики менталитету нации в грамматическом строе языка находят свое отражение

специфика мировидения и культурные ценности того или иного этноса, вследствие чего грамматику можно назвать «душой языка» [82, с. 71]. Высказывается мнение о том, что грамматика «держит» языковую картину мира [91]. При этом некоторые исследователи утверждают, что, хотя культурные особенности отражаются в грамматике менее ярко, чем в лексике, они являются более значительными [24, с. 153].

Языковой материал, рассматриваемый в настоящем исследовании, может быть проанализирован с помощью целого ряда инструментов когнитивной лингвистики. Для анализа актуализации категорий одушевленности и гендера при персонификации применимы понятие концептосферы, положения концепции воплощенного познания, а также неклассический подход к категоризации, согласно которому категории могут иметь градуальный характер и не обладать четкими границами.

1.2. Категории одушевленности и гендера в английском языке

1.2.1. Соотношение категорий одушевленности, рода и гендера в английском языке

Категория одушевленности / неодушевленности и категория гендера имеют между собой тесную связь на понятийном уровне. Согласно традиционному определению, в категории одушевленности / неодушевленности отражено то, как объекты окружающего мира делятся в сознании человека на живые и неживые [287, с. 342]. Значение одушевленности исторически связано с человеком и высшими животными, и детализируется значениями мужского и женского пола или же гендера. Под гендером в данном случае понимается языковое маркирование биологического пола одушевленных существ, а не социокультурный пол [131, с. 148].

Оппозицию «мужское – женское» в языке в некоторой степени отражает категория рода, относительно возникновения которой ученые

выдвигали разные теории. Зарождение первой (символико-семантической) теории произошло в Древней Греции. Как свидетельствует Аристотель, Протагор первым подразделил имена на мужские, женские и «утварь» [7, с. 33] и полагал, что грамматический род непосредственно связан с существованием людей и животных противоположных полов. Так, он утверждал, что слово *peleks* (*шлем*) неправомерно входит в группу существительных женского рода и должно поменять свой род на мужской [260, с. 67].

Символико-семантическая теория, которая трактует род как экстралингвистическую или понятийную категорию, господствовала в лингвистике длительное время [3, с. 14; 79, с. 38]. Так, в XIX веке Я. Гримм утверждал, что категория рода есть не что иное, как проекция наличия в природе представителей двух полов на неживые объекты. В своих рассуждениях он приписывал существительным мужского рода стереотипные качества мужчин, а существительным женского рода – стереотипные качества женщин [260, с. 67].

Со временем символико-семантическая теория стала подвергаться критике (не в последнюю очередь из-за того, что она была построена исключительно на материале европейских языков), в результате чего выработался синтаксический подход, согласно которому род – это совокупность формальных классов существительных, которая используется для синтаксической связи слов в предложении средствами согласования [3, с. 14; 211, с. 4]. Однако символико-семантическая теория не утратила окончательно свои прежние позиции, поскольку и на материале неевропейских языков было показано, что существительные могут классифицироваться по признаку биологического пола, но при этом в основе классификации наравне с полом могут лежать и другие признаки (одушевленности / неодушевленности, лица / нелица, слабости / силы, активности / неактивности) [36, с. 41; 127, с. 154; 233, с. 484]. В результате стали выделять системы с семантической категорией рода и формальной

категорией рода [211], а также смешанные системы, в которых род одушевленных существительных является семантически обусловленным, а род неодушевленных существительных может носить как семантический, так и формальный характер [215].

Считается, что в процессе своего развития английский язык утратил грамматическую категорию рода и на данном историческом этапе она в нем отсутствует [11, с. 108; 135, с. 107], однако при использовании термина *gender* в значении «род» зарубежные лингвисты утверждают, что в английском языке присутствует скрытая категория рода, которая выявляется в соотношении отдельных существительных с местоимениями *he* и *she*, а также их производными [257, с. 314]. Говорят об имплицитной / скрытой / анафорической родовой категоризации и отечественные исследователи [139, с. 167; 145, с. 129; 287, с. 418]. В настоящем исследовании принимается точка зрения, согласно которой термин «категория рода» не является релевантным для английского языка на современном этапе его развития, и используется термин «категория гендера».

Категории одушевленности и гендера находятся в отношениях субординации и имеют сродство, которое можно назвать избирательным. Термин «избирательное сродство» для описания взаимоотношений наложения между языковыми категориями использовали К. Бюлер и И. Бехерт [23; 34]. Отмечая синонимичность термина «сродство» и других похожих терминов (взаимоотношение, взаимосвязь, взаимодействие), Л. В. Белозерова использует его для обозначения особого типа отношений между категориями, имеющими формальное выражение [21]. Сродство категорий проявляется в регулярном использовании одними категориальными механизмами языковых единиц других категориальных механизмов. Например, в словосочетании *shallow person* прилагательное, занимающее позицию определения, употреблено в оценочном значении, образованном метафорическим путем от пространственного значения. В английском языке выявляется целый ряд прилагательных, образованных

схожим способом, что позволяет говорить о сродстве категорий дейксиса, метафоры и оценки [21, с. 158]. В настоящем исследовании термин «сродство» используется для обозначения иерархических отношений между двумя категориями на понятийном уровне и связей между семами одушевленности и гендера на уровне компонентного анализа первичных номинаций. Так, например, семы одушевленности и гендера одновременно входят в значения местоимений *he* и *she* и их производных, а также целого ряда наименований людей и животных (*boy, girl, lion, lioness* и т. д.). Вместе с тем рассматриваемые категории демонстрируют определенную степень самостоятельности друг от друга, в связи с чем их средства выражения рассматриваются по отдельности в двух последующих разделах.

1.2.2. Категория одушевленности в английском языке: средства выражения, члены категории

Категория одушевленности имеет различные средства выражения на уровнях лексики и грамматики. Во многих языках морфологическим средством отображения принадлежности существительного к классу одушевленных существительных является наличие падежного окончания у данного существительного в позиции прямого дополнения [215]. В английском же языке категория одушевленности / неодушевленности носит прежде всего коррелятивный характер и типично проявляется через референцию посредством местоимений *he / she* или *it*. Однако семы одушевленности содержат не только личные местоимения третьего лица *he* и *she* и их производные, но и местоимения первого и второго лица, репрезентирующие субъект и объект речи, а также неопределенные местоимения (*one* и его производная форма *oneself*; оканчивающиеся на *-body* или *-one*). Кроме того, избирательность по признаку одушевленности / неодушевленности проявляют абсолютные притяжательные местоимения, которые соотносятся исключительно с именами, обозначающими одушевленные сущности [126, с. 97], а также

независимые указательные местоимения *this* и *that*, которые не используются для обозначения одушевленных объектов за исключением случаев, когда они находятся в позиции подлежащего перед глаголом *be* [233, с. 1505].

Отдельного рассмотрения заслуживает местоимение *who*, употребляемое как в вопросительной, так и в относительной функции. В грамматиках и словарях обычно указывается, что оно используется исключительно с одушевленными антецедентами, под которыми также понимаются высшие животные. При этом отмечается, что использование местоимения *who* вместо местоимения *that* при указании на животное обычно сигнализирует о высокой степени значимости данного животного для говорящего (например, происходит указание на домашнего питомца) или же о высокой оценке говорящим интеллекта животного [201; 233; 271]. Однако Британский национальный корпус [304] содержит примеры соотнесения местоимения *who* с любыми живыми существами, и носители языка высказывают различные мнения по поводу границ его сочетаемости с обозначениями тех или иных видов животных [165]. Таким образом, граница употребления местоимения *who* при описании животных размыта. Она зависит от конкретной коммуникативной ситуации и идиолекта говорящего. Другая граница, проходящая между живыми и неживыми существами, является достаточно жесткой. Ее нарушение может выступать как стилистический инструмент, позволяющий создать персонифицированный образ неживого предмета.

В отличие от местоимения *who*, на употребление родственного ему притяжательного местоимения *whose* в настоящее время не накладываются нормативные ограничения сочетаемости по признаку одушевленности / неодушевленности, однако и оно характеризуется вариативным употреблением. Вплоть до XX века среди авторов прескриптивных грамматик преобладало мнение, согласно которому местоимение *whose* следует употреблять лишь с одушевленными антецедентами [302, с. 960], что, вероятно, вызвано его внешним сходством с местоимением *who*, однако

исторически оно также является родственным вопросительному местоимению *what* [301]. В дальнейшем в справочниках стали появляться указания на широкую норму, однако среди носителей языка популярной оставалась узкая норма. В 70-х годах XX века в США было проведено исследование, участниками которого стали преподаватели университетов и колледжей. Две трети участников исследования заявили, что отметили бы использование местоимения *whose* для описания неодушевленного антецедента в студенческой работе как неправильное [302, с. 960]. Носители языка высказываются подобным образом и в наши дни [165].

При этом в узусе отмечается желание носителей языка внести равновесие в асимметричную систему относительных местоимений. В 1995 году было проведено исследование, которое показало, что в ряде шотландских и ирландских диалектов, а также на севере Англии употребляется форма *thats* [265]. Кроме того, позднее было выявлено, что форма *thats* используется на территории США и характеризуется толерантным отношением к ней со стороны носителей языка (особенно детей) [248]. Результаты упомянутых исследований позволяют сделать вывод о наличии определенной лакуны в системе местоимений английского языка, которая, возможно, будет заполнена в будущем.

Наряду с целым рядом местоимений, имеющих одушевленную маркировку, в английском языке присутствуют морфологические средства выражения значения одушевленности, такие как суффиксы и полуаффиксы существительных (напр., *-er*, *-or*, *-ess*, *-ee*, *-ent*, *-man*, *-woman* и др.). При этом многие существительные не имеют морфологических маркеров одушевленности и демонстрируют принадлежность к классу одушевленных существительных исключительно на уровне семантики (напр., *parent*, *sibling*, *friend*, *husband*, *wife*, *uncle*, *aunt*, *monk*, *nun* и др.).

Помимо местоимений и существительных, семой одушевленности могут обладать прилагательные (напр., *alive*, *awake*, *conscious*). Отличительную особенность имеет прилагательное *old*, два варианта

степеней сравнения которого различаются маркированностью по признаку одушевленности / неодушевленности [126, с. 151].

Значение одушевленности находит свое выражение и в синтаксисе английского языка. На уровне словосочетания оно проявляется в построении притяжательных форм существительных. Считается, что образование притяжательной формы посредством так называемого форманта 's более характерно для одушевленных существительных, чем для неодушевленных [201, с. 302; 233, с. 477]. Исключение составляют существительные во множественном числе, которые, как показали корпусные исследования, более склонны к образованию притяжательной формы посредством предлога *of* [201, с. 303]. Однако на образование притяжательных форм влияет не только одушевленная маркированность существительного, но и другие факторы, а именно: 1) т. н. «правило тяжелого конца»; 2) принадлежность существительного к определенной семантической группе; 3) релевантность; 4) тематичность; 5) фонетические особенности; 6) регистр речи [162].

Под «правилом тяжелого конца» понимается то, что длинные цепочки зависимых элементов стремятся занять конечную позицию в английском предложении. Если подобная цепочка обозначает посессора и состоит из четырех или более элементов, то значение посессивности отображается при помощи конструкции с предлогом *of* [263, с. 231].

Существительные локативной и темпоративной семантики характеризуются тем, что тяготеют к образованию притяжательных форм с помощью форманта 's (например, *October's weather*, *London's pubs*) [233, с. 477]. Что касается существительных локативной семантики, исследователи объясняют подобное поведение наличием метонимической связи «место – человек» в сознании носителей [238].

Под релевантностью понимается соотнесенность посессора с тематикой высказывания. Например, в книге про виноделие вероятность встретить словосочетание *the wine's colour* выше, чем в книге, посвященной другой тематике [263, с. 232].

Под тематичностью понимается наличие предшествующих упоминаний посессора в тексте. Они повышают вероятность построения притяжательной конструкции с помощью форманта 's, что демонстрирует следующий пример: *The explosion sent the hood of the car flying over the roof of the house. <...> It was first believed the bomb was rigged to the car's starter* [231].

К фонетическим особенностям английского языка, влияющим на выбор притяжательной формы, относятся наличие ритмичного ударения с равномерным чередованием ударных и безударных слогов, а также принцип *horror aequi* («боязнь подобного»). Первая особенность проявляется в употреблении предлога *of* при образовании притяжательных словосочетаний для разделения двух ударных слогов [263, с. 232], а вторая – в его употреблении в тех случаях, когда слово, обозначающее посессора, оканчивается на шипящий согласный [231].

Поэтическая речь – регистр, для которого характерно нетипичное употребление форманта 's. Оно заключается в распространении на сферу абстрактных существительных (напр., *music's voice; life's joys*) [56, с. 10].

На уровне предложения значение одушевленности проявляется в так называемых медиопассивных конструкциях (например, *the dress wears well*). Они подразумевают, что некий одушевленный субъект, который не имеет формального выражения в предложении, выполняет действие над объектом, обозначенным существительным в позиции подлежащего [126, с. 210]. Кроме того, в английском языке порядок прямого и косвенного дополнений, выраженных местоимениями, зависит от одушевленности / неодушевленности референта местоимения. Например, предложение *give me it* считается ненормативным (в отличие от *give it to me*) [233, с. 310].

Как было отмечено ранее, категория одушевленности во многом носит коррелятивный характер. Соотнесение существительных с теми или иными местоимениями является основой нескольких классификаций английских существительных.

Широкое распространение получило деление существительных на три класса: класс людей (члены класса соотносятся с местоимениями *he / she*), класс животных (соотношение членов класса с местоимениями варьируется и зависит от установки говорящего и типа коммуникативной ситуации), класс неживых / неодушевленных предметов (сочетаемость членов класса ограничена местоимением *it*) [215]. Поскольку данная классификация не отражает всех особенностей местоименной референции и согласования существительных, были разработаны более подробные варианты.

Представленная в грамматике *A Comprehensive Grammar of the English Language* классификация содержит девять классов, которые проиллюстрированы примерами, приведенными далее в скобках: 1) мужской (*brother*); 2) женский (*sister*); 3) двойственный (*doctor*); 4) общий (*baby*); 5) собирательный (*family*), 6) высшие животные мужского пола (*bull*); 7) высшие животные женского пола (*cow*); 8) низшие животные (*ant*); 9) неодушевленный (*box*) [257, с. 314].

Грамматика *The Cambridge Grammar of the English Language* содержит следующие классы существительных, выделенные на основании соотнесения их с теми или иными местоимениями: 1) мужской (напр., *bachelor*); 2) женский (*actress*); 3) неличный (*arrival*); 4) мужской / женский (*friend*); 5) мужской / неличный (*ram*); 6) женский / неличный (*cow*); 7) тройной (*baby*) [233, с. 490].

Существуют классификации существительных, основанные на нескольких семантических признаках. Например, А. А. Уфимцева классифицирует конкретные имена по предметным сферам в зависимости от их одушевленности / неодушевленности, принадлежности к группе лиц / нелиц, а также счисляемости / несчисляемости и выделяет шесть разрядов существительных: 1) животный мир (*animals, birds*) = конкретность + одушевленность + счисляемость + нелицо; 2) люди (*people*) = конкретность + одушевленность + счисляемость + лицо; 3) вещи, растения (*things, trees*) = конкретность + неодушевленность + счисляемость + нелицо; 4) совокупность

животных (*flock, herd*) = конкретность + одушевленность + несчисляемость + нелицо; 5) совокупность лиц (*police*) = конкретность + одушевленность + несчисляемость + лицо; 6) материал, вещество (*iron, water*) = конкретность + неодушевленность + несчисляемость + нелицо [169].

Современные исследователи используют методы корпусной лингвистики для построения классификаций существительных с учетом особенностей их семантической сочетаемости с другими частями речи, а также поведения в различных синтаксических структурах. Одна из таких классификаций содержит следующие классы: 1) люди; 2) организации; 3) животные; 4) «умные» механизмы; 5) транспортные средства; 6) прочие конкретные имена существительные; 7) обозначения места; 8) обозначения времени; 9) прочие абстрактные имена существительные [269]. Другая классификация содержит пять классов неодушевленных существительных, выделенных на основании их тенденции сочетаться с глаголами, обозначающими протипически человеческие действия (например, *apologize, regret, stammer, giggle*): 1) собирательные существительные; 2) локативы и темпоративы; 3) конкретные существительные; 4) абстрактные существительные, имеющие связь с человеком (например, *idea, decision, question, fear*); 5) абстрактные существительные [235].

1.2.3. Категория гендера в английском языке: средства выражения, члены категории

Основное средство выражения категории гендера в английском языке – это соотнесение существительных с гендерными местоимениями *he* и *she*. Кроме того, отображение гендера может осуществляться на уровне морфологии словообразовательными средствами, а именно словосложением (напр., *boyfriend, girlfriend*) или суффиксацией (напр., *actress*). Сема гендера может присутствовать и в значении простого по морфологическому составу слова, что характерно для терминов родства, обозначений социального статуса, а также обозначений животных (*aunt, king, hen* и т. д.) [201, с. 312].

Гендерная маркированность может присутствовать и в семантике других частей речи. Например, прилагательное *pretty* обычно используется для описания женщин, а прилагательное *handsome* – мужчин [217, с. 60].

Распространение в XX веке движений феминизма и политкорректности привело к тому, что в конце 60-х годов начало формироваться направление так называемой феминистской лингвистики, известное также под названием феминистской критики языка. Представители данного направления критиковали андроцентричность многих европейских языков, для которых характерно отождествление понятий «человек» и «мужчина», использование существительных мужского рода для обозначения лиц любого пола, производность существительных женского рода от существительных мужского рода, оценочная маркированность существительных с формальными признаками женского гендера, обозначающих профессии, а также синтаксическое согласование по грамматическому роду, а не по реальному полу референта [78, с. 16]. Андроцентричность языка трактовалась как его ориентированность на мужчину, приводящая к «незаметности» женщин [134, с. 19]. В результате в английском языке возникла тенденция заменять существительные с морфологическими гендерными признаками на нейтральные существительные без гендерной маркировки. Например, существительное *man* в значении «человек» стали заменять существительными *person*, *individual* или словосочетанием *human being*, существительное *fireman* – существительным *firefighter* и т. д. Замене стали подвергаться существительные с морфологическими признаками как мужского, так и женского гендера (напр., *lodging quarters cleaner* вместо *chambermaid*, *building interior cleaner* вместо *charwoman*) [101, с. 30]. Исключение составляет слово *freshman*, которое ассоциируется у носителей английского языка в США как с мужским, так и женским гендером [233, с. 1683]. При этом отмечается, что из-за столь активной замены слов с гендерной окраской слово *person* стало восприниматься носителями языка

как эвфемизм слова *woman* и ассоциироваться в их сознании с денотатом, имеющим женский гендер [209, с. 121].

Феминистское желание вытеснить из английского языка слова с гендерной окраской иногда встречает критику со стороны самих женщин. Например, на одном из заседаний ООН председатель отреагировала на обращение *Madam Chair* следующим образом: «*I'd rather you called me a man than a piece of furniture*» [197, с. 100].

Сторонники феминистской лингвистики предлагали заменять новыми формами не только существительные, обозначающие профессии или статус человека. Например, выдвигалось предложение заменить существительное *history* на *herstory* из-за наличия в нем буквосочетания *his* [254, с. 13].

Под влиянием сторонников феминистской лингвистики произошло расширение ряда форм вежливости в английском языке. Форма *Ms.*, появившаяся в начале XX века [300], постепенно становится все более распространенной и считается примером успешности проводимых языковых реформ [49]. Онлайн-словари Oxford и Merriam-Webster уже содержат статьи с описанием новой формы обращения *Mx*, появившейся в 70-х годах XX в. и употребляемой в тех случаях, когда говорящий не хочет раскрывать свой гендер или же не может соотнести его с традиционной дихотомичной системой [297; 298].

Феминистская лингвистика оказала заметное влияние на употребление местоимений. Использование местоимения *he* в анафорической функции для отсылки к существительному общего рода стало порицаться, в результате чего получили распространение различные варианты его замены [125].

Замена местоимения *he* может производиться с помощью сочинительных групп *he or she* или *she or he* [126, с. 154], а также форм *she/he*, *s/he*, *he/she*, *(s)he* [115, с. 15], которые подвергаются критике с точки зрения стилистики и удобства их употребления [128, с. 12; 233, с. 493]. Формы, построенные с помощью косой черты или скобок, используются

практически исключительно в научной литературе (посвященной, как правило, лингвистическим тематикам) [302, с. 845].

Существует «феминистический» способ анафорической референции с использованием местоимения *she* [33, с. 364]. Такая референция обычно связана с идеологическими соображениями автора высказывания или же отвечает референтной ситуации, в которой задействованы представительницы женского пола [51, с. 135; 115, с. 18].

Кроме того, местоимения *he* и *she* могут использоваться отдельно друг от друга для попеременной отсылки к одному и тому же существительному общего рода в тексте. Подобные примеры встречаются в текстах, посвященных лингвистическим проблемам, а также в работах по детской психологии и педагогике [46, с. 329].

В качестве еще одного способа отсылки к существительным общего рода используется местоимение *they* (т.н. *singular unisex they*), первые упоминания об употреблении которого в данной функции относятся еще к XIV веку [244, с. 63]. Помимо ситуаций, когда пол референта неизвестен или не имеет значения, этот вариант используется в тех случаях, когда говорящий знает пол референта, но не хочет его раскрывать [214, с. 81], а также когда говорящий хочет выразить неуверенность в существовании референта или же выразить недовольство его поведением [115, с. 17]. В некоторых случаях, когда в высказывании, содержащем *singular they*, необходимо употребить возвратную форму, используется форма *themselves* [233, с. 426]. Хотя и личная, и возвратная формы *singular they* выбиваются из рамок нормативной грамматики, многие авторы считают такой способ референции вполне приемлемым и исторически оправданным [115, с. 19]. Результаты одного исследования показали, что в настоящее время он является наиболее популярным из всех вариантов нейтральной референции (2/3 опрошенных выбрали этот способ) [244, с. 63].

Высказывались предложения ввести в английский язык новые нейтральные с точки зрения гендерной маркированности местоимения

третьего лица единственного числа. Предлагались варианты *sie, ze, co, et, heesh, ho, ve, ey, tho, hu, per, thon, mon, ve, xe, jhe, jee, zhe* и прочие формы, однако все они подвергались критике из-за неестественности звучания и написания [115, с. 20; 212, с. 368]. Очевидно, это связано с тем, что местоимения представляют собой закрытый класс слов, неохотно поддающийся любым изменениям [128, с. 12].

В настоящее время использование местоимений мужского гендера для отсылки к наименованиям профессий в основном ограничено теми случаями, когда с данной отраслью прототипически ассоциируется мужчина. Одной из таких отраслей является военное дело [115, с. 16].

Гендерные местоимения используются в качестве средства отсылки не только к существительным, обозначающим взрослых людей, но и к обозначениям детей (которые традиционно рассматриваются в рамках категории лица / нелица), животных и неживых объектов, хотя в грамматиках обычно указывается, что традиционно эти группы существительных соотносятся с нейтральным местоимением *it* [201, с. 317]. Отклонения от общего правила при использовании гендерных местоимений вызваны социокультурными, психологическими и прагматическими факторами.

Отсылка к ребенку с помощью местоимения *he / she* обычно происходит в тех случаях, когда говорящему известен пол ребенка. Аналогичная ситуация наблюдается и при обозначении животных. Как показывают исследования, использование местоимений *he* и *she* по отношению к домашним питомцам, а также другим животным, происходит в тех ситуациях, когда говорящий испытывает к ним привязанность [277, с. 124; 257, с. 317].

«Личное» отношение к животному – это далеко не единственный фактор, оказывающий влияние на выбор местоимения. Отмечается, что для указания на любую собаку носители языка часто употребляют местоимение *he*, а для указания на кошку – местоимение *she* [277, с. 124]. Кроме того, местоимение *he* может использоваться для указания на любое животное, если

говорящий относится к данному животному как к разумному существу [115, с. 15]. Употребление местоимения *he* для отсылки к животному рассматривается как реликт древнего противопоставления местоимения «он» местоимению «оно» по принципу «живое – неживое» [278, с. 137], проявляющееся в языках с грамматической категорией рода (например, в русском) в том, что обозначения видов животных обычно имеют мужской род [90, с. 171]. Поскольку местоимение *he* имеет особый статус в диахроническом аспекте по сравнению с местоимением *she*, оно может употребляться не только для указания на животное, пол которого неизвестен говорящему, но и для указания на неодушевленный объект, когда говорящий считает нужным его выделить и противопоставить «фону» или же акцентировать его ценность [115, с. 13].

Отсылка к животным с помощью гендерных местоимений достаточно широко представлена в художественной литературе. При этом отмечаются случаи попеременного использования гендерного местоимения и нейтрального местоимения для отсылки к одному и тому же животному, что может быть вызвано смешанным характером референта (живое существо, имеющее признаки пола, однако относящееся к категории нелица) [128, с. 14].

В грамматиках фиксируется употребление местоимений женского гендера для отсылки к существительным, обозначающим водные и прочие транспортные средства [201, с. 318]. Считается, что распространившееся на различные транспортные средства употребление местоимения *she* уходит корнями в идиолектное использование данного местоимения среди моряков для обозначения кораблей и лодок. В наши дни употребление местоимения *she* при описании кораблей распространено в журналистике и указывает на значимость объекта. Что касается обозначений других транспортных средств, употребление местоимения *she* при описании железнодорожного транспорта в журналистике обычно ограничено описаниями паровозов и носит ностальгический характер [278, с. 153].

Кроме того, в грамматиках отмечается употребление местоимений женского гендера для обозначения стран или городов [201, с. 318]. Высказывается мнение, что таким образом говорящий может демонстрировать свою привязанность к данному месту [278, с. 151]. При этом англоязычная лингвокультура содержит персонифицированные образы Великобритании и США в виде мужчин (*John Bull* и *Uncle Sam*) [52, с. 16].

Местоимение *she* иногда используется при описании языков [278, с. 152]. Персонификация языков с актуализацией категории гендера также отражается в термине *daughter language*, используемом для обозначения производных языков [191, с. 25].

Для английского языка характерна персонификация ураганов. В середине XX века в американской метеорологической документации ураганы традиционно получали женские имена, пока под воздействием феминистического движения не было принято решение использовать в качестве наименований ураганов мужские и женские имена попеременно [278, с. 149].

В устной речи референция посредством гендерных местоимений распространена на более широкий ряд денотатов. Например, в узусе отмечается обозначение деревьев с помощью местоимений женского гендера. При этом отсылка к домашним растениям производится с помощью местоимения *he* [278, с. 144].

Компьютерная техника, компьютерные технологии и оружие могут обозначаться с помощью местоимений как мужского, так и женского гендера [212, с. 209]. Высказывается предположение, что это связано с акцентуацией «мужских» (ум, сила, агрессия) или «женских» (способность вызывать чувство привязанности, «взрывной» характер) признаков этих объектов [278, с. 157].

Среди представителей ряда профессий отмечается гендеризация объектов, с которыми работники связаны по роду своей деятельности. Гендеризации подвергаются не только транспортные средства, но и

различные механизмы, а также музыкальные инструменты. При этом выбор местоимения зависит от пола говорящего. Скрипка в руках мужчины приобретает женский гендер, а в руках женщины – мужской [278, с. 158].

Употребление гендерных местоимений имеет особый характер в диалектной речи. Так, например, в диалектах юго-западной части Англии местоимения *he* и *she* могут попеременно использоваться одним и тем же говорящим для обозначения одного и того же объекта [278, с. 138].

В диалектах Канады местоимение *she* часто используется для указания на конкретные неодушевленные предметы [277, с. 142]. Кроме того, в диалектной речи жителей США и Канады отмечается так называемое нереперентное употребление местоимения *she*, при котором данное местоимение указывает на абстракцию или же обозначает целую ситуацию [237, с. 268].

В диалекте Ньюфаундленда фраза *here she comes* употребляется для описания погодных явлений (например, дождя). Подобные построения используются для обозначения референта в единичной ситуации, а не в абстрактном смысле. Отмечается, что употребление гендерного местоимения связано с осмыслением дождя в рамках категории исчисляемости / неисчисляемости. Дождь как абстрактное явление воспринимается как неисчисляемый объект (что вызывает использование местоимения *it*), в то время как конкретный дождь мыслится как исчисляемый объект (что вызывает использование гендерного местоимения) [278, с. 138]. Кроме того, использование гендерных местоимений в данном диалекте зависит от способности референта к самостоятельному передвижению. Местоимениями женского гендера маркируются самодвижущиеся предметы, а местоимениями мужского гендера – неподвижные предметы или предметы, приводимые в движение внешними силами [277, с. 30].

В диалектах Уэст-Кантри (Великобритания) местоимения женского гендера употребляются исключительно для обозначения представительниц женского пола. Местоимения мужского гендера применяются для отсылки к

исчисляемым существительным. Нейтральное местоимение *it* указывает на неисчисляемые и абстрактные объекты [277, с. 293].

В диалектах Австралии и Новой Зеландии местоимениями женского гендера обозначаются любые неодушевленные объекты. Местоимениями мужского гендера маркируются растения, транспортные средства, животные (если их пол неизвестен) [253].

Английский язык также демонстрирует особенности употребления гендерных местоимений на уровне функциональных стилей и литературных жанров. Существует ряд неодушевленных объектов, характеризующихся референцией посредством гендерных местоимений в художественной литературе и фольклоре. Существительные *sun, wind, ocean, river, fear, love, death* традиционно соотносятся с местоимениями мужского гендера, а существительные *moon, nature, hope, mercy, science, liberty, soul, justice* – с местоимениями женского гендера [18, с. 9; 56, с. 137; 128, с. 16; 261, с. 61]. В качестве факторов, повлекших за собой появление в англоязычной лингвокультуре данных персонификаций, отмечают влияние грамматической системы древнеанглийского языка, дохристианской мифологии, а также распределения существительных по родам в латыни [110, с. 223; 277, с. 47]. Однако данная система не является жестко закрепленной. Гендер одного и того же персонифицируемого объекта может варьироваться не только в произведениях разных авторов в зависимости от их интенции, но и в работах одного автора, как это происходит у Йейтса, приписывающего Луне и мужской, и женский гендер [278, с. 149].

Поскольку в английском языке отсутствует грамматическая категория рода, гендер может приписываться тому или иному объекту за счет наличия у него реальных или воображаемых признаков, которые традиционно соотносятся с мужским или женским полом и образуют оппозиции (например, «сильный – слабый»). Это иллюстрируют результаты эксперимента, участникам которого было предложено классифицировать по гендерному признаку существительные, образующие ряд пар (*fork / knife*;

Chevrolet / Ford; salt / pepper; vanilla / chocolate). Почти все участники приписали существительным *knife, Ford, pepper* и *chocolate* мужской гендер, а существительным *fork, Chevrolet, salt* и *vanilla* – женский гендер [267, с. 17].

В тех языках, где присутствует категория рода, признаки приписываются предметам под воздействием данной категории. В одном из экспериментов перед двумя группами носителей разных языков (немецкого и испанского) была поставлена задача охарактеризовать ряд существительных по признаку силы. В этот ряд вошли существительные, которые имеют противоположный род в немецком и испанском языках (например, *вилка* = *die Gabel* (ж. р.) и *el tenedor* (м. р.); *пляж* = *der Strand* (м. р.) и *la playa* (ж. р.)). И немецкоговорящие, и испаноговорящие участники эксперимента выставили более высокие значения на шкале силы существительным мужского рода [245, с. 80]. Результаты похожего исследования, проведенного среди билингвов (пары «испанский – английский» и «немецкий – английский»), также продемонстрировали, что категория рода влияла на ответы участников эксперимента [255]. Потенциал грамматической категории рода в формировании семантических эффектов, а именно ее способность придавать неодушевленному существительному смысловые оттенки на основании представлений о поле живых существ, отмечается и в теоретической литературе [38, с. 62].

Достаточно высокая степень вариативности в употреблении гендерных местоимений позволяет сделать вывод о том, что категория гендера в английском языке не подразделяется на четкие классы и во многом носит субъективный характер. Кроме того, она обладает высоким прагматическим и стилистическим потенциалом [162].

1.3. Персонификация, метафора, агентивность как объекты лингвистических исследований

1.3.1. Понятие персонификации

Персонификация является объектом изучения на стыке языкознания, психологии и когнитологии. В языкознании термин «персонификация» не имеет устоявшегося определения. Кроме того, существует целый ряд синонимичных ему терминов (олицетворение, прозопопея, персонализация, анимизм, одушевление, антропоморфизм, зооморфизм, анимализация, метафора персонификации, антропоморфная метафора), трактовки которых также характеризуются вариативностью [86]. Олицетворение – наиболее распространенный из них. Между понятиями персонификации и олицетворения часто ставится знак равенства [143; 167; 282; 284; 289]. Кроме того, ряд синонимов демонстрирует, что существует представление о персонификации как о виде метафоры. Оно широко распространено, о чем свидетельствует его отражение в словарных дефинициях (см., напр., [287; 289]) и научной литературе [98, с. 104; 133, с. 120; 144, с. 66]. В частности, Дж. Лакофф и М. Джонсон в предложенной ими классификации метафор трактуют персонификацию как вид онтологической метафоры [240, с. 33]. Метафора как отдельное понятие, а также вопрос о соотношении персонификации и метафоры рассматриваются в последующих разделах настоящей работы (разделы 1.3.2 и 1.3.3).

Персонификация / олицетворение определяется как троп, посредством которого неодушевленным предметам приписываются свойства и признаки одушевленных объектов (дар речи, способность вступать в отношения) [282], как способ изображения неодушевленных или абстрактных предметов, при котором они наделяются свойствами живых существ (например, способностью мыслить и чувствовать) [292], как транспозиция (изменение синтаксической, лексической и морфологической валентности слов), при которой явления природы, предметы или животные наделяются

человеческими чувствами, мыслями, речью [15, с. 192], как вид метафоры, состоящий в перенесении черт человека (или живого существа) на неодушевленные предметы и явления [287]. Сопоставление данных определений показывает, что термины «олицетворение» и «персонификация» имеют две трактовки – широкую (процесс наделения неживых предметов свойствами, присущими всему живому) и узкую (процесс наделения неживых предметов исключительно человеческими признаками и свойствами), в связи с чем высказывается мнение о необходимости разграничивать данные явления [143]. В некоторых лексикографических источниках предлагается для широкой трактовки использовать термин «олицетворение», а для узкой – термин «персонификация» [291]. А. Р. Исаакян предложил классификацию, содержащую три явления: 1) персонификация (приписывание свойств и признаков человека предметам и явлениям неживого мира; 2) антропонимизация (приписывание свойств и признаков человека представителям фауны); 3) оживление (приписывание предметам и явлениям неживого мира таких свойств и признаков живых существ, которые не являются специфическими чертами человека) [73]. Однако граница между персонификацией и оживлением в этой классификации видится размытой, поскольку функции, которые исторически считались присущими исключительно человеку (мышление, коммуникация), имеются и у животных. По этой причине в настоящем исследовании в качестве основного принят термин «персонификация» в широкой трактовке. Выбор этого термина дополнительно обусловлен тем, что он не так тесно связан с областью стилистики, как термин «олицетворение», и поэтому видится более подходящим для одновременного анализа вторичных номинаций и авторских образований.

Персонификация может рассматриваться как актуализация т. н. отрицательного импликационала или негемпликационала (термины М. В. Никитина), а именно совокупности маловероятных или невозможных признаков денотата (например, признак «усмехаться» входит в

отрицательный импликационал значения слова «нож») [114, с. 25; 143]. Термин «актуализация» имеет разные трактовки. Одно из определений актуализации – это реализация системного, исходного значения слова в неизменном модифицированном виде [31, с. 215]. Кроме того, под актуализацией понимается необычное и привлекающее к себе внимание использование языковых средств [44, с. 355] или же реализация потенциальных свойств языковых элементов в речи, приспособление их к требованиям данной речевой ситуации [291]. Актуализация также трактуется как проявление импликационных сем при использовании слова в производном значении и при деривации [14, с. 55]. В настоящей работе данный термин используется для описания ситуаций, в которых контекстуальное окружение наводит окказиональные семы одушевленности и гендера на слово, обозначающее неодушевленный денотат [164].

1.3.2. Метафора: понятие и инструменты анализа

Метафоре, как и персонификации, дан целый ряд определений, а также посвящено множество исследований, проводимых в различных парадигмах, что позволяет согласиться с В. А. Масловой, считающей метафору одним из самых загадочных явлений языка [109, с. 89]. Интерес к этому явлению возник в эпоху Античности и не угасает до сих пор.

Аристотелю принадлежит одно из первых определений метафоры, согласно которому метафора «есть перенесение необычного имени или с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии» [13, с. 669]. Сегодня это определение видится нерасчлененным и объединяющим в себе несколько разных видов тропов (метафору, метонимию, синекдоху) [146, с. 5], однако оно лежит в основе современного понимания метафоры как тропа, основанного на скрытом сравнении [290] и формирующегося за счет перенесения свойств одного предмета или явления на другой по принципу сходства [288, с. 218]. С позиций когнитивистики метафора рассматривается как основная ментальная операция и способ

познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира [179], а также как подвид перекатегоризации, т. е. реализации концептуальных характеристик, не связанных с системным значением слова, или же нейтрализации прототипических характеристик, приводящей к переосмыслению слова [31, с. 217].

Аристотель занимался проблемами поэтики и риторики и рассматривал метафору как троп, однако позднее Квинтилиан, Деметрий и Цицерон обратили внимание на метафору как на способ пополнения недостатка слов в языке [146, с. 6]. Таким образом, еще в период Античности сложилось двоякое восприятие метафоры как стилистического приема, получившего ряд синонимичных наименований (метафора художественная, поэтическая, тропеическая, индивидуальная, индивидуально-авторская, творческая, речевая, окказиональная, метафора стиля [146, с. 31]), а также как инструмента семантической деривации – процесса, в результате которого слово получает новое значение [71, с. 51]. Для этого процесса характерна антропометричность, а именно соотнесенность картины мира знаниям и представлениям носителей языка. Его посредством осуществляется концептуализация важных для культурно-языковой общности знаний [100, с. 2–6].

Исследователи задаются вопросом об отношении между метафорой как средством номинации (языковой метафорой) и как стилистическим приемом (авторской метафорой) [35, с. 7]. Г. Н. Складневская утверждает, что хотя два типа метафоры объединяет процедура перенесения наименования с одного предмета на другой, их нельзя рассматривать как один объект исследования, поскольку они являются противопоставленными по ряду признаков. К ним относятся системность / внесистемность, объективность / субъективность, лексическая самостоятельность / привязанность к контексту, коммуникативная функция / эстетическая функция, анонимность / принадлежность автору, потенциал к воспроизведению / уникальность [146, с. 34–37]. Кроме того, Н. Н. Болдырев указывает на меньшую

изученность механизмов формирования авторской метафоры по сравнению с языковой. Это обусловлено многофакторностью образования авторской метафоры, связанной с разнообразием типов авторов, множеством межконцептуальных связей, а также выбором конкретных языковых механизмов и средств [31, с. 312].

Вместе с тем существует мнение, что между языковой и авторской метафорой не существует непреодолимой границы и они могут рассматриваться во взаимном единстве. Изучая связанное значение слова, В. Н. Телия использует примеры как языковой, так и авторской метафоры, утверждая, что они в равной степени являются неотъемлемым достоянием живого языка [158, с. 12]. Два вида метафоры рассматривают во взаимосвязи друг с другом, поскольку авторские употребления слов с устоявшимися значениями в нетипичной ситуации (т. н. индивидуальные прагматические инференции) могут со временем превратиться в общеупотребительные инференции и семантизироваться в структуре значений полисемантического слова, образуя стертые метафоры [68, с. 225]. В ходе этого процесса происходит переход от сравнения к категоризации, получивший метафоричное само по себе наименование «карьер метафоры» (*career of metaphor*) [205]. Возможен и обратный процесс, при котором аккумуляция стертых метафор в тексте способствует приобретению ими экспрессивности [15с. 174]. Кроме того, языковые метафоры обладают различными степенями стертости, что иллюстрируют следующие примеры, проанализированные в работе А. Дорст [216, с. 122]:

Beyond the bridge, the disused railway embankment along which they were walking became built up, so that water ran off it.

The arrested water shone and danced.

Согласно автору, во втором случае представлена менее стертая метафора, поскольку словари содержат всего одну дефиницию глагола *dance*, предполагающую его сочетаемость с неодушевленными существительными, в то время как семантика глагола *run* намного шире. Кроме того, глагол *dance*

в своем прямом значении является более «человечным», поскольку имеет непосредственное отношение к антропосфере, отражая элемент культуры.

Комплексное рассмотрение метафоры широко распространено в современных лингвистических исследованиях, стремящихся систематизировать и классифицировать метафоры [203]. Таким образом, можно говорить о сформировавшейся к настоящему времени тенденции рассматривать метафору как континуум, что подкрепляется наличием таких периферийных явлений, как грамматическая метафора и метафтонимия.

Термин «грамматическая метафора» был введен Е. И. Шендельс для обозначения нарушения грамматической узуальности с целью создания образности [185]. И. В. Арнольд использует синонимичный термин «транспозиция», который трактуется как употребление слов в необычных грамматических значениях и / или с необычной предметной соотнесенностью с образованием дополнительных коннотаций за счет нарушения валентностных связей [15, с. 93]. Несколько иначе характеризует грамматическую метафору А. А. Масленникова, описывая ее как перенос категориальных признаков одной грамматической категории в сферу действия другой грамматической категории, в результате которого образуется новый дополнительный смысл [106].

Термин «транспозиция» также используется в лексикологии для обозначения грамматической перекатегоризации слова с изменением его синтаксической функции [93, с. 159]. Примером транспозиции в лексикологии может послужить «опредмечивание» состояний, процессов и качеств (напр., *надеяться* → *надежда*), за счет которого становится возможным представление абстрактных концепций в терминах физического мира. Образованные с помощью «опредмечивания» существительные в сочетании с глаголами действия формируют метафорические с точки зрения поверхностной синтаксической структуры предложения (например, персонификация *надежда покинула его*) [157, с. 176].

Мнения по поводу воздействия грамматической метафоры на читателя / слушателя разнятся. Е. И. Шендельс считает, что из-за абстрактного и обобщенного характера грамматических категорий образы, создаваемые грамматическими метафорами, менее яркие, чем образы в лексических метафорах [185]. Б. Ю. Норман утверждает, что в процессе расшатывания языковой нормы грамматическая метафора обогащает концептуальный инструментарий и расширяет горизонты человеческого познания [119, с. 65]. О достаточно высокой степени выразительности грамматической метафоры говорит Н. Ю. Осокина [121].

Рассматривая грамматическую метафору, Н. Ю. Осокина вводит понятие «интенциональный семантический сдвиг» – механизм, который лежит в основе грамматической метафоры [121, с. 101]. Интенциональный семантический сдвиг происходит по ряду формул: «признак лица – признак действия», «физическое состояние – восприятие состояния», «одушевленность – неодушевленность», «предметность – длительность», «контролируемость – неконтролируемость» [121; 123]. Автор отмечает, что сопоставительный анализ случаев грамматической метафоры в разных языках позволяет выявить этнокультурные способности языков, проявляющиеся в большей или меньшей степени свободы носителей в плане нарушения системных ограничений языка [122]. Например, словосочетания, оформленные по сдвигу «градуальность – неградуальность», встречаются в английском языке достаточно часто (*very married, very dead*), однако примеры подобных грамматических метафор в узусе русского языка практически не встречаются [122, с. 285].

Схожая ситуация наблюдается со сдвигом «признак лица – признак предмета». В английском языке достаточно распространены метафорические словосочетания с соматизмами – словами, обозначающими части человеческого тела (напр., *threatening eyebrow, mocking hand*) [25, с. 83]. В узусе русского языка тоже встречаются подобные словосочетания (*тоскливые ноги, негодующая рука*), однако их степень образности считается

более высокой [122, с. 285]. Их рассматривают не только с позиций грамматической метафоры, но также и как проявления метонимии или же персонификации [216, с. 128]. Так как соматизмы относятся к древнему пласту лексики, они характеризуются высокой степенью полисемии во многих языках, вызванной активными процессами метафоризации [102, с. 128; 218, с. 2; 195, с. 287].

Разграничить метафору лексическую и метафору грамматическую можно далеко не всегда, поскольку признаки, на основе которых происходят интенциональные семантические сдвиги, могут находиться на стыке лексики и грамматики [121, с. 102]. Отсутствие четких границ между грамматическими и лексическими метафорами иллюстрирует одно из положений когнитивной лингвистики, согласно которому лексика и грамматика тесно взаимодействуют друг с другом [29].

Отдельный интерес для лингвистов представляет изучение взаимоотношений между метафорой и метонимией, а также возможности проведения четкой границы между данными явлениями. Сочетания локатива в роли подлежащего и глагола речи в роли сказуемого (напр., *Japan announced that...*), для которых характерна актуализация категории одушевленности, разные авторы трактуют и как примеры метонимии, и как примеры метафоры персонификации [216, с. 116]. Согласно исследованиям, проведенным В. А. Станслер [151] и В. Д. Беленькой [20], подобные словосочетания имеют ярко выраженную антропоцентричную направленность, поскольку топоним «как бы осуществляет связь "человек-объект"» [20, с. 13]. Задача классификации осложняется тем, что в основе обоих явлений лежит ассоциативный принцип, в результате чего была выдвинута гипотеза о существовании гибрида (бленда) метафоры и метонимии – метафтонимии – как отдельной ментальной единицы [168; 181].

Широкое распространение в качестве инструмента анализа метафор получила когнитивная теория метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [240], сформировавшаяся как результат активной разработки когнитивного

направления в лингвистике и обеспечившая системность описания метафоры как когнитивного механизма [178, с. 26]. Согласно данной теории, метафора – это ментальная операция, в которой взаимодействует пара структур знаний – т.н. когнитивная структура «источника» и когнитивная структура «цели / мишени» [17, с. 9; 147, с. 45]. Результатом этой операции становится структуризация отдельных областей цели по аналогии со структурой области источника и образование в сознании носителей языка метафорических моделей, описываемых формулой вида «А – это Б». Метафора рассматривается как инструмент, обеспечивающий перенос знаний из одной области в другую и дополнение представлений человека о связи между предметами [100, с. 19].

С понятием когнитивной метафоры тесно связано понятие прототипной метафоры. Под ней понимается устойчивый семантический инвариант, выделенный из ряда однотипных регулярных ассоциаций [100, с. 21]. Примером могут послужить метафоры, основанные на сравнении частей человеческого тела с различными объектами.

Сходство с когнитивной теорией метафоры Лакоффа и Джонсона прослеживается в теории, разработанной Ж. Фоконье и М. Тернером, которая в отечественной лингвистике обозначается терминами «теория концептуальной интеграции» или «теория блендинга» [81, с. 97; 147, с. 175]. Она базируется на теории ментальных пространств Ж. Фоконье [225], формально определяемых как упорядоченные множества элементов, представляющие собой когнитивную «изнанку» дискурсивной деятельности. Данные множества взаимодействуют между собой в ходе одной из базовых когнитивных операций – концептуальной интеграции, при которой структуры исходных пространств (*input spaces*), связанных между собой родовым / общим пространством (*generic space*), отображаются на новое пространство, называемое смешанным или блендом (*blended space*) [224]. Исходные пространства перекликаются со структурами источника и цели в когнитивной теории метафоры, однако наличие дополнительных пространств

позволяет преодолевать ограничения, связанные с двумерностью теории Лакоффа и Джонсона, а также применять теорию концептуальной интеграции для анализа окказионализмов и динамичных процессов образования новых значений, что делает две теории комплементарными [147, с. 199].

Когнитивная теория метафоры повлекла за собой множество исследований, нацеленных на выявление отдельных концептуальных метафор по схеме «источник – цель» (например, «Спор – это война»). Однако также существуют исследования, посвященные выявлению семантических / концептуальных сфер, которые задействуются в процессе образования метафор.

Среди семантических сфер, вовлеченных в метафорический процесс, Г. Н. Складневская отмечает следующие: предмет, животное, человек, физический мир, психический мир, абстракция [146, с. 67–80]. Автор также рассматривает регулярные и нерегулярные метафорические переносы в языке, среди которых, что представляется любопытным, отсутствует достаточно распространенный перенос из семантической сферы «Человек». Возможно, это вызвано тем, что автором рассматривались в основном субстантивные метафоры.

О. А. Макарова провела исследование языковых и авторских метафор на материале британской и американской художественной литературы [104]. Автор отмечает, что большинство метафорических переносов в англоязычной художественной литературе происходит в пределах концептосфер «Человек» и «Природа».

Изучая когнитивно-семантические особенности родственного метафоре явления – сравнения – на материале англоязычной прозы, М. В. Сторчак выстраивает иерархическую систему концептосфер, задействованных в процессе сравнения, с дихотомическим делением базового уровня на концептосферы «Одушевленные существа» и «Неодушевленные объекты».

Делается вывод о том, что наиболее частотными в англоязычной прозе являются «деперсонифицирующие» сравнения [154].

Метафоры анализируются не только с точки зрения семантики и когнитивных механизмов, лежащих в их основе, но и с формальных позиций. Согласно принципам структурной классификации, выделяются следующие виды метафор на основании их частеречной принадлежности: 1) глагольные; 2) адъективные; 3) субстантивные [140, с. 178]. Исследователи отмечают, что глаголы – это материал, который меньше всего изучен с точки зрения семантических механизмов метафоризации [45, с. 52; 85, с. 5]. Большинство работ в данной области посвящено субстантивным метафорам. В качестве одного из исключений следует выделить исследование, проведенное И. В. Кононовой. Автор указывает на высокий метафорический потенциал глагола, связанный с его широкой валентностной структурой [85, с. 60], и анализирует прототипную глагольную метафору.

Расширенная формальная классификация, предложенная В. П. Москвиным, содержит следующие параметры: 1) уровневая принадлежность (уровни слова, словосочетания, фразы, текста); 2) частеречная принадлежность (субстантивные, адъективные, глагольные метафоры); 3) количество единиц-носителей образа (простая и развернутая метафоры); 4) наличие опорного контекста (выделяются замкнутые метафоры, в которых образ раскрывается однозначно (например, *вихрь жизни*), и незамкнутые метафоры (напр., *в траве брильянты висли*) [112, с. 135–139].

В. П. Москвин также выделил классы метафор по функциональному признаку: 1) номинативная метафора (выполняющая функцию наименования); 2) декоративная метафора (выполняющая эстетическую функцию); 3) оценочная метафора (выполняющая эмотивную и оценочную функции); 4) пояснительная метафора (выполняющая дидактическую функцию) [112, с. 157–158].

1.3.3. Персонификация и метафора: соотношение понятий

В исследованиях персонификации и метафоры представлены три взгляда на то, как эти понятия соотносятся между собой. Персонификация рассматривается как вид метафоры, как самостоятельное явление, или же данные понятия трактуют как пересекающиеся. Первая точка зрения достаточно популярна (см. обзор источников в разделе 1.3.1) и аргументируется тем, что оба явления представляют собой перенос признака по сходству.

В пользу самостоятельности персонификации ученые приводят ряд аргументов. Один из них лежит в области семантики и состоит в том, что персонифицируемое слово не меняет своего значения и денотат остается узнаваемым, хотя персонификация добавляет ему новую характеристику [112, с. 109; 143, с. 12]. В метафоре же, наоборот, первоначальное значение слова претерпевает изменения.

Другой аргумент, подкрепленный многочисленными примерами, – это различия между механизмами метафоры и персонификации. В то время как для метафорического переноса необходимо наличие общих признаков у двух денотатов, персонификация не основана на поиске сходства. С позиций когнитивистики механизмы метафоры и персонификации рассматривают как имеющие противоположную направленность: в то время как метафора обеспечивает переход от осязаемого опыта к абстракции [228; 234], персонификация – это инструмент перехода от абстракции к осязаемому образу [202; 226]. Благодаря этому возможно появление любых предметов и животных в образах людей в литературе, рекламе и мультфильмах [42]. На материале повседневной русской речи было выявлено, что не имеющие никакого сходства с человеком транспортные средства, предметы компьютерной, цифровой и бытовой техники, музыкальные инструменты, комнатные растения часто получают индивидуальные имена [43]. В английском языке присутствуют номинации, демонстрирующие наделение

именем объектов без опоры на сходство с человеком (напр., обозначения турецкой гвоздики (*sweet William*), чесночницы черешчатой (*Jack-by-the-hedge*), блуждающих огней (*Will-o'-the-wisp*) [297]). Некоторые носители английского и французского языков демонстрируют в своей речи так называемую порядковую лингвистическую персонификацию (*ordinal linguistic personification, OLP*), при которой человеческими качествами наделяются буквы, числа и месяцы года, что анализируется как одно из проявлений синестезии (в данном случае под синестезией понимается нейрологический феномен, а не лингвистическое явление) [266; 268]. Еще два показательных примера – установка мемориальной доски как часть церемонии прощания с «умершим» ледником Окйёкюдль в Исландии и опубликованная в одном из американских ежедневных изданий новостная заметка в форме некролога, посвященная переводу Плутона в статус карликовых планет и содержащая, в частности, следующую фразу: *Pluto the Planet, 76, died Thursday in Prague, Czech Republic, when it was killed by the International Astronomical Union <...>* [207] Отметим, что мемуары Майка Брауна, астронома, чьи исследования границ Солнечной системы привели к переклассификации Плутона, имеют название *How I Killed Pluto and Why It Had It Coming*.

Третий аргумент – это функция метафоры и персонификации. Если метафору трактуют как способ познания мира, то персонификация – это способ вступить с миром в диалог [42; 86].

Промежуточная точка зрения на соотношение понятий гласит, что хотя существуют способы персонификации, при которых метафоры не возникает (например, обращение, прямая речь), во многих случаях провести четкую границу между метафорой и персонификацией невозможно [175, с. 6], что позволяет говорить об отношении пересечения между двумя явлениями. Обычно это характерно для художественной литературы, где может происходить наслаивание образов [42, с. 14].

Анализ исследований в областях психологии и когнитивной нейробиологии свидетельствует о значительных различиях в природе метафоры и персонификации. Здесь следует оговориться, что в данных областях вместо термина «персонификация» используются термины «антропоморфизм» (приписывание свойств человека животным и предметам) и «анимизм» (приписывание объектам свойств любых живых существ).

Антропоморфизм является базовым свойством человеческой психики, начинающим проявляться с раннего детства [206; 221]. Играя, дети еще в возрасте полутора лет начинают приписывать признаки человека предметам [190]. В первой трети XX века считалось, что антропоморфизм представляет собой лишь стадию развития мышления ребенка (анимизм в концепции Ж. Пиаже), наиболее ярко проявляющуюся в возрасте до 4–5 лет, однако уже с середины 60-х годов подобное представление трактуется как неверное, поскольку было выявлено, что дети достоверно отличают неживые предметы от живых существ начиная с трех лет [190; 208]. Способность понимать метафоры развивается с 4–6 лет, т.е. позже, чем проявляется антропоморфное мышление, и постепенно улучшается со вступлением в подростковый возраст [117; 249].

Согласно трехфакторной теории антропоморфизма (*The Sociality, Effectance, Elicited agent Knowledge (SEEK) Model*), ключевыми факторами, активизирующими антропоморфное мышление, считаются стремление к социализации, стремление понимать окружающую среду, предсказывать ее поведение и взаимодействовать с ней (мотивационные факторы), а также объем знаний о предмете в сопоставлении с опытом человека, являющимся антропоцентрическим по своей сути, или же сходство наблюдаемого предмета с человеком (когнитивный фактор) [219; 221]. Так, например, люди, испытывающие одиночество, более активно приписывают человеческие характеристики животным и неживым предметам, а также чаще верят в сверхъестественные силы [220]. У антропоморфизма имеется зеркальное проявление – дегуманизация (деперсонификация), заключающаяся в

представлении людей в терминах неживых существ. Факторами, способствующими дегуманизационному мышлению и поведению, является непохожесть объекта на воспринимающего его субъекта, а также принадлежность субъекта к сплоченной группе людей (т.е. отсутствие острой необходимости в социализации) [280]. Таким образом, наличие сходства является лишь одним из активаторов антропоморфного мышления, в то время как для метафоры он считается основополагающим, хотя вопрос о его роли остается изученным не до конца.

Еще со времен Аристотеля сложилось представление о метафоре как о явлении, основанном на аналогии. Согласно когнитивной теории метафоры, система представлений человека в высокой степени метафорична и формируется посредством сравнения одних сущностей с другими [240, с. 56]. В XX и XXI веках метафорическое мышление стало также рассматриваться как процесс категоризации. С точки зрения когнитивной нейробиологии в настоящий момент нет однозначного ответа на вопрос, является ли какой-то из этих механизмов более важным для метафоры. Дело в том, что при обработке мозгом метафор, сравнений и аналогий задействуются разные, хотя и пересекающиеся между собой отделы [258]. Исследования показывают, что с мышлением по аналогии связана активация левой роландической префронтальной коры, где разные области отвечают за осознание взаимоотношений между объектами и анализ вербально выраженных аналогий, однако этот отдел не всегда активизируется при обработке метафор. При создании метафор активизируется другая часть мозга – левая дорсомедиальная префронтальная кора [200]. В процессе обработки метафор также отмечается активизация отделов правого полушария. Активизация тех или иных отделов зависит от того, является метафора стертой или нет [232; 239; 256]. Кроме того, выявлено, что качество обработки метафор мозгом в значительной степени зависит от степени развитости языковых навыков человека и прагматической инференции [249].

С проявлениями антропоморфизма связывают деятельность зеркальных нейронов. Это нейроны, которые активируются, когда живое существо выполняет какое-либо действие или наблюдает за тем, как оно выполняется другим живым существом. Они располагаются в разных областях мозга и формируют зеркальный механизм, в который входят отдельные системы, срабатывающие при наблюдении за действиями и эмоциональными реакциями представителя вида (например, шимпанзе или человека) [259]. Было выявлено, что система зеркальных нейронов в мозгу человека схожим образом реагирует на действия, выполняемые людьми и роботами [227]. Антропоморфизм имеет разные степени проявления, которые варьируются в зависимости от возраста человека, его культурной принадлежности, внешнего вида объекта и характеристик его движения, а также индивидуальных различий между людьми, в число которых входят нейротипичность и нейроотличность (например, наличие расстройства аутистического спектра) [192; 213; 281].

Антропоморфизм в когнитивных и психологических исследованиях получил множество интерпретаций. Он трактуется как перенос так называемой внутренней модели сознания другого (ВМСД; англ. *Theory of Mind*; *TOM*) – популярного в настоящее время объекта исследования – на неодушевленные предметы [194]. ВМСД представляет собой понимание человеком того, что другие люди могут иметь намерения, желания, представления, отличные от тех, которыми он обладает, и способные повлиять на действия и поведение их обладателей [294].

Антропоморфизм также трактуется как произвольная стратегия восприятия [229], когнитивная установка по умолчанию [210], проявление когнитивного механизма, получившего наименование *Hyperactive Agent Detection Device* (*HADD*; «сверхактивное устройство для обнаружения целеустремленных агентов») и основанного на произвольной склонности человека приписывать агентивность различным объектам [198], или же когнитивное искажение – ошибка системы вследствие ее ложного

срабатывания [275]. Проявления антропоморфизма в языке рассматриваются лингвистами как отражение мифопоэтического сознания / мифологического мышления человека [41, с. 6; 166, с. 244; 111, с. 252] или же выражение наивной картины мира [157, с. 174]. Подобные трактовки не имеют негативного подтекста. Подчеркивается, что антропоморфизм является базовым свойством психики и неизбежным следствием социальной природы человека, а также что ложное срабатывание вызвано эволюционными причинами и являлось необходимым для выживания вида на раннем этапе его развития [42; 276]. В качестве аргумента в пользу такой характеристики приводится явление парейдолических иллюзий. Эти иллюзии состоят в произвольном «упорядочивании» информации, зрительно воспринимаемой человеком, и, в частности, распознавании черт живых существ (преимущественно человека) в различных предметах. Предполагается, что эти иллюзии представляют собой следствие эволюции и необходимости в прошлом оперативно реагировать на опасность, которая могла исходить от других людей, а также считывать социально важную информацию (реакции, направленность внимания) с человеческих лиц [42; 252]. Кроме того, персонификация в лингвистике интерпретируется с позиций теории концептуальной интеграции как результат одновременного нахождения мыслящего субъекта в бленде и исходном пространстве, что позволяет воспринимать объект одновременно и в эмоциональном, и в рациональном ключе (например, ругаться на машину, не желающую заводиться, и понимать, что данный объект не способен проявлять интенцию или иметь злой умысел) [273, с. 44].

Представленный выше обзор позволяет сделать вывод о наличии важного различия между метафорой и антропоморфизмом / персонификацией: в то время как метафора является интенциональной [149], персонификация во многих случаях носит произвольный характер, а также может быть сопряжена с актуализацией эмоций. Из этого сформировались разные отношения к данным явлениям с позиций «полезности».

Метафора рассматривается как важный инструмент выражения и объяснения идей в преподавании [204] и науке, видится своеобразным фонарем, освещающим дорогу к знанию, однако отмечается, что метафорические выражения могут «размывать» фактологическую информацию [193; 196; 272].

Отношение к персонификации является более неоднозначным. Вплоть до XVII века ученые активно объясняли явления природы и окружающего мира в терминах человека, однако в дальнейшем эта практика стала порицаться, хотя это не мешало ей продолжать использоваться сознательно или неосознанно. Например, Чарлз Дарвин критично относился к персонификации природы, но он же ввел в науку термин *natural selection*, который часто использовал в сочетании с глаголами, подразумевающими наличие одушевленного деятеля [223, с. 171]. Особенно сильной критике стали подвергаться исследования в области зоологии, авторы которых описывали животных сквозь призму антропоморфного мышления. Так, в 60-х годах XX века в «худшем из этологических грехов» была уличена Джейн Гудолл – известный приматолог, которая в своих работах приписывала животным характеристики, считающиеся человеческими [276, с. 47]. Вместе с тем высказывается мнение, что персонификация может выступать своеобразным мостом для передачи и формирования знаний, способствующих облегчению восприятия сложных концепций [279].

Анимизм – приписывание характеристик человека неодушевленным предметам – долгое время порицался в науке, считался архаизмом и рассматривался как объект исследования лишь в двух областях: психологии развития (упомянутая ранее концепция Пиаже) и антропологии, а именно исследованиях примитивных религий. Интерес к анимизму и постепенное снятие с него стигмы отмечаются с начала XXI века в связи со стремительным ростом числа связей «человек – машина» и наблюдаемым в их рамках проявлением антропоморфного мышления [276].

Отметим, что использование персонификации даже в художественных произведениях подвергалось нападкам. Джон Рёскин характеризовал приписывание авторами конца XVIII века человеческих состояний объектам природы как *pathetic fallacy* – выражение, которое с поправкой на эволюцию значений его составляющих можно перевести как «ошибка, вызванная эмоциями». В настоящее время в западном литературоведении термином *pathetic fallacy* обозначают фигуру речи, классифицируемую как подвид персонификации, в рамках которой объектам живой или неживой природы приписываются эмоции [297].

Настоящее исследование не ставит одной из задач окончательно решить вопрос о природе отношения между метафорой и персонификацией, однако мы склоняемся к тому, чтобы рассматривать области данных явлений во взаимоотношениях пересечения. С одной стороны, и метафора, и персонификация базируются на переносе признаков с одного денотата на другой. На наш взгляд, это является достаточным основанием для того, чтобы проецировать на персонификацию методы и инструменты, которые используются при изучении и анализе метафор. С другой стороны, персонификация подразумевает наличие семантического переноса только из концептосфер «Человек» и «Животный мир» (при широком взгляде на персонификацию как на процесс наделения неживых предметов свойствами, присущими всему живому), в то время как когнитивная метафора не имеет ограничений по сферам источника и сферам цели. Кроме того, персонификация не всегда базируется на наличии у двух сущностей общего признака. Принципиально важно то, что метафора является преимущественно когнитивной операцией, элементом рационального мышления, в то время как персонификация сопряжена с эмоциями и эмпатией и зачастую основана не на сравнении, а на уподоблении неживого объекта человеку. Иными словами, метафора является способом познания мира и структурирования знания, а антропоморфизм / персонификация – это способ переживания мира и взаимодействия с ним. Данные особенности

персонификации позволяют рассматривать ее как самостоятельный объект исследования.

1.3.4. Персонификация в английском языке

Исследования персонификации в английском языке фокусируются преимущественно на единичных объектах персонификации и особенностях их концептуализации (напр., [103; 171]), а также рассматривают функционирование персонификации в различных литературных жанрах и типах дискурса, образуя в совокупности фрагментарную картину проявлений данного явления. Специфика употребления тех или иных единиц персонифицирующего контекста рассматривается менее подробно.

В качестве вариантов реализации персонификации в английском языке исследователи выделяют: 1) обращение к объекту с помощью местоимения *you* или *thou* (прием апострофы); 2) наделение объекта речью; 3) приписывание объекту личного имени; 4) написание существительного с прописной буквы; 5) обозначение объекта с помощью местоимения *he* или *she*; 6) указание на наличие признаков живого существа посредством употребления персонифицируемого существительного в определенных синтаксических конструкциях (напр., *the sun slept*) [14, с. 64; 278, с. 146].

Указание на наличие признаков живого существа и употребление персонифицируемого существительного в определенных синтаксических конструкциях – это достаточно широкие формулировки, конкретизация которых позволила бы более детально описать специфику персонификации в английском языке, однако изучение вариантов реализации персонификации не получило достаточного развития. В одном из немногих исследований, посвященных данному вопросу, М. Д. Сазонова на материале новостного дискурса в качестве основных средств персонификации выявила обозначения физической деятельности. Кроме того, актуализаторами персонификации в англоязычном новостном дискурсе выступают обозначения мыслительной и речевой деятельности, способности воспринимать информацию органами

чувств, способности испытывать эмоции, способности обладать, а также обозначения характеристик человека [141]. Отметим, что в научной литературе для наименования контекстуальных элементов, вызывающих актуализацию категорий одушевленности и гендера, употребляется термин «персонификатор» (см., напр., [143]), однако он также используется для обозначения авторских ремарок в драматургии, дающих характеристику поведения персонажа [62]. Данная полисемия стала причиной выбора обозначения «средство персонификации» для описания результатов настоящего исследования.

Кроме того, некоторые исследователи в качестве маркера стертой персонификации выделяют притяжательные формы с формантом *'s*, образующиеся от названий стран и городов. Так, И. В. Арнольд утверждает, что словосочетания *London's people* и *my country's laws* имеют приподнятую стилистическую окраску по сравнению с предложными формами *the people of London* и *the laws of my country* [15, с. 193]. Однако, как показано в разделе 1.2.2, употребление форманта *'s* может быть вызвано широким рядом факторов.

Отмечается, что некоторые из вариантов реализации персонификации характерны для определенных видов текстов. Так, наделение объекта речью – распространенный прием в текстах рекламного или информационного характера. Например, вместо классической формулировки запрета ходить по газону *Keep off the grass* может использоваться персонифицирующая фраза *Your feet are killing me*. Использование наименований лица и написание имен собственных с прописной буквы широко представлено в брендинге продуктов (например, *Mr. Muscle*) [278, с. 147].

Исследования, сфокусированные на объектах персонификации в английском языке и специфике их концептуализации в сознании англоязычного социума, преимущественно ограничиваются одним видом дискурса. В качестве исключения отметим исследование функционирования номинаций вопроса и ответа в английском языке, выполненное

Н. Ю. Соколовой на материале художественного, публицистического и разговорного дискурса. Было установлено, что в наивных представлениях англоязычного социума вопрос концептуализируется как двуличная, враждебная, осуществляющая нападение персона (*the question struck at..., the question invaded them*), обладающая способностью к речевой деятельности (*the question asks...*) и двигательной активности (*the question arises...*), а также наделенная властью (*the question requires...*). Ответ, как и вопрос, наделяется способностью к мыслительной (*reasonable answer*) и двигательной активности (*the answer came a month later*, однако концептуализируется как многоликая персона [148].

На материале англоязычного публицистического дискурса М. Л. Лисецкий и А. Л. Сопина проанализировали концептуализацию понятия «робот». Роботы персонифицируются как подчиненные, друзья и враги, что демонстрирует вариативность отношения общества к роботам [103].

В англоязычном климатическом дискурсе, как было выявлено К. А. Дубровских, явления и объекты природы концептуализируются в терминах человека путем приписывания им биологических, анатомических, социальных и функциональных признаков [63].

Для англоязычного экономического дискурса, как отмечает И. А. Аржанова, характерна интерпретация неодушевленных объектов в терминах физиологии, патологии и болезней (т. н. морбиальная метафора), а также в терминах родства [12].

На материале англоязычного новостного дискурса М. Д. Сазонова выявила следующие группы объектов, подвергающихся персонификации [141]: 1) географические объекты; 2) наименования коммерческих и других организаций; 3) наименования государственных учреждений; 4) абстрактные понятия (широкая группа, включающая в себя обозначения мыслительных объектов, физических действий, природных явлений, речевой деятельности, проявлений эмоций); 5) материальные объекты; 6) религии; 7) временные

периоды. Как показали результаты исследования, наиболее популярным объектом персонификации являются наименования организаций.

Для англоязычной детской литературы характерна персонификация животных с актуализацией категории гендера. Выбор гендера преимущественно зависит от размера животного. Крупные животные (напр., волк, горилла, лев) чаще всего выступают как персонажи мужского пола, в то время как представителям животного мира, имеющим небольшие размеры (птицы, насекомые), авторы обычно приписывают женский гендер. Нейтральное местоимение *it* часто используется для отсылки к незрелым особям того или иного вида [246, с. 153]. Отмечается, что в количественном соотношении примеры персонификации с приписыванием женского гендера встречаются значительно реже, нежели примеры с приписыванием мужского гендера [2, с. 126; 176, с. 21], что объясняется социокультурными причинами, а именно исторически сформировавшимся отношением к мужскому полу как более статусному [278, с. 148].

Гендер при персонификации в англоязычной детской литературе актуализуется не только в отношении животных. На материале авторской сказки XIX–XX вв. были выявлены следующие семантические группы существительных, подвергающихся гендеризации: растения, атмосферные явления, артефакты, игрушки, болезни и смерть [176]. Кроме того, в детской литературе словосочетание *old age* соотносится с местоимениями женского гендера, а существительное *time* – мужского [247, с. 90]. Персонификация времени по мужскому гендеру характерна и для других жанров художественной литературы. Например, время предстает в образе старика в одном из произведений Драйдена [171, с. 101], что перекликается с зафиксированным в словарях словосочетанием *Father Time* [298]. Персонификация времени и смерти с актуализацией мужского гендера также свойственна поэтическим произведениям [242].

Для англоязычной художественной литературы характерна персонификация частей тела человека (напр., *Paula's stomach turned a somersault*) [216, с. 129]. Гендер в таких конструкциях не актуализуется.

1.3.5. Агентивность в английском языке

В процессе персонификации происходит актуализация категории одушевленности, которая тесно сопряжена с понятием агентивности, подразумевающим наличие одушевленного деятеля [161]. В лингвистике агентивность рассматривается прежде всего в рамках анализа синтаксиса языка.

Английский язык относится к языкам агентивного типа [37, с. 55] в противовес пациентивным языкам, для которых характерны неопределенно-личные, безличные и пассивные конструкции [61, с. 84]. Считается, что в английском языке позицию подлежащего традиционно занимают существительные агентивной семантики [116, с. 178; 201, с. 123]. Эта позиция достаточно прочно закреплена в сознании носителя языка за исполнителем действия, поэтому при столкновении с «нетрадиционными» сочетаниями (например, *the chair laughed*) слушатель или читатель вынужденно анимизирует денотат, поскольку строй языка подчиняет себе лексику и способствует образованию грамматических метафор [119, с. 64; 186, с. 81].

Типовым агенсом является одушевленный инициатор ситуации [287], однако одушевленность не является обязательным признаком. Так, согласно Н. Н. Болдыреву, в качестве агенса часто выступают несколько групп имен существительных, обладающих признаком активности: 1) названия природных явлений и космических объектов; 2) существительные абстрактной и событийной семантики; 3) обозначения инструментов; 4) обозначения машин и технических средств [30, с. 61]. В. Ю. Копров в качестве признаков агенса выделяет одушевленность, потенционность (обладание энергией) и потенциальную энергию, понимаемую как

способность предмета передвигаться под воздействие внешних сил [87, с. 131–133]. На основании этих признаков выделяются группы существительных агентивной семантики: 1) антропонимы; 2) зоонимы; 3) наименования природных явлений; 4) наименования явлений, вызванных действиями (*удар, взрыв*); 5) наименования транспортных средств; 6) наименования предметов, способных оказать влияние на другие предметы под воздействием внешних сил (*нож, дверь, кирпич*) [87, с. 140].

Кроме того, для английского языка характерны конструкции, в которых позицию подлежащего, типичную для агенса, занимают второстепенные члены предложения, а сам агенс оказывается опущенным. К семантическим ролям, функционирующим подобным образом при наличии агентивного сказуемого, относятся локатив, инструмент, цель, пациенс, темпоратив, каузатив [19, с. 200; 50, с. 42; 172, с. 163].

Для обозначения способности неодушевленных существительных выступать в качестве подлежащего в связке с агентивным по своей семантике глаголом иногда употребляется термин «анимизм» [60; 98; 120], а также термин «персонификация», под которым в данном случае понимается синтаксическая особенность английского языка, вызывающая в сознании читателя или слушателя эффект, схожий с тем, который возникает при воздействии одноименного стилистического приема [116, с. 178]. Исследователи подчеркивают важность разграничения синтаксической и истинной персонификации в переводческой практике, поскольку ошибочная интерпретация синтаксической персонификации как стилистического приема способна привести к появлению буквализмов в переводном тексте [116, с. 207].

Широкое распространение в английском языке сочетаний неодушевленных существительных с глаголами, которые типично сочетаются с одушевленными существительными, объясняется расширением сочетаемости существительных и глаголов в результате достаточно жесткой

фиксации порядка членов предложения [182, с. 112], а также практически полным отсутствием маркеров падежных отношений [183, с. 143], т.е. высокой степенью аналитизма [116, с. 217].

Результаты корпусных исследований показывают, что сочетания неодушевленных существительных и агентивных глаголов особенно характерны для научной литературы. Чаще всего в подобных сочетаниях употребляются каузативные глаголы, глаголы речи и глаголы умственной деятельности [201, с. 378].

1.3.6. Проблема передачи персонификации в художественном переводе

Одна из основных функций произведений художественной литературы заключается в художественно-эстетическом воздействии на читателя [150, с. 19; 180, с. 281], поэтому целью переводчика становится воссоздание художественного текста на переводящем языке, аналогичного по своим свойствам и художественным достоинствам (в идеале) исходному тексту [74, с. 246]. Оно происходит посредством творческого преобразования оригинала художественного произведения не только в соответствии с литературными нормами принимающего языка, но и с использованием всех необходимых выразительных возможностей [74, с. 10].

Адекватность эстетического воздействия оригинала и перевода считается одним из важнейших критериев оценки художественного перевода. Высокая степень адекватности достигается глубоким пониманием идейно-тематической направленности оригинала и подбором языковых средств, способствующих передаче образной системы переводимого произведения и специфики языка автора [150, с. 19–22].

Художественная литература характеризуется первичной и вторичной образностью. Первичная образность – употребление автором слов в устоявшихся переносных значениях – опирается на прямые ассоциативно-референционные связи слов и словосочетаний с действительностью. Вторичная образность строится на переосмыслении первичных значений

слов и словосочетаний, за счет которых строится система метафор, метонимий и прочих тропов произведения [150, с. 23].

Первичная образность потенциально способна вызывать проблемы при переводе. Вместе с тем стоит отметить достаточно широкое распространение межъязыковых образно-семантических эквивалентов. Например, во многих языках представлен метафорический перенос «орган у птиц, насекомых и ряда других животных, обычно используемый для полета» → «аэродинамическая или гидродинамическая поверхность для создания подъемной силы» [150, с. 94].

Вторичная образность тесно связана с идиолектом автора и отражает уникальное видение мира индивидуальной языковой личностью, в связи с чем ей уделяется особое внимание при переводе. Вместе с тем система образов художественного произведения, являющаяся многосоставным единством, не всегда передается при переводе в неизменном виде. Переводчики порой отказываются от максимальной точности в передаче содержания оригинала, жертвуя отдельными знаками в пользу воссоздания целого на принимающем языке [74, с. 37; 180, с. 233]. Анализируя стилистические изменения в переводе, А. Попович предложил систему сдвигов, в которой представлены усиление выражения стилистического средства, сходство выражения и ослабление выражения вплоть до нейтрализации [130, с. 108].

Как было отмечено в предыдущих разделах, персонификация – это многогранное явление, которое может носить лексикологический, стилистический и синтаксический характер. Очевидно, что при работе над переводом художественного текста переводчику потребуется принимать различные решения относительно передачи данного явления, в число которых входит использование переводческих трансформаций.

Существует множество определений термина «переводческая трансформация». Л. С. Бархударов описывает переводческие трансформации как межъязыковые преобразования, способствующие достижению

переводческой эквивалентности несмотря на расхождения между двумя языками с точки зрения их формальной и семантической организации [19, с. 190]. А. Д. Швейцер трактует переводческие трансформации как межъязыковые операции «перевыражения» смысла, заключающиеся в замене одних языковых форм другими языковыми формами [183, с. 118]. В. Н. Комиссаров описывает переводческие трансформации как преобразования, позволяющие перейти от единиц оригинала к единицам перевода с сохранением смысла [84, с. 172]. Иными словами, переводческие трансформации подразумевают расхождения между оригинальным и переводным текстами на формальном уровне, возникающие в результате стремления достичь их равноценности на смысловом уровне.

Одна из самых подробных классификаций переводческих трансформаций разработана А. И. Клишиным [80]. Автор эмпирическим путем выявил более 20 видов лексических и грамматических трансформаций, из которых интерес для настоящего исследования представляют субъектно-объектная трансформация, сопряженная с высокой степенью агентивности английского предложения (преобразования на уровне синтаксиса следующего плана: *the fog stopped the traffic* → *из-за тумана движение транспорта прекратилось*), а также лексические трансформации, имеющие прямую связь с метафорой: 1) деметафоризация (нейтрализация метафоры при отсутствии в переводящем языке аналогичного метафорического обозначения); 2) реметафоризация (замена одной метафоры другой); 3) метафоризация (замена неметафоры метафорой).

Метафора как отдельная проблема перевода рассматривалась П. Ньюмарком [250]. Исследователь широко трактует метафору и дает рекомендации для перевода как вторичных номинаций, так и авторских метафорических образований. В качестве примеров «мертвых» (*dead metaphors*) П. Ньюмарк приводит употребление существительных *foot*, *mouth*, *arm* в переносных значениях и указывает на необходимость внимательной работы с моно- и двуязычными словарями, чтобы избежать буквализмов при

переводе. Особый случай представляет «оживление» стертых метафор, которое необходимо учитывать и отображать при переводе. При работе с авторскими метафорами (*original metaphors*) рекомендуется передавать их как можно ближе к оригиналу, поскольку они могут содержать как культурологическую информацию, так и информацию об авторе и его личных когнитивных установках, а также обогащать принимающий язык.

Как правило, переводчики стремятся сохранять структуру и семантику авторских метафор [4; 97]. Можно говорить о существовании так называемого закона сохранения метафоры при переводе [113, с. 40]. Его действие справедливо и для персонификации – явления, тесно связанного с метафорой.

Персонификация с актуализацией категории гендера является отдельной проблемой при переводе с английского языка на русский, если она входит в инвариант содержания текста [4, с. 216]. Как было отмечено ранее, за счет отсутствия в современном английском языке категории рода актуализация семы гендера характеризуется большей степенью свободы по сравнению с русским языком. Если гендер, приписываемый предмету или явлению в англоязычном тексте, и грамматический род переводного коррелята в русском языке не совпадают, возникает интерференция. Носители русского языка автоматически приписывают денотату олицетворяемого существительного тот гендер, который коррелирует с грамматическим родом [105, с. 101]. По данной причине англоязычные соответствия этих имен, не отмеченные категорией грамматического рода, могут концептуализироваться как гендерно противоположные [126, с. 152].

Для обозначения подобных ситуаций исследователи используют термин *gender clash* (в качестве русского эквивалента мы предлагаем словосочетание «гендерный конфликт») и используют для их анализа теорию концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера [270]. Персонификация рассматривается как бленд, в котором смешиваются реальные характеристики неодушевленного объекта и приписываемые ему

гендерные признаки. В случае расхождения между актуализованным в исходном тексте гендером и грамматическим родом переводного коррелята переводчику приходится искать путь оптимальной передачи исходного бленда. Универсальных решений данной переводческой задачи не существует. В качестве возможных вариантов предлагаются отступление от авторского предметного значения, обращение к дополнительному языку-посреднику, а также использование сносок для пояснения авторского замысла [251].

Решение гендерного конфликта усложняется при переводе поэзии [66]. Например, Р.Якобсон описывает, как название книги стихов Бориса Пастернака «Сестра моя – жизнь», звучащее вполне естественно на русском языке, где слово *жизнь* имеет женский род, привело в отчаяние чешского поэта Йозефа Хора, когда он пытался перевести данную книгу, поскольку в чешском языке данное слово (*zivot*) имеет мужской род [188].

Существуют ставшие классическими примеры неразрешенного гендерного конфликта при переводе англоязычной художественной литературы, в частности детской литературы и сказок. К ним относятся переводы произведений Р. Киплинга, О. Уайльда, А. А. Милна и Л. Кэрролла, в большинстве из которых имена персонажей мужского гендера были переданы с помощью существительных женского рода, в результате чего сами персонажи приобрели характеристики, сильно отличающиеся от представленных в оригинальных текстах [18; 55; 65; 67; 176]. Так, Багира в оригинале «Книги джунглей» – это самец, и общение между Багирой и Маугли – это пример мужской дружбы, а не взаимоотношений между матерью и ребенком, которые демонстрируются в каноническом переводе на русский язык [65]. Вместе с тем исследователи отмечают, что сохранение гендера при переводе является важным условием адекватной передачи авторского смысла, поскольку многие стереотипы в отношении сущностей мужского и женского полов являются универсальными [245, с. 79].

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

1. Важное место в современных лингвистических исследованиях занимает понятие антропоцентризма как свойства языка и как метода анализа языковых явлений. В русле антропоцентризма разрабатывается множество направлений, наиболее продуктивными из которых являются когнитивная лингвистика и лингвокультурология. Методы исследования, применяемые в этих направлениях, целесообразно использовать при изучении функционирования языковых категорий и явления персонификации.

2. Особый элемент англоязычной картины мира как образа восприятия действительности, зафиксированного в языке, составляют категории одушевленности и гендера, находящиеся в отношении сродства и одновременно проявляющие определенную степень самостоятельности друг от друга. Обе категории носят интерпретативный характер и имеют размытые границы, а также высокий стилистический и прагматический потенциал. К факторам, влияющим на актуализацию данных категорий, относятся интенция автора высказывания, эмоциональное отношение говорящего к объекту, а также наличие у объекта реальных или воображаемых качеств, соотносимых в стереотипных представлениях с представителями мужского и женского полов.

3. Вышеуказанный потенциал категорий одушевленности и гендера реализуется посредством персонификации. Употребление исследователями данного термина характеризуется вариативностью. Один и тот же термин используется для анализа и образности речи, и ее синтаксической структуры. Параллельно с термином «персонификация» используется ряд синонимичных терминов, области применения которых достаточно размыты. В совокупности это свидетельствует о сложной природе данного явления.

4. Отдельную исследовательскую проблему представляет собой вопрос об отношении между персонификацией и метафорой. Персонификация может рассматриваться и как подвид метафоры, и как самостоятельное

явление. В пользу первой позиции говорит заложенное в обоих явлениях скрытое сравнение, однако самостоятельность персонификации обеспечивает то, что во многих случаях она не основана, в отличие от метафоры, на поиске сходства. Кроме того, метафора представляет собой элемент и продукт рационального мышления, в то время как персонификация может выступать следствием эмоциональной реакции, вызванной взаимодействием с окружающим миром. Вместе с тем целесообразным видится рассмотрение областей данных явлений во взаимоотношениях пересечения и использование при анализе персонификации богатого инструментария, разработанного для анализа метафоры.

5. Исследования персонификации в английском языке преимущественно содержат описания объектов персонификации и особенностей их концептуализации как живых существ в сознании носителей языка. Средства персонификации анализируются менее детально. Представляется, что рассмотрение двух элементов одного явления в совокупности позволит обогатить теорию персонификации.

6. Персонификация в англоязычной прозе представляет собой отдельную проблему перевода, поскольку она может носить лексикологический, стилистический и синтаксический характер, что необходимо учитывать при предпереводческом анализе текста и передаче данного явления средствами принимающего языка. С точки зрения анализа переводческого потенциала персонификации сопоставительным способом целесообразно использование системы сдвигов, включающей в себя сходство выражения стилистического средства, усиление, ослабление и нейтрализацию. Понятие сдвига также может применяться в рамках анализа персонификации с актуализацией гендера для обозначения расхождений между актуализованным в авторском тексте гендером и грамматическим родом переводного коррелята.

ГЛАВА 2. АКТУАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИЙ ОДУШЕВЛЕННОСТИ И ГЕНДЕРА ПРИ ПЕРСОНИФИКАЦИИ: ЛЕКСИКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Выявление структуры концептосфер «Человек» и «Животный мир» как источников семантической деривации путем выделения и классификации слов, многозначность которых является следствием переноса из данных концептосфер (КС) в другие сферы, отвечает одной из задач настоящей работы, а именно выявить особенности проявления персонификации на уровне языковой системы. Для этого типа семантического переноса мы вводим рабочий термин «персонификационный перенос». Персонификационный перенос представляет собой межкультурную семантическую универсалию, однако он способен демонстрировать особенности, характерные для отдельных лингвокультур [147, с. 87–90].

Для исследования значений полисемантических слов используются парадигматический и синтагматический виды анализа. Парадигматический анализ основан на выделении сем с использованием словарных дефиниций. Синтагматический анализ опирается на речь, т. е. на использование слова в конкретной ситуации и определенном контексте [71, с. 20].

Кроме того, изучение полисемии производится с позиций синхронии и диахронии. Синхронный подход подразумевает рассмотрение того, как несколько значений сосуществуют в слове в конкретный исторический период, и использование терминов «основное значение» и «второстепенное значение». Основное значение иногда называют прототипическим [195, с. 287]. Во второстепенных значениях актуализуются определенные аспекты прототипического значения. Диахронический подход подразумевает изучение зависимости значений друг от друга на временной оси и использование терминов «исходное значение» и «вторичное / производное значение» [64; 71].

Для выявления многозначных слов в рамках настоящего исследования был использован парадигматический анализ значений. Отбор языковых единиц производился из словарей *Collins COBUILD English Language Dictionary* [295], *Collins English Dictionary Essential Edition* [296], *New Oxford American Dictionary* [299], *Oxford Dictionary of English* [301]. Все четыре словаря составлены на основе корпусных данных и отражают современное состояние английского языка, т. е. представляют его в синхронном аспекте. Словарные статьи в данных словарях структурированы по принципу частотности: первое толкование отображает значение, в котором то или иное слово используется в современном языке чаще всего. Кроме того, в словарях *Oxford Dictionary of English* и *New Oxford American Dictionary* словарные статьи содержат краткую этимологическую справку, позволяющую проследить эволюцию слова в диахронии. Для получения этимологических данных также использовался словарь *Online Etymology Dictionary* [300]. *Lexico* [297], онлайн-версия словарей издательства Оксфордского университета, содержащая большое количество примеров употребления слов в прямых и переносных значениях, использовалась для отбора иллюстративного материала.

В настоящем исследовании рассматриваются только те лексические единицы, у которых указание на присутствие одушевленного субъекта / объекта присутствует и в основном, и в исходном значении, т.е. используется и синхронный, и диахронический подход. В качестве примера проанализируем существительное *attitude*. В синхронии представлены следующие дефиниции: 1) *a settled way of thinking or feeling about something*; 2) *a position of the body indicating a particular mental state*; 3) *the orientation of an aircraft or spacecraft, relative to the direction of travel* [301]. Основное значение указывает на присутствие одушевленного субъекта, однако этимологическая справка содержит следующие сведения: *Late 17th century (denoting the placing or posture of a figure in art): from French, from Italian 'attitudine' (fitness, posture), from late Latin 'aptitudo', from 'aptus' (fit)* [301].

Исходное значение существительного *attitude* соотнесено с неодушевленными объектами, то есть многозначность данного слова в диахронии не обусловлена персонификационным переносом из КС «Человек». Подобные языковые единицы не включались в выборку.

Отобранная по описанному выше принципу выборка составила 483 единицы, лексико-семантические варианты которых демонстрируют наличие персонификационного переноса из КС «Человек». Кроме того, в отдельную группу слов (21 единица) вошли слова, отмеченные переносом из КС «Животный мир». Необходимо подчеркнуть, как это уже делалось в главе 1, что граница между данными КС является размытой, поскольку существуют признаки, которыми может обладать как человек, так и другие живые существа.

Выявление закономерностей осуществления персонификационного переноса подразумевает группировку отобранных языковых единиц по определенным признакам. В качестве основания классификации была выбрана принадлежность языковых единиц к той или иной лексико-семантической группе. Лексико-семантическая группа (ЛСГ) представляет собой множество слов одной части речи, сформированное на основе общего у всех членов группы значения, называемого инвариантным [71, с. 122].

Общепринятых классификаций ЛСГ не существует. Довольно часто группирование лексики происходит по семантическим и грамматическим признакам в совокупности. Так, с грамматических позиций существительное обычно анализируется в сопоставлении с категорией числа, что находит отражение в выделении таких разрядов, как конкретные, абстрактные, вещественные и собирательные существительные [75, с. 240]. Для настоящего исследования интерес представляет именно общность семантических признаков языковых единиц. Семантические классификации могут быть сколь угодно детальными, что иллюстрирует Национальный корпус русского языка, в котором список лексико-семантических помет слов содержит десятки единиц [303]. Он послужил основой классификации,

разработанной на базе корпуса англоязычного материала, который был составлен в рамках настоящего исследования [163], и представленной в приложении А. Последующие разделы содержат детальное описание структуры концептосфер «Человек» и «Животный мир» как источников семантической деривации в английском языке.

2.1. Структура концептосферы «Человек» как источника семантической деривации в английском языке

Глаголы

Глаголы составляют подавляющее большинство единиц выборки, отмеченных семантической деривацией посредством персонификационного переноса из КС «Человек» (287 из 483 единиц; 59,4%). Очевидно, это вызвано тем, что глагол – часть речи, описывающая действие, способность к выполнению которого является одним из основных признаков живых существ, а также тем, что спектр действий, выполняемых человеком, весьма широк.

Внутри данной группы первое место по количеству единиц занимает ЛСГ «Движение» (59 единиц из 287; 20,6% глаголов). Многие из этих глаголов в своем развитии приобрели большое количество переносных значений и характеризуются широкой сочетаемостью. К ним относятся глаголы *bring, follow, go, jump, pull, rise, run* и др. Вероятно, это связано с тем, что они имеют достаточно узкий интенционал, поскольку глаголы, содержащие в своем семном составе большое количество дифференциальных компонентов, обычно ограничены в своей сочетаемости с существительными. Например, глагол *crawl*, в исходном значении обозначающий перемещение человека ползком, в переносных значениях употребляется для описания очень медленного движения транспортных средств, неравномерного распределения краски по поверхности, а также обхода веб-страниц поисковым роботом, т. е. наблюдается перенос в КС

«Артефакты». Этим же переносом отмечен глагол **limp**, использующийся в переносном значении для обозначения движения транспортных средств в неисправном состоянии. Глагол **recoil**, обозначающий резкое движение человека в состоянии страха или отвращения от объекта, вызвавшего у него негативные эмоции, в переносном значении описывает движение отдачи после выстрела. Глагол **ramble**, в исходном значении обозначающий перемещение человека по местности во время прогулки, в переносном значении применяется для описания разрастания растений. При этом синонимичный ему глагол **roam** приобрел другие переносные значения и стал сочетаться с соматизмами, а также существительными, относящимися к ментальной сфере (напр., *my eyes roamed restlessly around the room; he let his mind roam as he walked* [297]), то есть его переносные значения не вышли за пределы антропосферы.

Однако наличие у глагола большого количества дифференциальных сем не всегда означает, что его сочетаемость ограничена узким спектром существительных. Например, глагол **dance** обозначает быстрое и хаотичное движение в воздухе любых предметов (напр., *the leaves were dancing beneath the soft breeze; the flames were dancing in the night; his fingers danced lightly and quickly over the keyboard* [297]), а глагол **beckon** – привлекательность любого конкретного или абстрактного предмета (напр., *the lure of the stage beckoned; the golf courses of Mayo and Galway beckon invitingly* [297]).

В отдельных случаях отнести глагол к той или иной ЛСГ может быть затруднительно, так как некоторые действия находятся на пересечении семантических полей. К ним относятся действия, обозначаемые глаголами **cast**, **throw**, **drag**, **toss** и др., которые сочетают в себе как признаки движения, так и признаки физического воздействия, приводящего к какому-либо результату. При этом персонификационные переносы в случае с данными глаголами происходили на разных основаниях. Так, например, признаком, послужившим основанием для образования переносных значений у синонимичных глаголов *cast* и *throw* видится признак результативности

(напр., *a cloud cast a shadow over the sun; the sun threw a bright dust-laden bar through one of the side windows* [297]), у глагола *drag* – скорости движения (напр., *the days dragged very slowly past* [297]), у глагола *toss* – физического воздействия (напр., *the wind tossed the tree-tops* [297]).

В особую подгруппу выделяются глаголы, обозначающие в исходном значении перемещение в вертикальной плоскости (*lift, dive, climb, leap, plunge* и др.) и описывающие в переносном значении процесс увеличения или уменьшения количества чего-либо. Многие из них используются в деловой сфере (напр., *profits before tax dived by 61 per cent; the company's shares climbed steadily in value* [297]).

Сложности разграничения возникают и при распределении глаголов, сочетающих в себе признаки физического воздействия (вторая ЛСГ по количеству единиц в выборке; 46 единиц, 16% глаголов) вместе с признаками контакта и опоры (четвертая ЛСГ по количеству единиц в выборке; 25 единиц, 8,7% глаголов). К таким глаголам относятся описывающие конфликтные ситуации глаголы *attack, battle* и *wrestle*, которые используются в переносном значении для обозначения борьбы с проблемами и сложностями, а также глаголы, описывающие способы нанесения ударов (*beat, kick, stab, strike, whip*), различия между которыми повлияли на развитие переносных значений. Глаголы *beat, strike* и *stab* приобрели широкую сочетаемость, при этом глагол *beat* применяется для описания силового контакта между предметами (напр., *the rain beat heavily on the roof* [297]), а также борьбы с чем-либо абстрактным (напр., *you can't beat cancer without chemotherapy* [297]), глагол *strike* – для описания внезапного возникновения чего-либо (*a major earthquake struck the island; a disturbing thought struck Melissa* [297]), а глагол *stab* – для описания воздействия на человека предметов и абстракций, вызывающих ощущение режущей боли (напр., *a stitch stabbed at her side; a sharp pain stabbed through him* [297]). Глагол *kick*, как и глагол *recoil*, в переносном значении употребляется для описания движения отдачи после выстрела, а глагол *whip* – для описания

напоминающего удар хлыстом физического воздействия объектов из КС «Окружающий мир» на человека (напр., *reeds whipped and choked us* [297]).

Среди глаголов физического воздействия выделяются два глагола (*castrate* и *emasculate*), в исходном значении несущие в себе сему гендера и теряющие ее в переносных значениях. Основой для персонификационного переноса послужил признак лишения какого-либо объекта качества, традиционно приписываемого мужчинам, а именно силы (напр., *a restrictive classicism would have castrated England's literature; this bill is emasculating the equality law* [297]). Отметим, что основная масса примеров употребления глагола *emasculate* в переносном значении, зафиксированных в онлайн-версии словаря Oxford, приходится на политическую и юридическую сферы, в которых традиционно доминируют мужчины.

К группам глаголов физического воздействия и движения тесно примыкают глаголы помещения объекта в пространстве *put, set, hide, cover* (4 единицы, 1,4% глаголов). В переносных значениях они сочетаются с широким рядом обозначений неодушевленных субъектов действия (напр., *this situation put me in an unenviable position; clouds rolled up and hid the moon* [297]).

В ЛСГ «**Контакт и опора**», как и в других перечисленных ранее ЛСГ, выделяются ряды синонимов. Один из этих рядов составляют глаголы *grab, grip, grasp*, образующие отдельный формально-семантический разряд с начальным маркером *gr-* и имеющие сходства с точки зрения развития у них переносных значений. Глагол *grab* демонстрирует персонификационный перенос в КС «Артефакты» (напр., *the brakes grabbed very badly* [297]), а также широкий перенос, подобный тому, который произошел с ранее описанным глаголом *beckon* (напр., *the headline / colour / film grabbed my attention* [297]). Широкий перенос наблюдается и у его синонимов (напр., *an air of disbelief and sadness gripped the community; the symptoms grasped their attention* [297]), однако глагол *grasp*, в отличие от двух своих синонимов, используется при вербальном выражении когнитивной метафоры, которую

Дж. Лакофф отобразил в формуле IDEAS ARE ENTITIES [241, с. 450], а именно в высказываниях, «опредмечивающих» абстракции (напр., *the meanings of this game cannot be fully grasped; this state of affairs is not fully grasped by the general public* [297]).

Синонимичными в ЛСГ «Контакт и опора» также являются глаголы **embrace** и **hug**, при этом в их переносных значениях прослеживается меньше сходства. Глагол *hug* описывает соприкосновение облегающей одежды с телом человека (напр., *a pair of jeans that hugged the contours of his body* [297]), тесный контакт между предметами (напр., *the car hugs the road, cornering neatly* [297]), а также хранение человеком тайны (напр., *Deanna is hugging a secret* [297]). Глагол *embrace* используется для описания связи между составными элементами и целым (напр., *the festival embraces various strands of the arts* [297]), а также принятия человеком или обществом какой-либо идеи или же его готовности к изменениям (напр., *Washington is not a city keen on embracing dramatic change* [297]).

Третью по величине ЛСГ среди глаголов, отмеченных персонификационным переносом из КС «Человек», составляют глаголы речи (34 единицы, 11,8% глаголов). Речь, в отличие от движения и способности физически воздействовать на окружающий мир, является уникальным качеством человека. Хотя отдельные виды животных и обладают системами коммуникации, эти системы не имеют всех признаков человеческой речи. Проявления именно этого уникального качества человека подверглись активному переосмыслению в языке. Так, например, синонимичные глаголы **say**, **speak**, **tell** в переносных значениях употребляются для описания символических систем и объектов, которые воспринимаются человеком как символы или хранилища информации (напр., *the clock says ten past two; everything in the house spoke of hard times and neglect; the figures tell a different story* [297]). Отметим, что синонимичный этому ряду глагол **talk** схожих переносных значений не приобрел.

ЛСГ «Речь» содержит несколько пар синонимов. К ним относятся выражающие власть и волю глаголы **command** и **dictate**, первый из которых отмечен персонификационным переносом в КС «Артефакты» и употребляется для описания зданий и помещений, расположенных на возвышенности (напр., *all of the rooms command views over the city skyline* [297]), а второй – широким переносом в различные сферы и сближением в своем переносном значении с глаголом *affect* (напр., *a review process can be changed as circumstances dictate* [297]). Признаки воли и власти имеются и у пары синонимов **forbid** и **prohibit**, которые схожим образом используются в переносных значениях для описания наличия препятствий (напр., *the cliffs forbid any easy turning movement; the budget agreement had prohibited any tax cuts* [297]).

Еще одну синонимическую пару в ЛСГ «Речь» составляют глаголы **greet** и **welcome**. Глагол *greet*, исходное значение которого подразумевает присутствие в ситуации одушевленных субъекта и объекта действия, в переносных значениях употребляется с неодушевленными объектами, представленными абстракциями (напр., *everyone greeted this idea warmly* [297]), и неодушевленными субъектами, которыми обычно выступают звуки, запахи или виды (напр., *a different sight greets passers; a pleasant earthy smell greeted our noses; in the morning a different sound greets my ears* [297]). У глагола *welcome* переносное значение подразумевает только наличие неодушевленного объекта действия (напр., *I too welcome these developments*).

Следующая синонимическая пара в ЛСГ «Речь» – глаголы **grumble** и **complain**. Первый из них отмечен персонификационным переносом в КС «Окружающий мир»; в переносном значении он употребляется для описания погодных условий (напр., *thunder grumbled outside* [297]). Второй глагол отмечен переносом в КС «Артефакты» и «Антропосфера»; в переносном значении он описывает издаваемый различными предметами скрип, а также болевые ощущения, испытываемые человеком (напр., *the steps complained*

loudly under my weight; the muscles on my body were complaining with great strain [297]).

ЛСГ «Речь» также содержит пару антонимов – глаголы **agree** и **disagree**. В переносных значениях эти глаголы употребляются при описании ситуаций соответствия или несоответствия каких-либо единиц друг другу (напр., *these data partially agree with our results; results which disagree with the findings [297]*), а также непереносимость человеком чего-либо (напр., *milk doesn't agree with me; the sea crossing disagreed with her [297]*).

Пятую по величине ЛСГ составляют глаголы, обозначающие различные процессы физиологической сферы (24 единицы, 8,4% глаголов). Некоторые из них (например, глаголы **belch** и **cough**) отмечены узким персонификационным переносом и в переносных значениях обозначают действия, производимые артефактами (напр., *a factory chimney belches out smoke; the engine began coughing and spluttering [297]*). Глаголы **spit**, **lick** и **devour** в переносных значениях употребляются преимущественно для описания процесса горения (напр., *the bonfire crackled and spat; the flames devoured four buildings; the flames licked around the pyre [297]*).

Широкий персонификационный перенос произошел в случае с глаголом **wink**. В переносном значении он передает мерцание любого объекта (напр., *the diamond on her finger winked in the moonlight; screens and lights winked on [297]*). Похожая ситуация наблюдается с глаголом **weep**, использующимся в переносном значении для описания выделения каким-либо объектом жидкости (напр., *skin like this might weep; banana leaves weep at night [297]*).

Персонификационным переносом оказались затронуты глаголы, которые обозначают различные процессы, связанные с дыхательной системой. Например, глагол **breathe** приобрел множество переносных значений от дуновения ветра (напр., *a light wind breathed through the folds of her outfit [297]*) до наличия у предмета какого-либо признака (напр., *the whole picture breathes timidity and refinement [297]*) или контакта с воздухом (напр.,

letting a wine breathe allows oxygen to enter [297]). Глагол **choke** в переносном значении описывает наличие помех или препятствий (напр., *piracy will choke the creation and distribution of music; the true oppressor which chokes our potential for growth is the ego* [297]). Глагол **exhale** в переносном значении употребляется для указания на выделение дыма, пара или газа из какого-либо источника (напр., *the jungle exhaled mists of early morning; the pipe exhaled thick smoke* [297]).

Переосмыслению подвергся процесс поглощения пищи, что нашло свое отражение в развитии переносных значений у глаголов **gnaw** и **nibble**. Первый глагол в переносном значении описывает воздействие на человека различных факторов, вызывающих неприятные ощущения или негативные эмоции (напр., *he had never known words could gnaw at him; I feel the discontent crawl up and gnaw at my insides* [297]), в то время как второй глагол отображает не только процессы эмоциональной сферы человека, но и ситуаций, в которых под воздействием внешних факторов происходит уменьшение объектов в объеме (напр., *about a billion tiny things are nibbling at me today; the sun was nibbling away at the clouds* [297]). Отметим, что данные глаголы при употреблении в переносных значениях обычно требуют наличия предложного дополнения. Схожим образом ведет себя глагол **eat**, который приобрел переносное значение только как единица в составе фразового глагола **eat away** (напр., *the sun and wind eat away at the ice* [297]). Глагол **drink** в переносном значении не требует предложного дополнения, однако применяется только в сочетании с обозначениями растений и пористых предметов, способных впитывать жидкость (напр., *container plants drink lots, and often; the sponge drank a lot of the foundation straight away* [297]).

Процесс кормления также подвергся переосмыслению, что демонстрируют переносные значения глаголов **feed** и **nourish**. Место одушевленного объекта в случае с глаголом **nourish**, используемом в переносном значении, занимают обозначения чувств или мыслительных процессов человека, т. е. персонификационный перенос произошел в область

антропосферы (напр., *he has long nourished an ambition to bring the show to Broadway* [297]), в то время как глагол *feed* приобрел более широкую сочетаемость и в переносном значении употребляется для описания ситуаций, в которых некий ресурс направляется в определенное русло (напр., *feed the lawn in spring and autumn; he fed the fire; Kevin fed coins into the jukebox* [297]).

Шестую по величине ЛСГ составляют глаголы, описывающие поведение человека (21 единица, 7,3% глаголов). Среди них есть ряд единиц, сопряженных с негативной оценкой. К ним относятся глаголы ***betray***, ***conspire***, ***desert***, ***evade***, ***rebel***. Глагол *betray* в переносном значении функционирует прежде всего в рамках антропосферы, а именно в описаниях ситуаций, где жестикация, речь или мимика человека сигнализируют о его истинных намерениях или эмоциях (напр., *his face betrayed the shock he felt; his voice betrayed modesty* [297]). Подобным образом ведет себя и глагол *desert*, используемый в переносном значении в тех случаях, когда человек не проявляет присущее ему качество в нужный момент (напр., *his ability to feel had deserted him* [297]), а также когда ему не хватает удачи (напр., *her luck deserted her* [297]). Схожее поведение наблюдается и у глагола *rebel*, который сочетается преимущественно с соматизмами, а также обозначениями объектов, принадлежащих ментальной сфере человека (напр., *his very mind and heart rebelled at the very thought* [297]). Глагол *conspire* в переносном значении сочетается с обозначениями абстрактных сущностей, которые приводят к образованию негативных для человека обстоятельств (напр., *the conditions also conspired against the Minstermen* [297]), как и глагол *evade*, употребление которого в переносном значении показывает, что человеку не удастся достичь некоторой цели или результата (напр., *sleep evaded me; a clear first prize was evading him; the discovery of silicon as an element evaded chemists for many years* [297]).

В ЛСГ «Поведение человека» также присутствуют глаголы, не окрашенные какой-либо оценкой. К ним относятся глаголы ***behave***, ***play*** и

serve. Персонализационный перенос в случае с глаголом *behave* затронул КС «Окружающий мир» и «Артефакты», в результате чего данный глагол в переносном значении стал использоваться для обозначения динамической характеристики механизмов и явлений природы (напр., *each car behaves differently; lightning behaved that way because it was just a bunch of electricity* [297]). Глагол *play* в переносном значении используется для описания мерцания или быстрого движения чего-либо (напр., *little beams of light played over the sea; a wry smile played across his lips* [297]), а глагол *serve* – для описания предметов с точки зрения их пользы (напр., *this book will serve a useful purpose; laser shots and explosions are fairly generic but serve the purpose well* [297]).

Следующую ЛСГ составляют глаголы посессивной сферы (16 единиц, 5,6% глаголов). К ним относятся такие глаголы, как **get, give, receive, conquer, govern, reign**. Первые три глагола можно отнести к глаголам широкой семантики, несущим в качестве наиболее общей функции отображение субъектно-объектных отношений. Следующие три глагола используются в переносных значениях для обозначения ситуации подчинения, при этом их употребление демонстрирует некоторые грамматические особенности. Так, например, глагол *conquer* в переносном значении обычно сочетается с неодушевленными объектами (напр., *a fear she never managed to conquer* [297]), в то время как глагол *govern* сочетается как с неодушевленными объектами, так и неодушевленными субъектами (напр., *these trajectories are governed by the fundamental laws* [297]), а глагол *reign* – с неодушевленными субъектами и не требует наличия объекта (напр., *chaos reigns as paramedics attempt to evacuate the wounded* [297]).

Довольно однородной с точки зрения функционирования отдельных элементов выглядит группа глаголов восприятия (12 единиц, 4,2% глаголов). К ним были отнесены как непосредственно глаголы восприятия (**see, witness**), так и глаголы, описывающие действия, которые обеспечивают восприятие чего-либо деятелем (**look, peep, peek, peer**) или формирование восприятия у

объекта действия (**show, demonstrate, guide, manifest, exhibit, reveal**). Глаголы *see* и *witness* в переносном значении используются в сочетании с темпоративами в позиции подлежащего (напр., *the 1970s saw the beginning of a technological revolution; the 1980s witnessed an unprecedented increase in the scope of the electronic media* [297]). Вторая подгруппа глаголов любопытна тем, что внутри нее выделяется формально-семантический разряд (*peer, peek, peer*), все члены которого имеют схожие переносные значения и употребляются для описания видимости какого-либо объекта из-за преграды или препятствия (напр., *the sun began to peer out; his socks were so full of holes his toes peeked through; the towers peer over the roofs* [297]). Глаголы третьей подгруппы в переносных значениях используются для обозначения наличия у какого-либо объекта некоторого качества или признака (напр., *their shameful silence demonstrates their ineptitude; her blue eyes twinkled to reveal a gentle nature* [297]).

Группа глаголов местонахождения (12 единиц, 4,2% глаголов) содержит отдельную подгруппу глаголов **occupy, reside, people** и **populate**, в исходных значениях описывающих заселение людьми каких-либо пространств или территорий. Для первых двух глаголов характерен широкий персонификационный перенос и способность сочетаться при употреблении в переносном значении с практически любыми существительными (напр., *two long windows occupied almost the whole of the end wall; the painting has resided in a New England family since 1923* [297]). Вероятно, из-за достаточно тесной ассоциации глаголов *people* и *populate* с образом группы людей эти глаголы менее охотно сочетаются с неодушевленными существительными. Хотя словарные дефиниции указывают на отсутствие ограничений по признаку одушевленности (*people = fill or be present in (a place or domain); populate = fill or be present in (a place or sphere)* [301]), основная масса примеров приходится на сочетания с существительным *character* (напр., *certainly grotesque characters populate the world* [297]), однако также присутствуют примеры сочетаемости с неодушевленными существительными (напр., *the*

world peopled by signs of hope suddenly appears to be emptied of meaning; the data should be populated into the quality performance database [297]). Также следует отметить глаголы **lie**, **stand** и **sit**, которые прошли через процесс десемантизации и стали использоваться в переносных значениях для указания на расположение любых объектов в каком-либо месте, и глагол **sprawl**, который, имея большое количество дифференцирующих сем (*sprawl = sit, lie, or fall with one's arms and legs spread out in an ungainly way [301]*), в переносном значении употребляется для описания городской застройки (напр., *the town sprawled along several miles of cliff top [297]*).

Глаголы психической сферы (11 единиц, 3,8% глаголов) демонстрируют ограниченные персонификационные переносы. Так, глагол **excite** в переносном значении используется в научной сфере (напр., *the energy of an electron is sufficient to excite the atom [297]*). Глагол **aspire** употребляется для описания архитектурных объектов и их деталей преимущественно в художественной литературе (напр., *above the domes of loftiest mosques these pinnacles aspire [297]*). Однако в этой группе присутствуют и глаголы с широким персонификационным переносом. К ним относятся глаголы **rage** и **suffer**. Первый из них в переносном значении используется для обозначения интенсивного процесса негативного характера (напр., *the great cholera epidemic which raged across Europe in 1831; the children had to seek shelter while the storm raged [297]*), а второй – для описания ситуаций, в которых некоторый объект испытал на себе негативное воздействие или же ухудшился в качестве (напр., *the quality suffers through primitive recording; the house suffered significant fire damage [297]*).

Сходством функционирования переносных значений отмечены члены ЛСГ «Звук» (7 единиц, 2,4% глаголов). Глаголы **scream**, **shout**, **groan**, **moan**, **sigh**, **whisper**, **sing** используются для обозначения звуков с определенными характеристиками высоты и громкости, издаваемых различными предметами (напр., *motorbikes were screaming past us between the two lanes of traffic; she*

opened the door which moaned in response; the kettle was beginning to sing [297]).

Среди глаголов ментальной сферы (6 единиц, 2,1% глаголов) присутствует синонимическая пара **assume** и **suppose**, члены которой в переносных значениях различаются в плане функционирования. Глагол *suppose* сочетается с обозначениями объектов ментальной сферы и обозначает наличие какого-либо условия (напр., *the theory supposes a predisposition to interpret utterances* [297]). Глагол *assume* сочетается с широким рядом обозначений неодушевленных объектов при описании ситуаций приобретения объектом каких-либо признаков (напр., *militant activity had assumed epidemic proportions* [297]), что, очевидно, связано с его развитием в диахронии. Исторически данный глагол относился к посессивной сфере и использовался для обозначения присвоения человеком чего-либо. В данной группе также присутствует глагол **recognize**, который подвергся переосмыслению в результате появления «умных» машин и механизмов, способных выделять из массивов данных отдельные единицы согласно заданным алгоритмам (напр., *the computer recognized the emotion correctly 98 per cent of the time* [297]).

Среди глаголов, описывающих изменение признака, существование, его начало и конец (10 единиц в совокупности, 3,5% глаголов), присутствует глагол **father**, отмеченный в исходном значении семой мужского гендера, а в переносном значении обозначающий взаимоотношения между источником и происходящим от него объектами (напр., *a culture which has fathered half the popular music in the world* [297]). Отметим, что переносные значения глагола **mother** не вышли за пределы КС «Человек». Возможно, формированию абстрактного переносного значения глагола **father** поспособствовало патриархальное мышление. Остальные глаголы в данной совокупности не отмечены семой гендера. К ним относятся глаголы **age**, **live**, **survive**, **thrive**, **die**, а также глаголы **kill**, **massacre**, **murder**, **stifle**, находящиеся на пересечении со сферой физического воздействия. Как и в случае с

существительным *life*, которое в результате переосмысления стало обозначать существование любого неживого объекта, данные глаголы используются для описания этого существования или же его прекращения, а также для обозначения местонахождения объекта (напр., *two fast goals from Dublin killed any hopes of a famous Sligo victory; the house survived the storm largely unscathed; I told her where the coffee lived and went back to sleep* [297]).

Существительные

Существительные, характеризующиеся семантической деривацией посредством персонификационного переноса из КС «Человек», составляют достаточно объемную группу (131 единица из 483; 27,1% из общего объема выборки). Из них 58 единиц приходится на ЛСГ «**Части тела и органы человека**» (44,3% от всех содержащихся в выборке существительных). Это подтверждает позицию исследователей, описанную в главе 1 и гласящую, что соматизмы являются пластом лексики, в котором наиболее ярко проявился антропоцентризм человеческого мышления. Отметим, что в настоящем исследовании данная группа рассматривается с позиций широкого подхода, а именно в нее включаются не только обозначения частей и органов тела, но также обозначения тканей и образований на тканях человека.

Внутри ЛСГ «Части тела и органы человека» одними из основных признаков, положенных в основу персонификационного переноса, является внешнее или функциональное сходство предметов с частями тела человека, что также отмечено другими исследователями [1] и проявляется в словарных дефинициях следующего плана: *arm* 1) *each of the two upper limbs of the human body from the shoulder to the hand*; 2) *a thing comparable to an arm in form or function, typically something that projects from a larger structure* [301]. К таким единицам относятся обозначения конечностей человека (***arm, leg***), их анатомических деталей (***elbow, shoulder, hand, finger, knee, foot, toe***), а также органов (например, ***eye, throat***). Очевидно, носители английского языка активно осмыслили элементы окружающей их реальности в сопоставлении с

человеческим телом, поскольку денотаты, соотнесенные с переносными значениями данных слов, варьируются от объектов окружающего мира (*arm = a narrow strip of water or land projecting from a larger body* [301]) до артефактов (*arm = a side part of a chair or other seat on which a sitter's arm can rest* [301]), а также принадлежат к антропосфере (*arm = a branch or division of a company or organization* [301]). Это позволяет говорить о наличии в английском языке широкой персонификационной модели «Части объекта – это части организма».

Пространственное восприятие объектов также прошло сквозь призму человеческого тела и получило фиксацию в английском языке, демонстрируя персонификационную модель «Стороны объекта – это части тела». Наименования отдельных соматизмов (***face, back, cheek***) послужили для обозначения видимых или скрытых от наблюдения сторон объектов как природного, так и искусственного происхождения (напр., *cheek = either of two side pieces or parts in a structure* [301]).

Обозначения внутреннего строения человека (преимущественно скелета и его деталей, напр. ***skeleton, bone, backbone, spine, rib***) послужили для описания структуры и функции артефактов (напр., *spine = the part of a book's jacket or cover that encloses the inner edges of the pages* [301]), а также объектов неживой природы (напр., *backbone = the main chain of a polymeric molecule* [301]). Подобные лексико-семантические варианты демонстрируют наличие в английском языке персонификационной модели «Внутреннее строение предмета – это скелет». Вероятно, персонификационный перенос в данном случае вызван присутствием в структуре значений слов, обозначающих детали скелета человека, имплицитных сем. Понимание костей и скелета как важных составных частей, как «деталей», на которых все держится, отражается в таких словах, как *basic, chief, essential, central*, содержащихся в толкованиях переносных значений. Схожее переосмысление демонстрирует существительное ***sinew***, обозначающее один из видов тканей человека, а также опорную или связующую часть структуры или системы.

На основе формальных и функциональных признаков переносные значения возникли также у таких существительных, как **artery**, **vein** и **umbilical cord**. Общий для денотатов, обозначаемых данными существительными, признак – протяженность и, как следствие, способность выступать в качестве связующего элемента – послужил основой персонификационного переноса в КС «Артефакты» и «Природа» (напр., *artery = an important route in a system of rivers* [301]; *umbilical cord = a flexible cable, pipe, or other line carrying essential services or supplies* [301]). Отличается от остальных слов в этой группе существительное **vein**, подавляющее большинство переносных значений которого сформировано на основе имплицитного признака исходного денотата – резкого контраста цвета вен с кожей (напр., *vein = a streak or stripe of a different colour in wood, marble, cheese, etc.* [301]). Это означает, что в данном случае при деривации использовались разные основания семантического переноса.

По-видимому, функциональность частей тела обладает большим весом с точки зрения влияния на семантические переносы. Этим можно объяснить то, что существительное **jaw** приобрело множество переносных значений (*the gripping parts of a tool or machine; the grasping or destructive power of something; an opening likened to a mouth* [301]), в то время как у существительного **chin** переносные значения отсутствуют.

Персонификационный перенос, основанный на внешнем сходстве, может быть широким, как это демонстрируют обозначения конечностей человека, но также может распространяться и на ограниченный ряд предметов. В качестве примера могут послужить существительные **hair**, **beard**, **bruise**. Первые два существительных используются для описания особенностей внешнего вида растений (*hair = a fine threadlike strand growing from the epidermis of a plant, or forming part of a living cell; beard = a tuft of hairs or bristles on certain plants, especially the awn of a grass* [301]), а третье – для обозначения дефектов на поверхности растений и плодов (*bruise = a mark indicating an area of damage on a fruit, vegetable, or plant* [301]). Вероятно,

ограниченный перенос в КС «Природа» связан с наличием всего одного общего признака у денотатов из разных сфер (визуального), а также тесной связью денотата, обозначаемого словом *bruise* в исходном значении, с его локализацией (необходимостью наличия мягких тканей).

Переносное значение существительного **flesh** также лежит в КС «Природа» (*flesh = the edible pulpy part of a fruit or vegetable* [301]), однако переносные значения слова **skin**, обозначающего еще один из видов тканей человека, охватывают широкий ряд денотатов, таких как кожура плодов, оболочка мясных продуктов, пенка на молоке, обшивка зданий и т. д. По-видимому, большое количество переносных значений у данного существительного вызвано наличием признаков *thin*, *layer*, *covering* у множества предметов как естественного, так и искусственного происхождения.

Отдельный ряд существительных, принадлежащих ЛСГ «Части тела и органы человека», отмечен переносом в КС «Артефакты». К этому ряду относятся слова **brain** (*an electronic device with functions comparable to those of the human brain* [301]), **throttle** (*a device controlling the flow of fuel or power to an engine* [301]) и **thumbnail** (*a small picture of an image or page layout* [301]). Очевидно, основой для персонификационного переноса в первом случае послужила способность выполнять логические операции, во втором – размеры и форма денотатов, в третьем – структурные признаки.

В КС «Артефакты» выделяется использование существительных **hip** и **groin** для описания архитектурных элементов. Словом **hip** обозначаются ребра крыши здания, а словом **groin** – угол, образованный пересечением сводов. Это позволяет говорить о наличии в английском языке персонификационной модели «Элементы архитектуры – это части тела».

Негативное отношение к образованиям на теле человека послужило формированию переносных значений таких существительных, как **scar** (*a lasting effect of grief, fear, or other emotion left on a person's character by an unpleasant experience* [301]), **ulcer** (*a moral blemish or corrupting influence*

[301]) и **wart** (*an undesirable or disfiguring feature* [301]). Отметим, что в то время как для денотатов данных слов в исходных значениях характерна локативная привязка на плоскости (образования возникают на коже или тканях человека), переносные значения сопряжены с денотатами, которые имеют более высокую степень абстракции (например, обозначения душевных ран посредством слова *scar* или же изъяна какого-либо объекта с помощью слова *wart*).

Обозначения частей тела и органов человека в своих переносных значениях используются для описания локативов. К ним относятся существительные **womb** (*a place where something is generated* [301]), **navel** (*the central point of a place* [301]), **lung** (*an open space in a town or city, where people can breathe fresher air* [301]) **armpit** в американском варианте английского языка (*a place regarded as extremely unpleasant* [301]). У первых трех существительных нет негативных коннотаций; персонификационные переносы в структуре значений этих слов вызваны формальными и структурными признаками, а также причинно-следственными связями. В случае со словом *armpit* в основу переноса легли имплицитные признаки денотата, вызывающие в отдельных ситуациях негативное отношение человека к нему.

Следующей за ЛСГ «Части тела и органы человека» по количеству единиц выборки в группе существительных идет ЛСГ «**Наименования лица**» (23 единицы, 17,6% от всех существительных). Слова с узким экстенсионалом, входящие в данную ЛСГ, образуют узкие переносные значения, связанные со сферами профессиональной деятельности: существительные **client** и **assembler** обозначают компьютерные программы, **chanter** – элемент волынки, **antagonist** – химические вещества и мышцы-антагонисты. Основой переноса в данном случае послужили признаки, входящие в интенционалы значений слов (выполнение человеком работы или действия определенным способом). Особый интерес представляют существительные **orphan** и **widow**, которые используются в типографском

деле как наименования двух видов висячих строк. Словом *orphan* обозначается начальная строка абзаца, расположенная в конце колонки или страницы и оторванная от остальных строк, а словом *widow* – конечная строка абзаца, расположенная в начале колонки или страницы и оторванная от всего абзаца. Для запоминания того, как правильно употреблять данные термины, существует «персонифицированное» мнемоническое правило: *an orphan has no past, a widow has no future*. Очевидно, что персонификационный перенос в данном случае был основан на имплицитном признаке денотата (одиночестве сироты или вдовы).

Переносные значения некоторых наименований лица (***guide***, ***companion***) позволяют говорить о наличии персонификационной модели «Книга – это человек» (*guide = a book, document, or display providing information on a subject or about a place; a thing that helps someone to form an opinion or make a decision or calculation; companion = a book that provides information about a particular subject; a star, galaxy, or other celestial object that is close to or associated with another* [301]). При этом персонификационный перенос в случае со словом *companion* распространился на меньшее количество денотатов (небесные тела, книги), в то время как существительное *guide* в переносном смысле имеет достаточно широкую сочетаемость, которой также обладают существительные ***friend*** и ***enemy***, образованию переносных значений которых способствовала имплицитная положительная или отрицательная оценка (*friend = a familiar or helpful thing; enemy = a thing that harms or weakens something else* [301]).

Существительные, означающие стадии развития человека (такие как ***embryo*** и ***infant***), в переносном значении также охватывают широкий ряд объектов, однако для них характерна определенная синтаксическая особенность – употребление в функции определения (напр., *an embryo central bank* или *the infant Labour Party* [297]). Эта же особенность при употреблении в переносном значении присутствует и у некоторых единиц имен ЛСГ «Имена родства», формирующих третью по объему группу

существительных (9 единиц, 6,9% от всех существительных). К ним относятся существительные ***mother*** и ***sister***, которые используются в словосочетаниях, описывающих взаимоотношения и связи в сфере бизнеса (напр., *mother company* и *sister company* [297]). Остальные существительные в этой ЛСГ (***daughter***, ***father***, ***brother***, ***granddaddy***, ***parent***, ***cousin***, ***descendant***) имеют более высокую степень синтаксической свободы. Любопытно отметить, что у существительных ***son*** и ***grandmother***, также относящиеся к именам родства, в словарях не зафиксированы персонификационные переносы за пределы КС «Человек».

Следующей по количеству единиц в группе существительных идет ЛСГ «**Поведение и поступки человека**» (7 единиц, 5,3 % от всех существительных). Большинство этих единиц описывает поведение и поступки человека, характеризующиеся негативной оценкой. К ним относятся существительные ***riot***, ***treachery***, ***trick***, ***violence***, ***rape***, при этом для первых трех существительных характерен широкий персонификационный перенос (напр., *a riot of emotions, energy, colour; the treachery of language; a trick of the camera* [297]), в то время как переносное значение существительного *violence* распространяется на сферу эмоций и явлений окружающего мира (*the violence of her feelings; the violence of the wind* [297]), а существительного *rape* – на локативы (*the rape of the Russian countryside* [297]). Данная ЛСГ также содержит нейтральное с точки зрения оценки существительное ***behaviour*** (*behaviour = the way in which a machine or natural phenomenon works or functions* [301]) и существительное ***virtue***, имеющее положительную коннотацию (*virtue = a good or useful quality of a thing* [301]).

Внутри ЛСГ «**Физиологическая сфера**» (6 единиц, 4,6% от всех существительных) две единицы (***slumber*** и ***sleep***) являются синонимами и используются для обозначения ситуаций спокойствия, тишины, бездействия. Очевидно, что признаком, послужившим основанием для персонификационного переноса, стало отсутствие активности, характерное для состояния сна. Еще две единицы – ***hiccup*** и ***pain*** – сопряжены с

негативной оценкой, что повлияло на формирование у них переносных значений (*hiccup = a temporary or minor problem or setback; pain = an annoying or tedious person or thing* [301]). Последнюю пару единиц в этой ЛСГ – **tremor** и **concussion** – объединяет персонификационный перенос в КС «Природа» (напр., *earth tremors* или *the ground shuddered with the concussion of the blast* [297]).

Остальные ЛСГ содержат пять и менее единиц. В ЛСГ «**Взаимодействие и взаимоотношение**» (5 единиц, 3,8% от всех существительных) почти все единицы (четыре из пяти) сопряжены с негативной оценкой (**conflict, discord, divorce, war**) и объединены эксплицитным или имплицитным указанием на наличие конфликта или несоответствия каких-либо объектов друг другу. Исключение составляет существительное **marriage**, содержащее в своем составе сему единства, которая легла в основу персонификационного переноса (*marriage = a combination or mixture of elements* [301]).

Единицы ЛСГ «**Психическая сфера**» (4 единицы, 3,1% от всех существительных) характеризуются узкими границами персонификационного переноса. Так, у единиц **rage, avidity, reluctance** он ограничен КС «Природа», при этом две последние единицы используются в переносных значениях преимущественно в профессиональном или научном контексте. Существительное *avidity* обозначает связь между антителами, а существительное *reluctance* – характеристику магнитной цепи. Ограниченным оказался персонификационный перенос и в случае с существительным **animation**, обозначающим в переносном значении мультипликацию.

В ЛСГ «**Множества и совокупности объектов**» (4 единицы, 3,1% от всех существительных) в основе персонификационного переноса лежит количественный признак. Существительные **crowd, gang, population, regiment** в переносных значениях обозначают различные множества предметов, при этом одни обладают широкой сочетаемостью (*a crowd of buildings / names; a*

regiment of trees / chemicals / pots [297]), в то время как сочетаемость других ограничена (gang = a set of switches, sockets, or other electrical or mechanical devices grouped together; population = each of three groups (designated I, II, and III) into which stars can be approximately divided on the basis of their manner of formation).

Следующие две ЛСГ («**Физическое воздействие**», «**Движение**», по 3 единицы (2,3% существительных) в группе) достаточно тесно связаны между собой, поскольку физическое воздействие сопряжено с движением. Основой персонификационного переноса в этих группах служит характер действия или движения, а также его признаки. Например, базовым признаком для семантической деривации от существительных **step** и **skip** послужило движение от одной точки к другой (последовательное в первом случае и прерывистое – во втором), от существительного **stealth** – осторожность, с которой совершается движение, от существительных **clutch** и **grip** – заключение предмета в замкнутое пространство, от существительного **stroke** – скорость воздействия.

Меньше всего единиц содержат ЛСГ «**Начало существования**» (существительные **conception**, **parentage**), «**Существование**» (существительное **life**), «**Прекращение существования**» (существительное **death**), «**Возраст**» (существительное **infancy**), «**Речь**» (существительное **threat**), «**Ментальная сфера**» (существительное **memory**), «**Свойство человека**» (существительное **tolerance**), «**Изменение состояния**» (существительное **gestation**). Общим для обозначений различных стадий и переходов в жизни человека является то, что они приобрели переносные значения, распространившиеся на широкий ряд денотатов. По всей видимости, это вызвано эволюцией существительного *life*, которое в переносном значении стало применяться для периода существования любого предмета (*life = the period during which something inanimate or abstract continues to exist, function, or be valid [301]*).

Прилагательные

Группа прилагательных, характеризующихся семантической деривацией посредством персонификационного переноса из КС «Человек», занимает третье место по количеству единиц (65 единиц из 483; 13,5% выборки). Обозначения психических признаков и физических / физиологических признаков представлены в примерно равных долях (31 единица (47,7% прилагательных) и 28 единиц (43,1% прилагательных) соответственно), в то время как обозначения внешних признаков представлены меньшим количеством единиц (6 единиц из 65, 9,2% прилагательных).

Единицы, входящие в ЛСГ «**Психические качества**», при использовании в переносном значении обозначают признаки широкого ряда денотатов, многие из которых относятся к КС «Окружающий мир». Так, например, прилагательные **angry** и **sullen** используются для характеристики неба (*angry = stormy, turbulent, or threatening; sullen = full of dark clouds* [301]), прилагательные **boisterous**, **fierce** – для характеристики погоды (*boisterous = wild or stormy; fierce = (of the weather or temperature) powerful and destructive* [301]), прилагательные **bold** и **riotous** – для характеристики интенсивности цвета (*bold = (of a colour, design, or shape) having a strong, vivid, or clear appearance; riotous = having a vivid, varied appearance*). Упомянутое выше прилагательное **angry**, а также прилагательное **treacherous** могут применяться для описания поверхности водоема. Основная масса из этих прилагательных несет в себе сему интенсивности признака. Кроме того, некоторые из них сопряжены с негативной оценкой.

Внутри данной ЛСГ выделяются несколько подгрупп прилагательных, демонстрирующих схожие механизмы персонификационного переноса. Так, к одной из этих подгрупп относятся прилагательные положительной оценки **benign**, **friendly** и **kind**, которые употребляются прежде всего для описания артефактов / продуктов, безвредных с точки зрения воздействия на

окружающую среду или человека (напр., *the cycle as a benign form of transport; rollers that are kind to hair; an environmentally friendly product* [297]), при этом сфера использования прилагательного *friendly* выходит за пределы КС «Артефакты» (напр., *it was a friendly night; the 1970s were friendly to the single woman* [297]).

Другая подгруппа объединяет прилагательные *chaste*, *humble* и *shy*, использующиеся для обозначения признака сдержанности. Их переносные значения имеют разную степень сочетаемости с существительными. Прилагательным *chaste* описываются внешние признаки различных объектов (напр., *chaste Classical symmetry* [297]), прилагательное *shy* используется для описания растений со скудным цветением (*a shy plant that only flowers every now and then* [297]), а прилагательное *humble* – для описания как предметов, так и абстракций (*humble beginnings, humble dwellings* [297]).

Отдельную подгруппу составляют прилагательные *capricious*, *fickle* и *vagrant*, несущие в своем семном составе признак непостоянства и использующиеся для описания характеристик разнообразных денотатов (*a capricious climate, capricious events; fickle weather, fickle fashion; vagrant waters, a vagrant breath of hot air* [297]). Также широкую сочетаемость в переносном значении имеют прилагательные *lazy* и *lively* (*lazy days, a lazy river; lively music, a lively atmosphere* [297]), выделяющиеся по признаку наличия / отсутствия энергии. Кроме того, прилагательное *lazy* используется в сочетании с существительным *eye* в разговорном обозначении такого состояния, как амблиопия, характеризующегося снижением остроты зрения.

Отдельного упоминания достойно прилагательное *intelligent*. Если до цифровой революции его переносное значение не выходило за пределы антропосферы (*an intelligent argument / remark / question* [297]), то после нее оно охватило такие артефакты, как машины, механизмы и здания (*intelligent machines are coming which can work for us; intelligent houses have become a reality* [297]).

Как и в случае с предыдущей ЛСГ, единицы, входящие в ЛСГ «**Физические / физиологические качества / состояния человека**» делятся на подгруппы. Одна из них – прилагательные **alive, dead, live** – отражает процессы, схожие с теми, которые демонстрируют существительные, обозначающие существование, его начало и прекращение. При этом для прилагательного *alive* характерно употребление в предикативной функции, а для прилагательного *live* – в атрибутивной (*the book is alive with visuals; a live album, a live coal* [297]). Подобная синтаксическая особенность наблюдается и в подгруппе прилагательных **asleep, drowsy, sleepy**, где предикативная позиция характерна для прилагательного *asleep*, а атрибутивная – для прилагательного *sleepy* (*his legs were asleep; a sleepy little town* [297]).

Прилагательные **blind, mute, sick**, описывающие состояния здоровья человека, в переносных значениях употребляются для описания различных денотатов. Прилагательное *blind* характеризует тупиковые, замкнутые или закрытые пространства (*a blind alley, blind windows* [297]), прилагательное *mute* – беззвучные пространства и объекты (*mute ruins, mute relics* [297]), а прилагательное *sick* – организации, системы и общества, испытывающие трудности (*a sick economy, a sick society* [297]).

Схожие переносные значения сформировались у синонимичных прилагательных **agile** и **nimble**, сфера сочетаемости которых расширилась, распространившись на существительные, обозначающие умственную деятельность человека (напр., *an agile / nimble mind* [297]). Основной персонификационного переноса послужил признак скорости движения.

Подобно существительным, описывающим стадии развития человека, переносные значения приобрели и некоторые прилагательные (**embryonic, young, elderly**). Как и в случае с существительными, переносные значения данных прилагательных распространились на широкий круг денотатов, которым свойственны изменения с течением времени (напр., *the plan is still in its embryonic stages; young business; elderly cars* [297]).

Некоторые прилагательные выборки (*female, male, pregnant, virile*) отмечены в своих исходных значениях гендерными признаками, однако в переносных значениях эти признаки стираются. Например, прилагательные *female* и *male* употребляются для описания деталей машин и механизмов, соединяющихся между собой, прилагательное *pregnant* описывает нечто весомое и значимое (напр., *there was a pregnant pause* [297]), а прилагательное *virile* – денотаты, обладающие признаком энергичности (напр., *a virile performance* [297]).

Третья ЛСГ – «**Черты внешности**» – содержит меньше всего прилагательных. В нее входят такие прилагательные, как *bald, bare, battered, gaunt, naked, pallid*. Три из них (*bald, bare, naked*) образуют подгруппу, объединенную как семантическим сходством, так и однотипным персонификационным переносом, основанным на признаке отсутствия у объекта какого-либо покрытия (напр., *the bald trunks with their empty branches; the trees looked so naked and bare* [297]). Общие признаки находятся и у прилагательных *gaunt, pallid, battered*, сопряженных с негативной оценкой внешности человека, пострадавшего от болезни или травм. Негативная оценка сохраняется у этих прилагательных и в переносных значениях (напр., *gaunt, ugly buildings; character designs are rather pallid and dull; a battered old hat* [297]).

2.2. Структура концептосферы «Животный мир» как источника семантической деривации в английском языке

Единицы, демонстрирующие персонификационный перенос из КС «Животный мир», составляют небольшую группу, в которую входят 11 существительных и 10 глаголов. Небольшой объем этой группы объясняется тем, что в нее вошли только те единицы, которые обозначают животных, их анатомические детали, а также выполняемые животными действия, в то время как единицы, сочетающиеся с наименованиями любых живых существ

(напр., *heart* или *run*) в процессе классификации были отнесены к КС «Человек».

В группе существительных наибольшее количество единиц приходится на наименования живых существ (*animal, bear, beast, bitch, worm*). Существительное *animal* в переносном значении обозначает объект как представителя какой-либо группы и выступает синонимом слова *thing* (напр., *federal tax rates are an entirely different animal from local taxes* [297]). Существительные *bear* и *beast*, обозначающие живых существ, мыслимых человеком как опасных, в переносных значениях сопряжены с негативной оценкой и используются для обозначения ситуаций или объектов, вызывающих у человека негативные эмоции или же ассоциирующихся с хаосом и неуправляемостью (напр., *the car is an absolute bear to operate at low speeds; their music was a more aggressive, angular beast than that of Slint* [297]). Схожим образом функционирует существительное *bitch*, обозначающее в исходном значении самку семейства псовых и выделяющееся гендерной окраской. В переносном значении оно употребляется для указания на неприятный предмет или ситуацию (напр., *nightshifts are a bitch to write blogposts in* [297]). Существительное *worm* в переносном значении также сопряжено с негативной оценкой и используется для обозначения вредоносных компьютерных программ (напр., *unlike a virus, a worm generally does not alter or destroy data on a computer* [297]). Кроме того, из-за визуального сходства с червем перенос этого наименования произошел на элементы машин и механизмов – червячные винты и змеевики (напр., *the worm condensed the vapor into liquor* [297]).

В группе существительных также представлен ряд соматизмов (*fin, forefoot, tail, wing*). Для них характерны переносы на основе сходства форм и функций. Так, существительные *tail* и *wing* обозначают детали самолета, а существительное *fin* – пластины, используемые в различных механизмах для стабилизации или улучшения теплообмена (напр., *the top and bottom of the Cool Drive have fins for heat dissipation* [297]). Существительное *forefoot* в

переносном значении применяется для обозначения носка обуви, а также соединения кия и форштевня корабля.

Замыкают список существительных, отмеченных персонификационным переносом из КС «Животный мир», единицы *howl* и *whine*. В переносных значениях существительное *howl* применяется для обозначения звуков, издаваемых ветром, а также искажений звукового сигнала в акустических системах (напр., *the howl of the gale*; *unwelcome howls of feedback* [297]), а существительное *whine* – для обозначения высоких неприятных звуков (напр., *the whine of the ship's engine* [297]).

В группе глаголов выделяются единицы ЛСГ «Звук» (*growl, howl, roar, purr, whine*), которые, как и глаголы, относящиеся к КС «Человек», в переносных значениях обозначают ситуации, в которых явления окружающего мира или артефакты порождают звуки с теми или иными характеристиками (напр., *thunder growls without warning from a summer sky*; *how often I have listened to the tempest howl and rave*; *a huge fire roared in the grate*; *a sleek blue BMW purred past him*; *the engine whined* [297]).

Отдельную подгруппу составляют глаголы, обозначающие процессы физиологической сферы (*lap, mate, spawn*). Глагол *lap* в переносном значении описывает контакт воды с сушей (напр., *the water lapped over the edges* [297]), глагол *mate* – соединение деталей механизма (напр., *a tapered bushing that mates with a corresponding taper* [297]), а глагол *spawn* – взаимоотношение между источником и происходящим от него объектами (напр., *privatization would certainly spawn side effects in finance and business circles* [297]).

Кроме того, выборка единиц, демонстрирующих персонификационный перенос из КС «Животный мир», содержит глагол движения *fly*, который употребляется в переносном значении для описания процесса перемещения в воздухе любых предметов, а также глагол *tame*, используемый в переносном значении для описания ситуаций, в которых на неодушевленный объект направляется действие с целью его устранения или ослабления его характеристик (напр., *the battle to tame inflation* [297]).

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

1. Анализ лексического фонда английского языка выявил несколько сотен полисемантических лексических единиц, отмеченных персонификационным переносом из концептосферы «Человек». Основную массу проанализированной выборки составляют глаголы (59,4% единиц), что связано, по всей видимости, с самой природой данной части речи, обозначающей преимущественно действие, а также с тем, что спектр действий, выполняемых людьми, чрезвычайно широк. Среди глаголов наибольшее количество единиц, отмеченных персонификационным переносом, относится к ЛСГ «Движение» (20,6% глаголов), «Физическое воздействие» (16%), «Речь» (11,8%), «Контакт и опора» (8,4%), «Физиологическая сфера» (8,4%). Данное распределение показывает, что два ключевых признака человека – способность к перемещению и способность к коммуникации, позволяющие человеку взаимодействовать с окружающей его средой, – стали объектами наиболее активного переосмысления в языковом сознании.

2. Среди представленных в выборке существительных (27,1% единиц) основная масса приходится на ЛСГ «Части тела и органы человека» (44,3% существительных). Ее объем почти в три раза выше, чем объем следующей по величине ЛСГ «Наименования лица» (17,6% существительных). Для данной ЛСГ характерно наличие персонификационных моделей («Части объекта – это части организма», «Стороны объекта – это части тела», «Элементы архитектуры – это части тела»). Полученные данные являются наглядным отражением теории «воплощенного» познания, согласно которой информация об окружающем мире пропускается сквозь призму человеческого тела.

3. Наименьшая доля выборки полисемантических лексических единиц, отмеченных персонификационным переносом из концептосферы «Человек», приходится на группу прилагательных (13,5%). Обозначения характеристик

физического и психического мира человека представлены в примерно равном соотношении. Вероятно, малая доля единиц данной части речи в выборке объясняется характером самой части речи, а именно отображением статического признака, который не является отличительным для живых существ.

4. В лексическом фонде английского языка также содержится ряд лексических единиц, отмеченных персонификационным переносом из концептосферы «Животный мир». Среди глаголов в этой группе преобладают обозначения звуков, а среди существительных – наименования животных. Следует подчеркнуть, что граница между концептосферами «Человек» и «Животный мир» достаточно условна, поскольку существуют характеристики и действия, общие для всех живых существ.

5. Основная масса проанализированных языковых единиц не имеет оценочных коннотаций, однако также представлены единицы, сопряженные с той или иной оценкой. 16,4% единиц характеризуются отрицательной коннотацией, 2,9% – положительной. Очевидно, это вызвано тем, что негативные эмоции ярче и интенсивнее переживаются человеком [199] и, как следствие, имеют более детализированное представление в языке, чем положительные эмоции.

6. Полисемантические единицы, маркированные семой гендера, представлены в малом количестве (4,1% единиц). Треть из них составляют наименования лица. В переносных значениях данная сема стерта, а на первый план выходят семы иерархического взаимоотношения.

ГЛАВА 3. АКТУАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИЙ ОДУШЕВЛЕННОСТИ И ГЕНДЕРА ПРИ ПЕРСОНИФИКАЦИИ: СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Данная глава посвящена анализу персонификации в речи, а именно на уровне первичной и вторичной образности в англоязычной прозе. В качестве материала для исследования были использованы произведения англоязычных авторов романов, мемуаров и сказок (всего 76 наименований) общим объемом более 25 тыс. страниц. Методом сплошной выборки было выделено 1067 примеров актуализации категорий одушевленности и гендера при персонификации.

Отобранные примеры были распределены на группы по признаку принадлежности объектов персонификации к тем или иным концептосферам (КС). Количественные данные по распределению представлены в приложении Б (см. табл. Б.1).

Средства персонификации, представленные в примерах, анализировались на предмет их частеречной принадлежности и выраженности потенциала к актуализации категорий одушевленности и гендера (см. табл. Б.2 и Б.3 в приложении Б). Сниженным персонификационным потенциалом обладают полисемантические единицы контекста, способные сочетаться как с одушевленными, так и неодушевленными существительными, т.е. языковые единицы, рассмотренные в главе 2. В нашей рабочей терминологии такие единицы обозначаются как синкретичные. Они образуют узуальные персонификации и формируют первичную образность. Сильным персонификационным потенциалом обладают единицы, согласующиеся исключительно с одушевленными существительными. В сочетании с неодушевленными существительными за счет семантического рассогласования они образуют гибридную структуру, отражающую переосмысление сути денотата, обозначаемого существительным. Случаи подобного семантического

рассогласования образуют авторские персонификации и формируют вторичную образность.

В некоторых случаях при распределении анализируемых примеров по группам узуальных и авторских персонификаций использовались материалы сайта English Corpora [305], являющегося крупнейшей базой данных по лингвистическим корпусам. Привлечение корпусных данных было вызвано теми соображениями, что словари, как известно, не успевают за развитием языка и не могут своевременно отображать появление новых слов или же развитие переносных значений у существующих слов. Корпусы, идущие в ногу со временем, могут более точно отображать наличие и появление новых узуальных персонификаций в языке.

3.1. Персонификация элементов окружающего мира

КС «Окружающий мир» включает в себя предметы и явления живой и неживой природы, происхождение которых не обусловлено человеческой деятельностью. Примеры персонификации элементов КС «Окружающий мир» составляют основную массу проанализированной выборки (401 пример, 37,6% из общего числа). Из них 333 примера приходятся на персонификации неживой природы и растений, 68 – на персонификации животных. Поскольку эти подгруппы демонстрируют различия с точки зрения структуры контекстуальных средств актуализации персонификации (так, например, случаи персонификации животных характеризуются актуализацией категорией гендера), далее они рассматриваются в отдельности друг от друга.

Узуальные и авторские персонификации неживой природы и растений представлены в примерно равных долях с небольшим преобладанием второй группы (47,7% и 52,3% соответственно). По частеречной принадлежности среди средств персонификации лидирующие позиции занимает глагол (152 примера из 333; 45,6%). Два из подобных примеров представлены ниже:

1. *The flames roared high into the sky.* [378]

Roar: (O3) (*of a lion or other large wild animal*) utter a full, deep, prolonged cry; (B3) (*of something inanimate*) make a very loud, deep, prolonged sound [301].

Сема одушевленности актуализуется в существительном *flames* посредством выступающего в качестве простого глагольного сказуемого глагола *roar*, являющегося синкретичным, что позволяет охарактеризовать данную персонификацию как узуальную. Очевидно, основанием концептуализации огня в образе зверя в англоязычной лингвокультуре послужили такие качества, как агентивность (проявляющаяся, помимо прочего, в индуцировании звука) и опасность для человека.

Глаголы также выступают в качестве средства персонификации в неличной форме:

2. *Then this feeling was replaced by fear, a shadow of a thrill too, the kind that came with a thunderstorm rolling in, or a sea fog creeping towards the shore.* [366]

Creep: (O3) move slowly and carefully in order to avoid being heard or noticed; (B3) (*of a thing*) move very slowly and inexorably [301].

Актуализация семы одушевленности в словосочетании *sea fog* происходит за счет употребления в постпозиции к нему глагола *creep* в форме причастия. Поскольку этот глагол является синкретичным, данная персонификация относится к разряду узуальных. Основой для персонифицированной концептуализации атмосферного явления послужила способность к движению.

Следующим по частотности средством персонификации объектов неживой природы и растений является аккумуляция единиц контекста, способствующих актуализации семы одушевленности (76 примеров из 333; 22,8%):

3. *Then the sea breathed again in a long, slow sigh <...>* [398]

Breathe: (O3) take air into the lungs and then expel it, especially as a regular physiological process; (B3) (*of wind*) blow softly [301].

Sigh: (O3) a long, deep audible exhalation expressing sadness, relief, tiredness, or similar; (B3) a gentle sound resembling a sigh, especially one made by the wind [301].

В данном примере сема одушевленности актуализуется в существительном *sea* посредством глагола *breathe*, выступающего в качестве сказуемого, а также предложной группой существительного *sigh* в функции обстоятельства образа действия. Хотя представленные средства персонификации имеют второстепенные значения, сигнализирующие об их способности сочетаться с обозначениями элементов окружающего мира (ветра), данный пример за счет аккумуляции единиц контекста и отсутствия зафиксированной в словарях сочетаемости с обозначениями водоемов был отнесен к группе авторских персонификаций. Очевидно, персонифицированная концептуализация водоема основана на способности денотата индуцировать звуки.

Третьим по частоте встречаемости средством персонификации является имя существительное, выступающее в различных синтаксических позициях (61 пример из 333; 18,3%):

4. *It was terrifying to be in the water. It was black and cold and in a rage.*
[412]

Rage: (O3) *violent uncontrollable anger*; (B3) *action of a natural agency* [301].

Сема одушевленности актуализуется в значении существительного *water* за счет использования синкретичного существительного *rage*, узואально употребляемого для описания погодных явлений, в позиции предикативного члена. Как и в примере 1, основанием концептуализации природной стихии в образе живого существа являются ее агентивность и опасность для человека.

Актуализация категории одушевленности может производиться с помощью отглагольного существительного, которое входит в одну именную группу с существительным, получающим данную сему:

5. *<...> the breathing of the world was long and warm and slow.* [373]

Breathing: (O3) *the process of taking air into and expelling it from the lungs* [301].

Актуализация семы одушевленности в существительном *world* обеспечивается употреблением существительного *breathing* в составе предложной именной группы (посессивной конструкции с предлогом *of*) в

позиции подлежащего. Поскольку словари содержат лишь одну дефиницию для слова *breathing* (процесс, осуществляемый с помощью легких), данная персонификация была классифицирована как авторская (см. также пример 3). Вероятно, данная персонификация основана на архетипичном восприятии природы как живого организма, которое получило в английском языке выражение в виде узуальных персонификаций с актуализацией категории гендера *Mother Nature* и *Mother Earth* [301].

Существительное, выступающее средством персонификации объектов неживой природы и растений, может быть отмечено семой гендера:

6. <...> *Lady Oak* – a young, handsome oak much of an age with Francis Fairfax <...> [365]

Lady: [O3] a polite or formal way of referring to a woman [301].

В данном примере актуализацию сем одушевленности и женского гендера в значении существительного *Oak* вызывает употребление существительного *Lady* в функции приложения. Отсутствие в словарях переносных значений этого слова, сигнализирующих о возможности его использования в сочетании с неодушевленными существительными, позволяет отнести данную персонификацию к разряду авторских. Возможно, она основана на встречающихся в узусе отсылках к деревьям с помощью местоимений женского гендера, которые были отмечены в главе 1.

Другие части речи реже выступают в качестве средств персонификации. В проанализированном материале на долю прилагательных приходится 20 примеров (6% из примеров персонификации объектов неживой природы и растений). Один из них представлен ниже:

7. A swathe of blue *angry light* was cut into the storm <...> [371]

Angry: (O3) feeling or showing strong annoyance, displeasure, or hostility; full of anger; (B3) (of the sea or sky) stormy, turbulent, or threatening [301].

Сема одушевленности актуализуется в значении существительного *light* за счет употребления прилагательного *angry* в функции определения. Поскольку данное прилагательное используется для описания признаков

погодных явлений, персонификация в примере была классифицирована как узуальная. Основанием концептуализации явления природы в образе живого существа является ее опасность для человека (см. также примеры 1 и 4).

Маркированные категорией гендера местоимения как средство персонификации объектов неживой природы и растений выступают преимущественно в совокупности с другими единицами контекста, обеспечивающими актуализацию семы одушевленности:

8. *“You must be careful,” Kuttappen said. “This river of ours — she isn’t always what she pretends to be.”* [423]

Pretend: (O3) if you pretend that something is the case, you act in a way that is intended to make people believe that it is the case, although in fact it is not [295].

Актуализацию сем одушевленности и женского гендера в существительном *river* вызывает употребление местоимения *she* в позиции подлежащего. Кроме того, глагол *pretend*, употребленный в личной форме, усиливает актуализацию семы одушевленности, что позволяет отнести данную персонификацию к разряду авторских. Как и в случае с примерами 1, 4, 7, основанием персонифицированной концептуализации является имплицитруемая опасность.

Маркированные категорией гендера местоимения могут входить в совокупность средств персонификации, выходящих за рамки лексических:

9. *We have thousands of things to do every morning, like give Plant a cup of water in Sink for no spilling, then put her back on her saucer on Dresser.* [388]

В данном примере сема одушевленности актуализуется в значении существительного *Plant* посредством употребления говорящим личного местоимения 3-го лица *her* в форме объектного падежа и притяжательного местоимения 3-го лица *her*. О восприятии денотата в качестве живого существа также сигнализируют грамматическая особенность (отсутствие артикля перед исчисляемым существительным в единственном числе), орфографическая особенность (написание существительного *Plant* с прописной буквы) и синтаксическое средство (употребление

существительного *Plant* в функции косвенного дополнения в позиции между глаголом и прямым дополнением). Все эти признаки в совокупности позволяют классифицировать данную персонификацию как авторскую. Для рассказчика, чей голос представлен в примере 9, характерно персонифицированное восприятие окружающей его обстановки, когнитивные основания которого описываются далее в комментарии к примерам 17 и 18.

Гендерные местоимения могут выступать в качестве единичного средства персонификации, что иллюстрирует следующий пример:

10. *New finds up the beach — she's ripe with it.* [382]

She: (B3) (Australian, New Zealand) it (used to refer to something not usually regarded as female) [301].

Как отмечено в главе 1, употребление гендерных местоимений характеризуется рядом диалектных особенностей. Действие романа, послужившего источником данного примера, происходит в Новой Зеландии, в диалекте которой возможна замена традиционного местоимения *it* на местоимение *she* для указания на неодушевленный предмет. Это позволяет трактовать данную персонификацию как узуальную. Когнитивные основания персонификаций, специфичных для определенных диалектов, являются дискуссионным вопросом.

Среди местоимений в качестве средства персонификации также выступает относительное местоимение *who*, вводящее определительное придаточное предложение:

11. *I studied the blinding, white-snow sky who stood at the window of the moving train.* [436]

Who: (relative pronoun) used to introduce a clause giving further information about a person or people previously mentioned [301].

Согласно нормам английского языка, сочетаемость относительного местоимения *who* ограничена одушевленными существительными, хотя, как указано в главе 1, отмечается сочетаемость формы со значением притяжательности *whose* с неодушевленными существительными (напр., *they*

reached the row of houses whose gardens led onto the park [297]). Употребление относительного местоимения *who* применительно к неодушевленным сущностям является ярким средством грамматической стилистики. Оно представлено лишь в двух из проанализированных нами произведений (романах *Room* [388] и *The Book Thief* [436]). Возможно, персонифицированная концептуализация денотата в примере 11 вызвана его способностью воздействовать на говорящего, выраженной в определении *blinding*.

В отличие от персонификаций объектов неживой природы и растений, персонификации животных носят преимущественно авторский характер (56 примеров из 68). Наиболее распространенное контекстуальное средство персонификации – гендерное местоимение в сочетании с совокупностью единиц (54 примера из 68):

12. *When he was a child his mother had told him a story about it. <...> Mosquito, she had said, had asked Ear to marry him <...>* [361]

Ask: (O3) *say to (someone) that one wants them to do or give something* [301].

Marry: (O3) *when two people get married or marry, they legally become husband and wife in a special ceremony* [295].

Персонификация насекомого, обозначенного существительным *Mosquito*, происходит за счет употребления глагола *ask* в личной форме в составе сказуемого, глагола *marry* в составе сложного дополнения, а также местоимения мужского гендера *him*. Кроме того, данная персонификация сопряжена с персонификацией объекта, обозначаемого существительным *Ear*. В данном примере представлено авторское «оживление» объектов, характерное для жанра сказки. Однако употребление гендерных местоимений для указания на животных может также носить узуальный характер:

13. *A squirrel ran up into the branches of a tree. His tail was missing. I wondered what had happened to his tail. I guess he lost it someplace.* [376]

В романе *In Watermelon Sugar* Ричарда Бротигана белка не выступает в качестве действующего лица и не наделяется речью. Возможно,

употребление гендерного местоимения в данном случае носит эмоциональный характер, т.е. оно вызвано сочувствием к животному.

Результаты анализа двух групп примеров персонификации в рамках КС «Окружающий мир» представлены в таблицах 1-4 и приложении Б.

Таблица 1. Распределение примеров персонификации объектов неживой природы и растений по видам

Вид персонификации	Количество примеров
Узуальная персонификация	159
Авторская персонификация	174
Σ	333

Таблица 2. Распределение примеров персонификации животных по видам

Вид персонификации	Количество примеров
Узуальная персонификация	12
Авторская персонификация	56
Σ	68

Таблица 3. Распределение примеров персонификации объектов неживой природы и растений по средствам

Средство персонификации	Количество примеров
Глагол	152
Совокупность единиц	76
Существительное, включая нейтральное гендерное	61 56 5
Местоимение, включая гендерное единичное гендерное с совокупностью единиц нейтральное	24 7 15 2
Прилагательное	20
Σ	333

Таблица 4. Распределение примеров персонификации животных по средствам

Средство персонификации	Количество примеров
Единичное гендерное местоимение	14
Гендерное местоимение в сочетании с совокупностью единиц	54
Σ	68

3.2. Персонафикация артефактов

КС «Артефакты» включает в себя объекты искусственного происхождения. На ее долю приходится 325 примеров проанализированной выборки (30,5% от общего количества). Узуальные и авторские персонафикации артефактов представлены в примерно равных долях (46,2% и 53,8% соответственно), однако наблюдается небольшой перевес в сторону авторских персонафикаций. Актуализация семы одушевленности в значении существительных, обозначающих артефакты, чаще всего происходит посредством глаголов (153 примеров из 325; 47,1%). Далее представлен пример с глаголом в личной форме:

14. *He slid a piece of paper under the door. It said: LIFE IS BUTIFUL.*
[408]

Say: (O3) utter words so as to convey information, an opinion, a feeling or intention, or an instruction; (B3) (of a text or a symbolic representation) convey specified information or instructions [301].

В данном примере сема одушевленности актуализуется в именной группе *a piece of paper* за счет употребления синкретичного глагола *say* в личной форме. Здесь представлено распространенное в английском языке сочетание существительных, обозначающих источники информации, с глаголами речи (напр., *the next section discusses in greater detail the accepted history of internal audit [297]*), что позволяет охарактеризовать данную персонафикацию как узуальную. Подобное сочетание представлено в следующем примере, персонафикация в котором осуществляется посредством глагола в неличной форме:

15. *In shops, they used to display posters exhorting people how to behave: CUSTOMER AND CLERK, BE MUTUALLY POLITE.* [369]

Exhort: (O3) if you exhort someone to do something, you try hard to persuade or encourage them to do it [295].

Актуализация семы одушевленности в значении существительного *posters* происходит посредством глагола *exhort* в форме причастия. Хотя в

словарях не зафиксировано второстепенное значение данного глагола, указывающее на его способность сочетаться с неодушевленными существительными, данная персонификация классифицируется как узуальная по аналогии с представленным выше примером 14.

Вторым по частоте встречаемости средством персонификации элементов КС «Артефакты» является совокупность контекстуальных единиц (62 примера из 325; 19,1%):

16. <...> *it's no good pretending that any relationship has a future if your record collections disagree violently, or if your favorite films wouldn't even speak to each other if they met at a party.* [405]

Disagree: (O3) *have or express a different opinion* [301].

Violently: (O3) *using physical force intended to hurt, damage, or kill someone or something* [301].

Speak: (O3) *have a conversation* [301].

Meet: (O3) *arrange or happen to come into the presence or company of someone* [301].

Party: (O3) *a social gathering of invited guests, typically involving eating, drinking, and entertainment* [301].

Сема одушевленности актуализуется в составе именных групп *record collections* и *favorite films* посредством глаголов *disagree*, *speak*, *meet* в личных формах, наречия *violently* и существительного *party*, в совокупности формирующих авторский образ музыкальных записей и фильмов в виде живых существ. Согласно сюжету романа, послужившего источником рассматриваемого примера, данные объекты являются центральными в жизни главного героя.

В рамках КС «Артефакты» третьим по частоте встречаемости средством персонификации являются различные виды местоимений (49 единиц из 325; 15,1%), среди которых преобладают гендерные местоимения (34 примера, а также 12 примеров, содержащих другие единицы контекста). Это вызвано тем, что одно из художественных произведений, которое было использовано в качестве источника материала для исследования (роман Эммы Донохью *Room* [388]), содержит значительное количество авторских

персонификаций, основанных на употреблении гендерных местоимений и являющихся сквозным стилистическим приемом. Роман открывает перед читателем особую картину мира, выраженную в языке рассказчика – пятилетнего мальчика, который всю свою жизнь провел в стенах одной комнаты. Очевидно, что предметы, находящиеся в комнате, представляются мальчику живыми существами, поскольку для указания на них он пользуется гендерными местоимениями *he* и *she*. Кроме того, для наименований данных предметов используется написание с прописной буквы, что подчеркивает отношение рассказчика к предметам как к одушевленным сущностям. Анализ отобранных из романа *Room* примеров гендерной персонификации показал, что предметы делятся по гендерному признаку на основании их активности или пассивности [160]. Как было отмечено в главе 1, на данной бинарной оппозиции основана символическо-семантическая теория возникновения категории рода в языке. Ниже представлены два примера персонификации артефактов в романе:

17. *I look down at Rug with her red and brown and black all zigging around each other.* [388]

18. *Ma leans out of Bed to switch on Lamp, he makes everything light up whoosh.* [388]

Предмет, обозначенный существительным *Rug*, является пассивным и неподвижным. Предмет, обозначенный существительным *Lamp*, является активным и способен изменять окружающую обстановку, о чем сигнализирует употребление глагола *make* в личной форме.

Использование гендерных местоимений для указания на артефакты не всегда является индикатором «оживления» предметов, как это демонстрирует следующий пример:

19. *“What the hell’s the matter with you?” the foreman shouted at him. “Every time we shut down the line, we lose money. If it happens again, you’re out. Understand?”*

“Yes, sir.”

“*Okay! Let her go!*” [389]

Как отмечено в главе 1, для английского языка характерно употребление местоимения *she* для обозначения ряда неодушевленных существностей. Вероятно, в данном примере конвейер – орудие труда, у которого работники проводят много часов, – становится объектом, важным для говорящего, в результате чего он использует гендерное местоимение вместо нейтрального местоимения *it*. Примеры подобного рода относятся к разряду узуальных.

Персонификация артефактов также производится посредством относительного местоимения *who*:

20. *She always wears Backpack who's more inside than out* <...> [388]

Относительное местоимение *who*, сочетающееся в норме английского языка только с одушевленными существительными, актуализует сему одушевленности в значении существительного *Backpack*. Дополнительными маркерами персонифицированной концептуализации денотата являются написание существительного с прописной буквы и отсутствие артикля в препозиции к данному существительному.

Четвертое по частоте встречаемости средство персонификации артефактов – это существительные (44 примера из 325; 13,5%):

21. <...> *the soft deep breathing of the milk pump*. [422]

Breathing: (O3) *the process of taking air into and expelling it from the lungs* [301].

Актуализация семы одушевленности в именной группе *milk pump* происходит посредством существительного *breathing*. Данная персонификация классифицируется как авторская (см. пример 5). Очевидно, ее когнитивным основанием является упомянутая ранее способность индуцировать или производить звуки.

В качестве средств персонификации артефактов реже всего выступают прилагательные (17 примеров из 325; 5,5%). Один из подобных примеров представлен ниже:

22. *And at first no doubt just a few brave houses built on the marsh and acres of blown sand <...>. [371]*

Brave: (O3) *ready to face and endure danger or pain; showing courage*; (B3) *(literary) fine or splendid in appearance* [301].

Прилагательное *brave*, выступающее в данном примере в функции препозитивного определения, обеспечивает актуализацию семы одушевленности в значении существительного *houses*. Хотя данное прилагательное является синкретичным и используется в художественных произведениях в переносном смысле для обозначения выделяющихся своим внешним видом объектов, данный пример был отнесен к разряду авторских, поскольку персонификация является развернутой. Имплицируемое присутствие опасности отражено далее в тексте во фразе *At first, a few houses risked on that uncertain ground <...>*.

Количественные результаты анализа примеров персонификации артефактов представлены в таблицах 5 и 6 (см. также приложение Б):

Таблица 5. Распределение примеров персонификации артефактов по видам

Вид персонификации	Количество примеров
Узуальная персонификация	150
Авторская персонификация	175
Σ	325

Таблица 6. Распределение примеров персонификации артефактов по средствам

Средство персонификации	Количество примеров
Глагол	153
Совокупность единиц	62
Местоимение, включая гендерное единичное	49 34
гендерное с совокупностью единиц нейтральное	12 3
Существительное, включая нейтральное	44 43
гендерное с совокупностью единиц	1
Прилагательное	17
Σ	325

3.3. Персонификация элементов антропосферы

КС «Антропосфера» отличается неоднородностью и включает в себя явления и сущности, которые имеют неразрывную связь с человеком. К ним относятся части тела, органы и ткани человека, а также образования на них, чувства, ощущения, эмоции, проявления умственной деятельности (мысли, представления и т. д.), продукты вербальной деятельности (слова, тексты, книги и т. д.), абстрактные сущности, являющиеся порождением человеческого сознания. На долю данной группы приходится 256 примеров проанализированной выборки (24% от общего количества).

Узуальные и авторские персонификации элементов антропосферы представлены в примерно равных долях (48,4% и 51,6% примеров соответственно). Как и в случае с КС «Окружающий мир» и «Артефакты», центральное место в структуре средств персонификации занимает глагол (141 пример из 256; 55,1%). Один из примеров глагольной персонификации элемента антропосферы представлен ниже:

23. *Pain colonizes her <...>* [383]

Colonize: (O3) if people colonize a foreign country, they go to live there and take control of it [295].

Актуализация семы одушевленности в значении существительного *pain* производится посредством глагола *colonize*, сочетаемость которого ограничена сферой одушевленных существ. Данная персонификация классифицируется как авторская.

Элементы антропосферы также персонифицируются посредством глаголов в неличной форме:

24. *Along the street she went with the blood still singing in her body <...>* [364]

Sing: (O3) make musical sounds with the voice, especially words with a set tune; (B3) make a high-pitched whistling or buzzing sound [301].

Сема одушевленности актуализуется в значении существительного *blood* за счет употребления в составе предложения причастной формы

глагола *sing*, являющегося синкретичным. Корпусный анализ показывает, что данный глагол в переносном значении употребляется не только для описания издаваемых неодушевленными предметами звуков, но также и для обозначения физического и психического состояния человека (напр., *he tried to clamp his breathing, tried to keep the blood from singing in his ears; Bailey nodded, his blood still singing with adrenaline and endorphins* [305]), что позволяет классифицировать представленную в примере 24 персонификацию как узуальную.

В рамках КС «Антропосфера» аккумуляция единиц контекста, способствующих актуализации семы одушевленности, является вторым по частоте встречаемости (50 единиц из 256; 19,5%) средством персонификации. Ниже представлен один из таких примеров:

25. *As a child I listened to “Chattanooga Choo-Choo” when it was a brand-new song, an infant song. Now it is middle-aged and the song’s hair is starting to turn gray.* [379]

Infant: (O3) *a very young child or baby; (B3) (as modifier) denoting something in an early stage of its development* [301].

Middle-aged: (O3) *(of a person) aged about 45 to 65* [301].

Hair: (O3) *any of the fine thread-like strands growing from the skin of humans, mammals, and some other animals* [301].

Сема одушевленности актуализуется в значении существительного *song* посредством существительного *infant*, выступающего в функции определения, прилагательного *middle-aged*, входящего в составное именное сказуемое, и существительного *hair* в составе подлежащего. Данная персонификация классифицируется как авторская.

Третьим по частоте встречаемости средством персонификации элементов антропосферы является имя существительное (28 единиц из 256; 10,9%). В большинстве случаев (23 примера из 28) существительное не имеет гендерной маркировки:

26. *Age is a terrible thief.* [400]

Thief: (O3) *a person who steals another person's property, especially by stealth and without using force or threat of violence* [301].

Сема одушевленности актуализуется в значении существительного *age* посредством существительного *thief*, выступающего элементом составного именного сказуемого. Наличие у существительного *thief* единственного толкования в словаре, подразумевающего сочетаемость с одушевленными существительными, позволяет отнести данную персонификацию к разряду авторских.

В следующем примере представлена персонификация посредством существительных, маркированных семой гендера и подкрепленных другими единицами контекста:

27. *If the year of our folly 1990 had started inauspiciously for me, then the Fates, Lady Luck, Lord Chance, God, Life, Evolution – whoever or whatever – immediately thereafter set about the business of proving that <...>* [367]

Lady Luck: (O3) *chance personified as a controlling power in human affairs* [301].

Lord: (O3) *a man of noble rank or high office; a nobleman* [301].

Whoever: (O3) *the person or people who; any person who* [301].

Set about: (O3) *start doing something with vigour or determination* [301].

В то время как словосочетание *Lady Luck* зафиксировано в словарях, словосочетание *Lord Chance* является окказионализмом и, вероятно, является авторским развитием зафиксированной в английском языке концептуализации удачи в образе женщины. Обе персонификации усиливаются другими единицами контекста – местоимением *whoever* и группой сказуемого, содержащей в своем составе фразовый глагол *set about* – и в совокупности составляют единый авторский образ.

Элементы антропосферы также персонифицируются посредством прилагательных (18 примеров из 256; 7%):

28. *He untied the laces of his boots with stiff and unhappy fingers.* [390]

Unhappy: (O3) *if you are unhappy, you are sad and depressed* [295].

Сема одушевленности актуализуется в значении существительного *fingers* за счет употребления в препозиции к нему прилагательного *unhappy*.

Хотя словарная дефиниция не сигнализирует о наличии у данного прилагательного сочетаемости с неодушевленными существительными, словосочетание *unhappy fingers* может трактоваться как построенное на основе интенционального семантического сдвига по схеме «признак лица – признак предмета», носящего узуальный характер.

Персонификация элементов антропосферы также производится за счет местоимений (17 единиц из 256; 6,6%):

29. *“Is it Bad Tooth?” I ask. He’s on the top near the back of her mouth, he’s the worst.* [388]

Bad Tooth в данном примере – предмет, способный причинить боль. Возможно, употребление местоимения мужского гендера *he* вызвано актуализацией исторического значения, а именно указания на не просто активный (см. пример 18), но и опасный объект. Персонификация относится к разряду авторских.

В проанализированной выборке также представлен пример актуализации категории одушевленности посредством употребления нейтрального с точки зрения категории гендера относительного местоимения *who*:

30. *She was holding desperately on to the words who had saved her life.* [436]

Как было отмечено в комментарии к примеру 11, подобные словосочетания являются средством грамматической стилистики, которое используется достаточно редко. Возможно, персонификация вызвана восприятием денотата как феномена, оказавшего влияние на героиню романа.

В отличие от рассмотренной ранее КС «Окружающий мир», персонификация элементов антропосферы осуществляется также с помощью наречий:

31. *The red corded vein in Jake's forehead swelled angrily.* [413]

Angrily: (O3) *in a manner resulting from or betraying anger* [301].

Данный пример отмечен интенциональным сдвигом по принципу «признак лица → признак предмета/действия». Как было отмечено в главе 1, образования такого типа носят узуальный характер.

В результате анализа примеров персонификации элементов антропосферы были получены следующие результаты (таблицы 7 и 8, а также приложение Б):

Таблица 7. Распределение примеров персонификации элементов антропосферы по видам

Вид персонификации	Количество примеров
Узуальная персонификация	124
Авторская персонификация	132
Σ	256

Таблица 8. Распределение примеров персонификации элементов антропосферы по средствам

Средство персонификации	Количество примеров
Глагол	141
Совокупность единиц	50
Существительное, включая	28
нейтральное	23
гендерное	2
гендерное с совокупностью единиц	3
Прилагательное	18
Местоимение, включая	17
гендерное единичное	2
гендерное с совокупностью единиц	14
нейтральное с совокупностью единиц	1
Наречие	2
Σ	256

3.4. Персонификация пространства

КС «Пространство» включает в себя локативы. Данная группа является малочисленной (43 примера; 4% выборки) в силу семантической однородности. В ней преобладают узуальные персонификации (30 примеров из 43; 69,8%).

Как и во всех остальных КС, актуализация семы одушевленности в значении существительных локативной семантики в большинстве случаев

производится посредством глаголов, однако доля данной группы в структуре средств персонификации является не такой большой (17 примеров из 43; 39,5%), как в других КС. Ниже приведены два примера узуальных персонификаций с употреблением синкретичных глаголов:

32. *Outside it was right as rain and raining the sort of mist that San Francisco offers, and London.* [401]

Offer: (O3) *present or proffer (something) for (someone) to accept or reject as desired; (B3) provide (access or an opportunity)* [301].

Глагол *offer* в ходе семантического развития приобрел сочетаемость как с одушевленными, так и неодушевленными существительными, и приблизился в своем переносном значении к глаголам *provide* и *have*.

33. *Rome <...> insisted on three well-attested miracles.* [384]

Insist: (O3) *demand something forcefully, not accepting refusal* [301].

Как было отмечено в главе 1, данный пример является спорным в плане возможности классифицировать его однозначно. Согласно одной из теорий, его можно охарактеризовать как локальную метонимию, построенную на отношении «город – человек». Однако исследователи также относят схожие образования и к проявлениям метафоры, и к проявлениям персонификации. В рамках данного исследования учет подобных примеров проводился наравне с примерами узуальных персонификаций.

Второе место по частоте встречаемости среди средств персонификации пространства занимают существительные, а также совокупности контекстуальных единиц (по 7 примеров из 43 на каждую группу; 16,3%). Существительные могут иметь гендерную маркировку:

34. *“This is a city of water,” said Mr. Garner. “Everything travels by water and what the rivers can't carry the canals take. A queen of a city, Jenny.”* [416]

Queen: (B3) *a woman or thing regarded as the finest or most outstanding in a particular sphere or group* [301].

В данном примере представлено авторское развитие зафиксированной в научной литературе [201, с. 318] концептуализации городов в образе

женщины, находящей выражение посредством референции с помощью местоимения *she*.

35. *Their Italian hill town, sentinel to the northwest route, had been besieged for more than a month <...> [419]*

Sentinel: (O3) *a soldier or guard whose job is to stand and keep watch* [301]; (B3) *something that appears to be standing guard or keeping watch* [299].

Прототипически существительным *sentinel* обозначаются представители мужского пола, однако в данном примере оно имеет переносное значение, в котором имплицитная сема гендера является нейтрализованной. Персонификация классифицируется как узуальная.

Примеры с аккумуляцией единиц образуют авторские персонификации, что иллюстрирует представленный ниже пример:

36. *He's taken down all the brass gewgaws on the landing and stairs. And the horrible viridian-orange-magenta paintings of Majorcan fishing-villages. The poor place sighs with relief. [393]*

Poor: (B3) [attrib.] (of a person) *deserving of pity or sympathy* [301].

Sigh: (O3) *emit a long, deep audible breath expressing sadness, relief, tiredness, or similar*; (B3) (of the wind or something through which the wind blows) *make a sound resembling this* [301].

Relief: (O3) *a feeling of reassurance and relaxation following release from anxiety or distress* [301].

Сема одушевленности актуализуется в значении существительного *place* за счет употребления синкретичного глагола *sigh* в функции подлежащего и существительного *relief* в функции обстоятельства. Кроме того, в качестве средства персонификации выступает прилагательное *poor* в функции препозитивного определения.

Третье место среди средств персонификации единиц КС «Пространство» занимают прилагательные и гендерные местоимения (по 6 примеров из 43 на каждую группу; 14%). Примеры употребления прилагательных в качестве средств персонификации содержат проявления

метонимии, основанной на отношении «место – человек», которые при классификации были отнесены к группе узуальных:

37. *The planet beneath them was almost perfectly oblivious of their presence.* [362]

Oblivious: (O3) *not aware of or concerned about what is happening around one* [295].

Персонификации локативов, реализованные посредством единичных гендерных местоимений, относятся к группе узуальных, поскольку в англоязычной культуре зафиксирована концептуализация городов и стран в образе женщин:

38. *Cairo and all her deserts around us.* [419]

Распределение примеров, относящихся к КС «Пространство», выглядит следующим образом (таблицы 9 и 10; см. также приложение Б):

Таблица 9. Распределение примеров персонификации пространства по видам

Вид персонификации	Количество примеров
Узуальная персонификация	30
Авторская персонификация	13
Σ	43

Таблица 10. Распределение примеров персонификации пространства по средствам

Средство персонификации	Количество примеров
Глагол	17
Существительное, включая нейтральное	7
гендерное	6
Совокупность единиц	1
Прилагательное	7
Гендерное местоимение	6
Σ	6
	43

3.5. Персонификация времени

КС «Время» включает в себя темпоративы. Данная группа примеров имеет малый объем (42 примера из 1067; 3,9%), что, как и в случае с

локативами, обусловлено ее однородностью. Наиболее распространенным средством персонификации времени является глагол (21 пример из 42; 50%):

39. *They say time finds you out, don't they?* [370]

Find out: (O3) *if you find someone out, you discover that they have been doing something dishonest* [295].

Согласно словарной дефиниции, сфера сочетаемости глагола *find out* ограничена одушевленными существительными. Это позволяет классифицировать персонификацию как авторскую.

Актуализация семы одушевленности в значении существительных темпоративной семантики также осуществляется посредством совокупностей единиц контекста (10 примеров из 42; 23,8%):

40. *There was no real winter in Euphoria — autumn joined hands with spring and summer, and together they danced a threehanded jig all year long, to the merry confusion of the vegetable world.* [409]

Join: (O3) *if one person or vehicle joins another, they move or go to the same place, for example so that both of them can do something together* [295].

Hand: (O3) *the end part of a person's arm beyond the wrist, including the palm, fingers, and thumb;* (B3) *something resembling a hand in form* [301].

Dance: (O3) *move rhythmically to music, typically following a set sequence of steps;* (B3) *move up and down lightly and quickly in the air* [301].

Threehanded: (O3) *having, using, or requiring three people* [301].

Jig: (O3) *a lively dance with leaping movements* [301].

Хотя существительное *hand*, глагол *dance* и глагол *join* являются синкретичными, в сочетании с прилагательным *threehanded* и существительным *jig* они образуют контекст для реализации авторского осмысления времен года в образе живых существ. Кроме того, в данном примере представлена персонификация природы, которая вызвана семантическим рассогласованием между группой существительных *vegetable world* и словосочетанием *merry confusion*, подразумевающим наличие одушевленного субъекта.

Следующими по распространенности средствами персонификации единиц КС «Время» являются существительные и прилагательные (по 4 примера из 42 на группу; 9,5%):

41. *What the old man still had was an umbilical cord to the past.* [394]

Umbilical cord: (O3) *a cord arising from the navel that connects the fetus with the placenta and through which respiratory gases, nutrients, and wastes pass*; (П3) *a necessary, supportive, or nurturing link or connection* [MW].

Сема одушевленности актуализуется в значении существительного *past* посредством составного существительного *umbilical cord*, являющегося, согласно словарным дефинициям, синкретичным, что позволяет классифицировать данную персонификацию как узуальную.

42. *Come along, don't dally, get dressed. The night is young.* [386]

Young: (O3) *a young person, animal, or plant has not lived or existed for very long and is not yet mature* [295].

Прилагательное *young* употребляется преимущественно в качестве характеристики живых существ или растений, однако оно также способно сочетаться с наименованиями объектов, относящихся к антропосфере (напр., *a young company, a young business* [297]). При обращении к лингвистическим корпусам можно увидеть, что в узусе также встречаются его сочетания с существительным *night*, т.е. в переносном значении оно сближается с прилагательным *early*. Это позволяет отнести пример 42 к разряду узуальных персонификаций.

Персонификация времени также осуществляется посредством местоимений (3 примера из 42; 7,1%):

43. *It was one of those moments of perfect tiredness, of having conquered not only the work at hand, but the night who had blocked the way.* [436]

Употребление приема грамматической стилистики позволило автору создать образ ночи в виде живого существа (см. также пр. 11, 30). Возможно, персонифицированная концептуализация денотата вызвана его способностью воздействовать на героя произведения, выраженной посредством глагола *block* в личной форме.

Время может персонифицироваться и при помощи гендерного местоимения *she*. Характерно, что следующие два примера были почерпнуты из произведений конца XIX века:

44. *They were both young, and they were talking of the time when they lived and loved together at Talbothays Dairy, that happy green tract of land where summer had been liberal in her gifts.* [402]

45. *But the Spring never came, nor the Summer. The Autumn gave golden fruit to every garden, but to the Giant's garden she gave none.* [433]

По-видимому, актуализация женского гендера в данных примерах связана с тем, что времена года влияют на природу, а она, как было отмечено в главе 1, исторически персонифицируется посредством местоимений женского гендера.

В результате анализа примеров, относящихся к КС «Время», были получены следующие результаты (таблицы 11 и 12; см. также приложение Б):

Таблица 11. Распределение примеров персонификации времени по видам

Вид персонификации	Количество примеров
Узуальная персонификация	13
Авторская персонификация	29
Σ	42

Таблица 12. Распределение примеров персонификации времени по средствам

Средство персонификации	Количество примеров
Глагол	21
Совокупность единиц	10
Существительное	4
Прилагательное	4
Местоимение, включая гендерное с совокупностью единиц	3 2
нейтральное	1
Σ	42

3.6. Персонафикация как элемент авторского стиля

Более половины проанализированных в ходе исследования примеров (590 примеров из 1067; 55,3%) приходится на двадцать из семидесяти шести источников, каждый из которых содержит двадцать и более примеров персонафикации, в то время как еще двадцать источников содержат меньше пяти примеров персонафикации каждый, т.е. для идиолекта некоторых авторов персонафикация является более характерной, что иллюстрируют данные, представленные в таблице 13:

Таблица 13. Распределение примеров персонафикации в художественных произведениях англоязычных авторов по видам и типам

Автор	УП+КО	АП+КО	УП+КГ	АП+КГ	Σ	% (от 1067)
Bierce	2	1	1	52	56	5,2
Zusak	19	35	0	0	54	5,1
Roy	10	28	1	5	44	4,1
Atkinson (<i>Human Croquet</i>)	14	21	0	1	36	3,4
Bradbury (<i>Fahrenheit 451</i>)	15	17	2	0	34	3,2
Donoghue	1	1	2	28	32	3,0
Wilde	1	3	2	23	29	2,7
Gibbons	6	13	5	3	27	2,5
Martel	12	13	1	0	26	2,4
Atkinson (<i>Life After Life</i>)	11	12	2	0	25	2,3
Banks (<i>Crow Road</i>)	10	12	1	2	25	2,3
Ferris	18	7	0	0	25	2,3
Verghese	7	16	2	0	25	2,3
Doctorow (<i>Ragtime</i>)	19	5	0	0	24	2,2
Murdoch	7	16	1	0	24	2,2
McCullers	22	1	0	0	23	2,2
Barry	7	10	3	1	21	2,0
Byatt	8	10	1	1	20	1,9
Morrison	7	8	3	2	20	1,9
Vonnegut (<i>Slaughterhouse-Five</i>)	11	7	2	0	20	1,9
Σ	207	236	29	118	590	55,3

Персонафикация с актуализацией категории одушевленности как стилистический прием достаточно широко по сравнению с остальными источниками примеров представлена в произведениях Маркуса Зусака (*The Book Thief*), Арундати Рой (*The God of Small Things*), Кейт Аткинсон (*Human Croquet*, *Life After Life*), Рэя Брэдбери (*Fahrenheit 451*), Абрахама Вергезе

(*Cutting for Stone*), Айрис Мердок (*Under the Net*). В произведениях Карсон МакКаллерс (*The Heart is a Lonely Hunter*), Джошуа Ферриса (*The Unnamed*), Эдгара Доктороу (*Ragtime*) персонификация носит преимущественно узуальный характер. Хотя первичная образность, формированию которой способствуют узуальные персонификации, менее связана с идиолектом автора и ослаблена по сравнению с вторичной образностью, она может выступать ее усилителем, что демонстрируют произведения Зусака, Рой, Аткинсон и Брэдбери, которые отмечены достаточно большим количеством не только авторских, но и узуальных персонификаций.

С точки зрения персонификации с актуализацией категории гендера в данном списке выделяются произведения Амброза Бирса (*Fantastic Fables*), Эммы Донохью (*Room*), Оскара Уайльда (*The Happy Prince and Other Stories*), Арундати Рой (*The God of Small Things*) и Стеллы Гиббонс (*Cold Comfort Farm*). Наличие большого количества гендерных персонификаций в произведениях Бирса и Уайльда объясняется особенностями жанров басни и сказки, для которых характерно «оживление» предметов окружающего мира и артефактов и «очеловечивание» животных. В романе Донохью представлена особая картина мира рассказчика, живущего в замкнутом пространстве и «оживляющего» предметы вокруг себя. Произведения Рой и Гиббонс содержат персонификацию с актуализацией категории гендера в виде отдельных элементов образности (напр., *the silence gathered its skirts and slid, like Spider Woman, up the slippery bathroom wall* [423]; *a terrible day, when Nature seemed to hold her breath* [397]).

Таким образом, наличие в англоязычной прозе узуальных и авторских персонификаций как с актуализацией, так и без актуализации категории гендера зависит от ряда факторов. К ним относятся особенности идиолекта автора, авторская интенция и жанровая принадлежность произведения.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3

1. Анализ примеров персонификации в англоязычной прозе подтвердил, что, как и в случае с метафорой, граница между узуальными и авторскими образованиями в некоторой степени размыта. В лексикографических источниках, использованных в работе, наблюдаются расхождения в трактовках словарных единиц относительно их сочетаемости с одушевленными и неодушевленными существительными, что является дополнительным свидетельством нечеткости и интерпретативности границ категории одушевленности.

2. Авторские персонификации встречаются в англоязычной прозе несколько чаще, чем узуальные (54,3% из всех проанализированных примеров), что объясняется образностью как основополагающей характеристикой художественных произведений. Персонификации с актуализацией категории гендера встречаются преимущественно в жанровых произведениях (сказках и баснях), а также во фрагментах текстов, характеризующихся поэтичностью или возвышенным стилем. Кроме того, они способны служить средством отображения особой картины мира, присущей герою повествования.

3. Наиболее часто объектами персонификации выступают элементы окружающего мира (37,6% примеров) и артефакты (30,5%). По концептосферам наблюдаются разные соотношения между узуальными и авторскими персонификациями. Так, например, в рамках концептосфер «Окружающий мир», «Антропосфера» и «Артефакты» на долю авторской персонификации приходится от 52% до 58% примеров, а в сфере времени – 69% примеров. Сфера пространства – единственная сфера, где преобладают примеры узуальной персонификации (69,8%), что вызвано наличием в проанализированной выборке примеров с локальной метонимией (метафтонимией).

4. В среднем по всем концептосферам наиболее распространенным способом актуализации семы одушевленности в значении неодушевленного существительного является его корреляция с глаголом, в семантическую структуру которого входит сема одушевленности (около 45% примеров). Очевидно, это связано с тем, что глагол в своем обобщенном грамматическом значении отображает действие, а деятельность и активность напрямую связаны с представлением об одушевленности. Глагольные персонификации носят преимущественно узуальный характер и сигнализируют о персонифицированном восприятии в англоязычной лингвокультуре неодушевленных денотатов, имеющих агентивные признаки (например, способность индуцировать звуки или способность представлять собой опасность). Вторым по частоте встречаемости средством актуализации категории одушевленности (около 19% примеров) является совокупность единиц контекста. Аккумуляция контекстуальных единиц, отмеченных семой одушевленности, способствует созданию авторских персонификаций. Третье место среди средств актуализации категории одушевленности занимают местоимения (около 16% примеров), при этом в большинстве случаев ими являются гендерные местоимения, использующиеся в сочетании с другими единицами контекста, что также способствует созданию авторских персонификаций. Относительно высокий удельный вес данной группы средств обусловлен тем, что в одном из произведений, использованных в качестве материала исследования, актуализация категории одушевленности посредством личных и относительных местоимений является сквозным стилистическим приемом, используемым для отображения особой картины мира повествователя. Четвертое по распространенности средство актуализации категории одушевленности при персонификации – это существительные (около 14% примеров), среди которых преобладают единицы без гендерной маркировки. Наименее распространенные средства персонификации – это прилагательные и наречия. На первую группу приходится около 6% всех примеров, а на вторую – только 0,2%.

5. Персонификация с актуализацией категории гендера – явление достаточно редкое. В проанализированной выборке гендер актуализуется лишь в 16% примеров. Основная масса из них приходится на произведения жанрового характера (сказки, басни), а также на роман, в котором персонификация с актуализацией категории гендера используется в качестве сквозного стилистического приема. Можно предположить, что при использовании в качестве источников материала большего количества жанровых произведений (фэнтези, сказок, научно-фантастических романов) будут получены другие результаты по частоте встречаемости различных видов и типов персонификации. Кроме того, между концептосферами наблюдаются различия по частоте актуализации категории гендера при персонификации. В сферах пространства и времени она носит единичный и преимущественно узуальный характер (гендеризация времен года и локативов). Вероятно, пространству и времени англоговорящие авторы редко приписывают пол в силу высокой степени абстракции данных категорий.

6. Помимо жанровой принадлежности произведения, авторская интенция и особенности авторского идиолекта являются основными факторами, влияющими на частоту встречаемости персонификации в англоязычной прозе. Некоторые авторы демонстрируют бóльшую склонность к внедрению в текст окказиональных персонификаций как отдельных элементов образности произведения в силу, очевидно, личных предпочтений.

ГЛАВА 4. АКТУАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИЙ ОДУШЕВЛЕННОСТИ И ГЕНДЕРА ПРИ ПЕРСОНИФИКАЦИИ: ПЕРЕВОДОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В данной главе рассматривается специфика персонификации в англоязычной прозе с точки зрения ее переводческого потенциала. Языковой материал анализируется путем сопоставления фрагментов оригинальных текстов и их официальных переводов с целью выявить тенденции в передаче персонификации при переводе на русский язык и факторы, лежащие в их основе. Примеры персонификации рассматриваются в рамках выделенных в главе 3 концептосфер с сохранением разделения персонификаций на узуальные и авторские. Персонификации с актуализацией категории гендера анализируются отдельно на предмет наличия гендерных конфликтов между оригинальными текстами и переводами.

При анализе переводов на русский язык персонификации классифицировались как узуальные или авторские на основании словарных дефиниций, представленных в ряде источников (Большой толковый словарь русского языка [283], словарь Ефремовой, [285], словарь Ожегова [290]), а также сведений, почерпнутых из Национального корпуса русского языка [303]. Сводные количественные данные анализа представлены в приложении В.

4.1. Персонификация без актуализации категории гендера в аспекте перевода

4.1.1. Передача персонификации элементов окружающего мира в переводе

Сохранение узуальной персонификации в переводе

В проанализированной выборке узуальные персонификации элементов КС «Окружающий мир» сохранены в 61,4% примеров. Это наиболее высокий

показатель среди всех КС, который обусловлен сходством между английской и русской ЯКМ в плане концептуализации объектов и явлений природы как носителей признаков живого существа. Так, например, в обоих языках зафиксирована персонифицированная концептуализация ветра:

46. *The wind sighed over his shelled ears.* [373]

В ушах, как в раковинах, вздыхал ветер. [313]

Sigh: (B3) (*of the wind or something through which the wind blows*) *make a sound resembling this* [301].

Переводчик употребил глагол *вздыхать*, который, как и английский глагол *sigh*, приобрел переносное значение, закрепившееся в узусе языка, и используется для обозначения звуков, образующихся в результате движения воздуха.

Оба языка также демонстрируют персонифицированную концептуализацию огня:

47. *The fire licked up the silk <...>* [428]

Пламя лизнуло шелк <...> [346]

Lick: (B3) (*of a flame, wave, or breeze*) *move lightly and quickly like a tongue* [301].

Как и глагол *lick*, русский глагол *лизать*, представленный в переводе, является синкретичным и сочетается с обозначениями огня и воды (напр., *огонь лижет стены* [290]; *волны лизут прибрежные камни* [283]).

Подобные примеры представлены в проанализированной выборке достаточно широко. Очевидно, это связано с универсальной установкой архетипического мышления на приписывание свойств человека и высших животных предметам и явлениям окружающего мира в попытках их понять (один из мотивационных факторов в трехфакторной теории антропоморфизма).

Посредством узуальных персонификаций в английском и русском языке отражается желание их носителей взаимодействовать с объектами окружающей среды, что демонстрируют примеры персонификации с помощью глагола *cooperate* и их переводы на русский язык. В словарях

отмечается сочетаемость данного глагола только с одушевленными существительными (*cooperate = work jointly towards the same end* [301]), однако мы полагаем, что можно говорить о расширении границ его сочетаемости и переходе в разряд синкретичных. Рассмотрим примеры 48–50:

48. *Anyway, I got through this tricky interval, and even the sea co-operated for once <...>* [368]

Как бы то ни было, все прошло удачно, и даже море в кои-то веки мне подыграло <...> [315]

Переводчик воспользовался глаголом *подыграть*, который, как указывают словари, сочетается прежде всего с одушевленными существительными. Однако в узусе присутствуют сочетания этого глагола с неодушевленными существительными (напр., *нам подыграла погода* [303]), поэтому мы относим его к разряду синкретичных. Похожая ситуация наблюдается в следующем примере:

49. *The Pacific is no place for rowers, especially <...> when the wind is not cooperating.* [412]

Не сказал бы, что гребцам в Тихом океане раздолье, тем более <...> если ветер ни в какую не желает им подсобить. [335]

Глагол *подсобить* также преимущественно сочетается с одушевленными существительными, однако, как и глагол *подыграть*, он способен выступать сказуемым при подлежащем, выраженном неодушевленным существительным (напр., *подсобила жара* [303]). Таким образом, в примерах 48 и 49 представлены глаголы с определенной степенью синкретизма и одновременным тяготением к одушевленному существительному. Следующий пример демонстрирует выбор переводчиком глагола, не имеющего маркированности по признаку одушевленности / неодушевленности:

50. *A scene like this, a ransom scene, calls for a nourish mood: shadows, sinister silhouettes. But the sky wasn't cooperating. We were having one of our pink nights.* [389]

Подобная декорация для сцены выкупа способствует созданию мрачного настроения — тени, зловеющие силуэты. Однако этому мешает небо, окрашенное в нежно-розовый цвет. [326]

Глагол *мешать* является синкретичным, но не обладает выраженной избирательностью по отношению к одушевленным или неодушевленным существительным. В подобных случаях можно говорить о некотором ослаблении узуальной персонификации.

Усиление узуальной персонификации в переводе

Усиление узуальных персонификаций элементов окружающего мира наблюдается редко (3,3% примеров). Причины данного явления представляют собой дискуссионный вопрос, что демонстрируют примеры 51 и 52:

51. *Air breathed up her pajama sleeves.* [436]

Сквозняк сопел в рукава пижамы. [327]

Breathe: (O3) *take air into the lungs and then expel it, especially as a regular physiological process* (B3) *(of wind) blow softly* [301].

Для русского глагола *сопеть* характерна сочетаемость преимущественно с одушевленными существительными, в результате чего перевод обладает более высокой степенью экспрессивности по сравнению с оригиналом. Возможно, усиление персонификации в переводе вызвано «считыванием» переводчиком основного значения слова вместо второстепенного, которое актуализовано в авторском тексте, использованием стратегии компенсации, а также тем, что персонификация является стилистическим приемом, характерным для произведения, из которого был почерпнут данный пример.

В некоторых случаях усиление узуальной персонификации может интерпретироваться как следствие переводческой вольности:

52. <...> *she <...> slammed the door shut; dust duly danced.* [367]

Она захлопнула дверь, и новая орда пылинок устроила себе дискотеку.
[314]

Dance: (B3) move up and down lightly and quickly in the air [301].

У представленного в оригинале глагола *dance* есть переводные эквиваленты *танцевать* и *плясать*, которые схожим образом приобрели переносные значения, подразумевающие выполнение действия неодушевленным субъектом (напр., *стрелки приборов начинают плясать* [303]), однако переводчик воспользовался образным словосочетанием *устроить дискотеку*, а также употребил добавление *орда*, что привело к усилению персонификации. Также можно предположить, что усиление персонификации в переводе вызвано попыткой компенсировать присутствующую в авторском тексте стилистическую фигуру (аллитерацию).

Нейтрализация узуальной персонификации в переводе

Доля примеров с нейтрализацией узуальной персонификации в рамках КС «Окружающий мир» составляет 35,3%. В то время как сохранение узуальных персонификаций при переводе наблюдается в тех случаях, когда две ЯКМ демонстрируют схожую концептуализацию элементов окружающего мира в терминах живых существ, нейтрализация узуальных персонификаций происходит вследствие системных различий между двумя языками, а именно наличия в английском языке синкретичных глаголов широкой семантики и характерной для него высокой степени полисемии [89], что демонстрируют примеры 53, 54 и 55:

53. *The sky held a few small clouds <...>* [368]

Одинокие облачка висели на голубом-голубом небосводе <...> [315]

Hold: (B3) contain or be capable of containing (a specified amount) [301].

Вероятно, переводчик интерпретировал существительное *sky* в связке с глаголом *hold* как локатив, в результате чего была использована конверсная трансформация, повлекшая за собой нейтрализацию семы одушевленности.

54. *Denver fed the fire.* [416]

Денвер подбросила дров в печь. [338]

Feed: (B3) put fuel on (a fire) [301].

В оригинале огонь выступает объектом узуальной персонификации (см. также пример 47), которая теряется в переводе. Данный пример показывает, что хотя и в английской, и в русской ЯКМ присутствует концептуализация огня как живого существа, она имеет различные варианты отображения в языке.

55. *The sky was black and spitting rain on my smiling face.* [412]

Временами небо делалось черным-черным – и проливалось дождем на мою улыбку. [335]

Spit: (B3) (British) light rain falls [301].

Глагол *spit* имеет больше переносных значений, чем его межъязыковой эквивалент *плевать*, и способен описывать погодные условия. В глаголе *проливаться*, использованном в качестве замены, сема одушевленности отсутствует. Кроме того, глаголы, представленные в оригинале и переводе, обозначают разные по степени интенсивности действия.

Персонификация также может нейтрализоваться в тех случаях, когда в принимающей лингвокультуре отсутствует схожий образ:

56. *<...> she had lived with piles of books on her floor, toys underfoot, and a large family of dust mice.* [406]

<...> она просто не замечала валяющихся под ногами книг, разбросанных по полу игрушек, кловьев пыли под диванами. [359]

Dust mouse / dust bunny: (O3) (informal North American) a ball of dust and fluff [301].

В оригинале автор обыгрывает разговорное словосочетание *dust mouse* и усиливает его образность посредством существительного *family*. Существительное *кловья* не способно выступать средством персонификации, поскольку в его семантическую структуру не входит сема одушевленности. Вследствие нейтрализации персонификации перевод утрачивает элемент комизма, который реализуется в исходном предложении посредством игры слов.

Сохранение авторской персонификации в переводе

В подавляющем большинстве случаев (85,6% примеров) при наличии в тексте авторских персонификаций элементов окружающего мира наблюдается их сохранение при переводе. Очевидно, это связано с когнитивной установкой переводчиков на максимально точную передачу авторского стиля.

Сохранению авторской персонификации при переводе способствует ее тесная связь с узуальными персонификациями. При описании примеров сохранения узуальной персонификации было отмечено, что английская и русская лингвокультуры демонстрируют сходство восприятия элементов окружающего мира в образе живых существ, а языки содержат схожие средства выражения данного восприятия. Оно может получать развитие и проявляться в окказиональных образах:

57. *The orange flames waved at the crowd as paper and print dissolved inside them.* [436]

Рыжее пламя приветливо махало толпе, а в нем растворялись бумага и буквы. [327]

Wave: (O3) if you wave or wave your hand, you move your hand from side to side in the air, usually in order to say hello or goodbye to someone [295].

В английском и русском языках существуют стертые персонификации, демонстрирующие сопоставление огня с животным (*tongues of fire, the fire roared through the building, языки пламени, рев пламени*), однако автор рисует в тексте нестандартный образ: огонь уподобляется человеку, машущему руками. Данный образ вместе с актуализацией категории одушевленности был передан при переводе за счет глагола *махать*. Также необходимо отметить добавление переводчиком наречия *приветливо* в функции обстоятельства образа действия.

Следующий фактор, способствующий сохранению авторской персонификации, – высокая степень парадоксальности образа. Рассмотрим примеры 58 и 59:

58. <...> *by the time he had been spat out by the woods on the other side, it was still dark.* [435]

<...> *когда лес наконец выплюнул его с другой стороны, было по-прежнему темно* <...> [360]

Синкретичный глагол *spit*, рассмотренный ранее при анализе примера 55, в переносных значениях употребляется для описания выпадения мелкого дождя, а также способен сочетаться с обозначениями продуктов питания (напр., *the fire where pork chops were sizzling and spitting* [295]), огня (напр., *the bonfire crackled and spat* [297]) и механизмов (напр., *the engine spat and banged* [295]). Использование этого глагола в сочетании с существительным *woods* формирует авторский образ, сохраняемый в русском тексте с помощью переводного эквивалента *выплюнуть*, который преимущественно выступает в качестве сказуемого при подлежащем, выраженном обозначением живого существа или механизма.

59. <...> *and the snow was shivering outside.* [436]

<...> *и на улице ежился от холода снег.* [327]

Shiver: (O3) *when you shiver, your body shakes slightly because you are cold or frightened* [295].

Глагол *shiver* обозначает действие, которое способны производить лишь живые существа. Актуализация с его помощью семы одушевленности в значении существительного *snow* позволила создать яркий, в некотором смысле парадоксальный образ, который сохранен в тексте перевода.

Высокий переводческий потенциал имеют сквозные (пример 60) и развернутые (пример 61) авторские персонификации:

60. *That was the kind of tree it was. It liked poor people.* [424]

Такой уж характер у этого дерева. Оно любит бедных людей. [344]

Like: (O3) *if you like something or someone, you think they are interesting, enjoyable, or attractive* [295].

В романе *A Tree Grows in Brooklyn*, из которого был почерпнут данный пример, дерево выступает в качестве центрального персонажа наравне с людьми. Отметим добавление переводчиком существительного *характер*,

что, очевидно, является реакцией на присутствие в оригинале сквозной персонификации.

61. *The hot water ran out each morning in the middle of Shower Number Two, made a brief cameo during Shower Number Three, then teased and cruelly abandoned the person taking Shower Number Four.* [415]

Горячая вода могла пойти для того, кто принимал души вторым, изредка баловала третьего, а затем дразнила и резко заканчивалась на четвертом. [337]

Cameo: (B3) a cameo is a small character part in a play or film, played by a distinguished actor [301].

Tease: (O3) make fun of or attempt to provoke (a person or animal) in a playful way [301].

Abandon: (O3) if you abandon a place, thing, or person, you leave the place, thing, or person permanently or for a long time, especially when you should not do so [295].

В авторском тексте актуализация семы одушевленности в значении существительного *water* происходит кумулятивным способом, а именно посредством нескольких единиц контекста. В переводе на русский язык степень аккумуляции персонифицирующих контекстуальных единиц несколько снижена, поскольку глагол *заканчиваться* не обладает персонифицирующим потенциалом, однако другие единицы контекста способствуют сохранению авторского образа в русском тексте.

Ослабление авторской персонификации в переводе

В рамках КС «Окружающий мир» ослабление авторской персонификации происходит редко (5,2% примеров). Оно может быть вызвано несколькими причинами. Одна из них – межъязыковая асимметрия в системе служебных слов:

62. *From there, they all examined the apple trees, who stood in long, twisted rows.* [436]

Оттуда, где стояли, шайка рассматривала яблони, которые выстроились длинными коленчатыми рядами. [327]

Союзное слово *который* не имеет маркированности по признаку одушевленности / неодушевленности, в то время как в английском языке употребление относительного местоимения *who* в сочетании с неодушевленным существительным является ярким приемом персонификации (см. примеры 11, 20, 30, 43). Поскольку глагол *выстроиться* является синкретичным (напр., *солдаты выстроились в две шеренги* [283], *дома выстроились на узкой полоске земли* [303]), экспрессивность образа в переводе снижена по сравнению с оригиналом.

К ослаблению авторских персонификаций может приводить то, что переводной эквивалент не демонстрирует избирательности в плане сочетаемости по признаку одушевленности / неодушевленности:

63. *Clouds were filing in now, big and clumsy.* [436]

Потянулись цепочкой облака, большие и неуклюжие <...> [327]

File: (O3) (of a group of people) walk one behind the other, typically in an orderly and solemn manner [301].

Clumsy: (O3) awkward in movement or in handling things [301].

Прилагательное *clumsy* способно сочетаться с неодушевленными существительными, однако обычно они обозначают артефакты или соматизмы (напр., *it was a clumsy-looking aeroplane; the cold made his fingers clumsy* [297]). Прилагательное *неуклюжий* функционирует схожим образом. Глагол *file* используется для обозначения передвижения группы людей в пространстве, однако русское словосочетание *тянуться цепочкой* является синкретичным и способно обозначать как действие, так и состояние (напр., *от основания башни к ее нутру тянулась цепочка рабочих; по гребню кара тянется цепочка невысоких скал* [303]), что приводит к ослаблению персонификации.

Причиной ослабления авторских персонификаций также может выступать использование переводческих замен и трансформаций. В примере 64 представлена синтаксическая трансформация:

64. *I open the curtains, and the moon stares back, large and full, the guardian of the evening.* [425]

Открываю занавески и вижу огромную и круглую луну – хранительницу ночи. [345]

Stare: (O3) look fixedly or vacantly at someone or something with one's eyes wide open [301].

Guardian: (O3) a person who protects or defends something [301].

В оригинале небесное тело предстает в образе активного субъекта действия, однако в результате конверсной переводческой трансформации его роль меняется на объектную. Актуализация семы одушевленности происходит посредством единственного элемента контекста – существительного *хранительница*, в результате чего персонификация ослабляется.

Пример 65 демонстрирует ослабление персонификации в результате передачи глагола-связки посредством полнознаменательного глагола:

65. *The sun was a toddler insistently refusing to go to bed: it was past eight thirty and still light.* [399]

Солнце напоминало шалуна, отказывающегося укладываться спать: в полдевятого было еще светло. [321]

Toddler: (O3) a toddler is a young child who has only just learned to walk or who still walks unsteadily with small, quick steps [295].

Скрытое сравнение, представленное в оригинале, приобретает в переводе эксплицитную форму за счет употребления глагола *напоминать*, в результате чего образ становится менее экспрессивным, что позволяет говорить об ослаблении персонификации.

В примере 66 представлена замена образа:

66. *In the hair of the world, the street was very steep as you went up into Ixtlan.* [380]

Здесь была макушка мира – дорога взбиралась на холм слишком круто. [311]

Hair: (O3) any of the fine thread-like strands growing from the skin of humans, mammals, and some other animals [301].

В результате замены образа по метонимическому принципу и выражения его в переводе посредством устойчивого оборота персонификация становится ослабленной.

Нейтрализация авторской персонификации в переводе

В рамках КС «Окружающий мир» нейтрализация авторских персонификаций более распространена, чем ее ослабление (9,2% и 5,2% примеров соответственно). В некоторых случаях нейтрализация вызвана употреблением в переводе лексических единиц широкой сочетаемости по признаку одушевленности / неодушевленности:

67. *And the ground rushed up to meet me very suddenly.* [403]

И тут земля оказалась у меня прямо под носом. [357]

Rush: (O3) move with urgent haste [301].

Описывая ситуацию падения, герой использует глагол *rush* в сочетании с существительным *ground*, в результате чего создается образ земли как активного, движущегося деятеля. Кроме того, персонификации способствует употребление глагола *meet* в форме инфинитива. Глагол *оказаться*, использованный в переводе, не обеспечивает актуализации категории одушевленности.

Нейтрализация авторских персонификаций может происходить в результате комплексной переводческой трансформации:

68. *Already the sun had left the valley to go climbing up the slopes of the Gabilan Mountains <...>* [427]

Солнце уже не освещало долину, лучи его скользили лишь по склонам хребта Габилан <...> [348]

Leave: (O3) if you leave a place or person, you go away from that place or person [295].

Climb: (O3) if you climb something such as a tree, mountain, or ladder, or climb up it, you move towards the top of it [295].

Нейтрализация семы одушевленности в переводе произошла в результате использования приема смыслового развития, выраженного в лексико-семантической замене и лексико-грамматической трансформации.

Нейтрализация авторских персонификаций также может быть результатом опущения в переводе отдельных лексических единиц. Исследователи отмечают, что опущения чаще всего вызваны наличием в авторском тексте семантически избыточных или же излишне конкретных с точки зрения русского языкового сознания единиц [19], однако наблюдаются исключения, причины которых являются дискуссионным вопросом (см. примеры 69 и 70):

69. *Smoke chases dust; ash chases smoke. A newsstand floats, burning.*
[387]

Пыль, дым, пепел. Газетная стойка парит в воздухе, охваченная огнем.
[325]

Chase: (O3) if you chase someone, or chase after them, you run after them or follow them quickly in order to catch or reach them [295].

В переводе авторской персонификации отсутствуют глаголы, в результате чего теряется динамика исходного образа, а также не происходит актуализации категории одушевленности.

70. *The naked elms reached across our street from both sides, touching fingertips, and snow lay crusted in the flower beds before the warm, hibernatory houses.* [389]

По обеим сторонам нашей улицы стояли обнаженные вязы, а клумбы перед теплицами были покрыты смерзшимся снегом. [326]

Naked: (B3) (of a tree, plant, or animal) without leaves, hairs, scales, etc [301].

Fingertip: (O3) your fingertips are the ends of your fingers [295].

Синкретичному прилагательному *naked* в переводе соответствует прилагательное *обнаженный*, которое также является синкретичным, однако полностью утраченным оказался образ деревьев, протягивающих друг другу руки с двух сторон улицы, в результате чего данный пример был отнесен к группе примеров, отмеченных нейтрализацией авторской персонификации.

Сводные результаты переводческого анализа примеров персонификации элементов КС «Окружающий мир» представлены в таблице 14:

Таблица 14. Распределение примеров персонификации элементов окружающего мира по вариантам передачи в переводе

Передача персонификации в переводе	Кол-во пр.
Сохранение узуальной персонификации	94
Усиление узуальной персонификации	5
Нейтрализация узуальной персонификации	54
Σ	153
Сохранение авторской персонификации	131
Ослабление авторской персонификации	8
Нейтрализация авторской персонификации	14
Σ	153

4.1.2. Передача персонификации артефактов в переводе

Сохранение узуальной персонификации в переводе

Сохранение узуальной персонификации артефактов представлено в 47,1% проанализированных примеров. Оно наблюдается преимущественно в тех случаях, когда объектом персонификации выступает транспортное средство, что, очевидно, вызвано сходством между двумя лингвокультурами с точки зрения концептуализации движущихся объектов в образе живых существ:

71. *The train ran out along the shores of the lake <...> [410]*

Поезд шел по-над озером <...> [331]

Run: (O3) move at a speed faster than a walk, never having both or all the feet on the ground at the same time; (B3) (of a bus, train, ferry, or other form of transport) make a regular journey on a particular route [301].

И глагол *run*, и глагол *идти* приобрели большое количество переносных значений, выходящих за рамки КС «Человек», в результате чего они характеризуются широкой сочетаемостью с позиций признака одушевленности / неодушевленности.

Сохранению узуальной персонификации в переводе также способствует переосмысление стационарных механизмов, способных приводить в движение другие объекты:

72. <...> *something broke and the machine spat up a plastic spool.* [396]

<...> *и тут что-то окончательно сломалось – плеер выплюнул пластмассовую бобышку.* [354]

Spit: (O3) if someone spits, they force an amount of liquid out of their mouth, often to show hatred or contempt; (B3) if something such as a machine or food that is cooking spits, it sends out small amounts of something, making a series of short, sharp noises [295].

Как и глагол *spit*, глагол *выплевывать* является синкретичным. В переносном значении он способен сочетаться с неодушевленными существительными, обозначающими оружие и другие виды механизмов [285].

Усиление узуальной персонификации в переводе

Для случаев усиления узуальной персонификации артефактов, представленных в выборке (5,1% примеров), характерна передача в переводе основного значения средства персонификации:

73. *A metal lid kisses the rim of its pan.* [383]

Алюминиевая крышка целуется с краем кастрюли. [328]

Kiss: (O3) if you kiss someone, you touch them with your lips to show affection or sexual desire, or to greet them or say goodbye; (B3) if you say that something kisses another thing, you mean that it touches that thing very gently [295].

Отметим, что второстепенное значение глагола *kiss*, представленное выше, отражено не во всех словарях. Возможно, переводчик воспринял данный глагол в основном значении. Употребление глагола *целоваться* в необычном контексте привело к повышению степени экспрессивности перевода по сравнению с оригиналом. Похожая ситуация наблюдается в следующем примере:

74. *This time, the train limped through the snowed-in country.* [436]

Теперь поезд хромал по заснеженной местности. [327]

Limp: (O3) *walk with difficulty, typically because of a damaged or stiff leg or foot*; (B3) *(of a damaged ship, aircraft, or vehicle) proceed with difficulty* [301].

Глагол *limp* является синкретичным. Русский глагол *хромать*, представленный в переводе, сочетается преимущественно с одушевленными существительными, хотя также возможны случаи его переносного употребления в сочетании с обозначениями абстрактных сущностей для указания на их недостатки (напр., *знания хромают* [290]; *рифма хромает* [283]). Однако в переводе данный глагол выступает в связке с существительным, обозначающим конкретный объект (транспортное средство), т.е. контекст не является типичным, что позволяет говорить об усилении узуальной персонификации в переводе.

Нейтрализация узуальной персонификации в переводе

В рамках КС «Артефакты» наблюдается более частая нейтрализация узуальной персонификации в переводе (почти в половине случаев; 47,8% примеров) по сравнению с КС «Окружающий мир». Она характерна для перевода узуальной персонификации различных видов текстов:

75. *At some moments chilling, at others desperately sad, the play told a tale of the heart* <...> [414]

Порой повергающая в ужас, порой грустная до слез, пьеса представляла собой историю любви <...> [334]

Tell: (O3) *communicate information to someone in spoken or written words* [301].

Глагол *tell*, прототипически сочетающийся с одушевленными существительными в функции подлежащего, также широко сочетается с неодушевленными существительными. В переводе глагол речи отсутствует. Возможно, это вызвано тем, что переводчик стремился использовать переводной эквивалент существительного *play* в именительном падеже для облегчения синтаксической структуры предложения.

Узуальная персонификация артефактов также нейтрализуется в тех случаях, когда межъязыковые синонимы расходятся по количеству или объему переносных / второстепенных значений:

76. *The bag was heavy, it exhaled the scent of her violets.* [391]

Пакет был тяжелый, от него пахло ее фиалками. [352]

Exhale: (O3) *breathe out;* (B3) *give off (vapour or fumes)* [301].

В переводе представлена безличная конструкция, не вызывающая актуализации семы одушевленности в существительном *пакет*. Вероятно, лексико-грамматическая трансформация в переводе вызвана тем, что у русского эквивалента глагола *exhale* – глагола *выдыхать* – отсутствует переносное значение, позволяющее ему выступать сказуемым при неодушевленном существительном в функции подлежащего.

Нейтрализация узуальной персонификации также может происходить в результате использования приема опущения:

77. *It didn't even need to be a mansion, just a little cottage with a rose garden and cream-colored curtains and rugs that were soft and clean and kissed your bare feet as you walked across them.* [415]

Необязательно особняк, просто маленький коттедж с розовым садиком, кремовыми занавесками и чистыми мягкими коврами. [337]

В переводе опущена часть определительного придаточного предложения, содержащая синкретичный глагол *kiss* в личной форме (см. также пример 73), который выступает актуализатором семы одушевленности в значении существительного *rugs*. Можно предположить, что опущение произошло в результате использования стратегии компрессии как реакции на присутствие в оригинале прилагательного *soft*.

Сохранение авторской персонификации в переводе

Как и в случае с КС «Окружающий мир», авторская персонификация артефактов преимущественно сохраняется в переводе (88,7% примеров). Среди подобных примеров объемную долю составляют авторские персонификации зданий (29 примеров из 142), один из которых рассмотрен ниже:

78. *The deep-laden boats pull in against the coast where the canneries dip their tails into the bay.* [426]

И тянутся к берегу, где их поджидают консервные цехи, опустив в воду металлические хвосты. [347]

Dip: (O3) if you dip something into a liquid, you put it into the liquid for a short time, so that only part of it is covered, and take it out again [295].

Tail: (O3) the tail of an animal, bird, or fish is the part extending beyond the end of its body [295].

Актуализацию семы одушевленности в значении существительного *canneries* обеспечивают глагол *dip* в функции сказуемого и существительное *tail* в функции дополнения. Как и в оригинале, образ зданий в виде животных создается кумулятивным способом.

В комментарии к примеру 75 было отмечено, что при переводе с английского языка на русский узуальные конструкции с глаголами речи в функции сказуемого при подлежащем, выраженном обозначением носителя текстовой информации, подвергаются трансформациям, в результате чего происходит нейтрализация персонификации. Подобные узуальные персонификации могут получать развитие и приобретать форму развернутых авторских персонификаций, что способствует их сохранению в переводе:

79. The menu said good morning to me and I said good morning back to the menu. We could actually end our lives talking to menus. [377]

Меню сказало мне "доброе утро", и я ему ответил: "Доброе утро". Вот так и жизнь может закончиться – разговорами с меню. [309]

Say: (O3) utter words so as to convey information, an opinion, a feeling or intention, or an instruction; (B3) (of a text or a symbolic representation) convey specified information or instructions [301].

В англоязычном оригинале герой произведения вступает с предметом в диалог, тем самым окказионально оживляя его. Персонификация сохранена в переводе.

Как было отмечено в главе 2, один из глаголов речи – глагол *talk* – не приобрел переносных значений, позволяющих ему сочетаться с неодушевленными существительными. Это позволяет ему выступать в качестве средства авторской персонификации:

80. *That wicker chair, it wasn't making a sound. It always talked, creaked away, when Father was in it—even when he was asleep.* [430]

Качалка ни звука не издавала. А она всегда разговаривала, поскрипывала, даже когда отец спал. [318]

Talk: (O3) speak in order to give information or express ideas or feelings; converse or communicate by spoken words [301].

Предмет мебели в исходном тексте предстает в образе говорящего существа. Поскольку глагол *разговаривать*, как и его эквивалент *talk*, подразумевает наличие одушевленного деятеля, его использование в функции сказуемого в переводе обеспечило сохранение персонификации.

Ослабление авторской персонификации в переводе

Ослабление авторской персонификации артефактов в переводе представлено в 7% примеров. Как и в случае с персонификацией элементов КС «Окружающий мир», оно может быть вызвано межъязыковой асимметрией в системе служебных слов:

81. *Then she picks up Vacuum who makes it all noisy dusty wab wab wab.*
[388] *Потом она достает пылесос, который ревет и гоняет пыль – ва-ва-ва.*
[324]

Как было отмечено ранее (см. пример 62), относительное местоимение *who* является экспрессивным средством актуализации категории одушевленности в тексте, однако союзное слово *который*, представленное в тексте перевода, имеет одинаковую степень сочетаемости как с одушевленными, так и неодушевленными существительными. Глагол *реветь* является синкретичным (напр., *дети режут; режут моторы* [290]), что снижает степень экспрессивности образа в переводе по сравнению с оригиналом.

Ослабление авторской персонификации также может происходить вследствие употребления сравнения в переводе:

82. *The train radio vomited upon Montag, in retaliation, a great ton-load of music made of tin, copper, silver, chromium, and brass.* [374]

И, как бы в отместку, рупоры обрушили на Монтэга тонну музыки, составленной из металлического лязга – из дребезжания и звона жести, меди, серебра, латуни. [312]

Vomit: (O3) eject matter from the stomach through the mouth; (B3) emit (something) in an uncontrolled stream or flow [301].

Retaliation: (O3) the action of returning a military attack; counter-attack [301].

Хотя глагол *vomit* является синкретичным, в сочетании с существительным *retaliation* он образует контекст для реализации авторской персонификации. Однако в переводе наблюдается ослабление данного образа из-за использования сравнительного оборота *как бы*. Похожая ситуация наблюдается в следующем примере:

83. In the hall, in the light, the Manet portrait sprang out at him. [381]

В прихожей, в ярком свете, на него словно выпрыгнул портрет кисти Мане. [307]

Spring: (O3) when a person or animal springs, they jump upwards or forwards suddenly or quickly [295].

В данном случае ослабление авторской персонификации происходит из-за употребления сравнительной частицы *словно*.

Нейтрализация авторской персонификации в переводе

Авторские персонификации артефактов подвергаются нейтрализации достаточно редко (4,2% примеров). Нейтрализация может происходить из-за лексико-семантических замен, вызванных переосмыслением исходного образа (примеры 84 и 85):

84. About seven o'clock you could hear the chairs scraping from the tables, someone experimenting with a yellow-toothed piano, if you stood outside the dining-room window and listened. [373]

Часов в семь раздается легкий скрип — от столов отодвигают стулья, а если постоять под окном столовой, услышишь, как там бренчат на разбитом фортепьяно с пожелтевшими от старости клавишами. [313]

Tooth: (O3) each of a set of hard, bony enamel-coated structures in the jaws of most vertebrates, used for biting and chewing [301].

Сема одушевленности актуализуется в значении существительного *piano* посредством прилагательного *yellow-toothed*. Автор производит скрытое сравнение клавиш фортепиано с зубами, в результате чего создается образ музыкального инструмента в виде живого существа. В тексте перевода данный образ отсутствует.

85. *I was already prone to see everything I admired as sacred, and the bells exploited this delusion, casting a hallowed aura over the campus. [415]*

Я всегда был склонен обожествлять то, чем восхищался, и колокола попали под это правило, придав университетскому городку священный ореол. [337]

Exploit: (O3) make full use of and derive benefit from (a resource) [301].

Очевидно, переводчик интерпретировал действие, описываемое во второй предикативной части сложного предложения, как следствие состояния, описываемого в первой части. В результате смыслового развития произошла нейтрализация семы одушевленности, поскольку словосочетание *попадать под правило* не указывает на то, является описываемый субъект одушевленным или нет.

Сводные результаты переводческого анализа примеров персонификации элементов КС «Артефакты» представлены в таблице 15:

Таблица 15. Распределение примеров персонификации артефактов по вариантам передачи в переводе

Передача персонификации в переводе	Кол-во пр.
Сохранение узуальной персонификации	64
Усиление узуальной персонификации	7
Нейтрализация узуальной персонификации	65
Σ	136
Сохранение авторской персонификации	126
Ослабление авторской персонификации	10
Нейтрализация авторской персонификации	6
Σ	142

4.1.3. Передача персонификации элементов антропосферы в переводе

Сохранение узуальной персонификации в переводе

В проанализированном материале узуальная персонификация элементов антропосферы сохранена в 56% примеров. Как и в случае с персонификациями элементов КС «Окружающий мир» и «Артефакты», сохранению узуальных персонификаций элементов антропосферы способствует наличие сходства их концептуализации в двух лингвокультурах:

86. *The war, he knew, would finally take him, but for the time being he would not let himself think about it.* [418]

Он знал, что война рано или поздно его заберет, но на тот момент не позволял себе об этом думать. [339]

В оригинале актуализация семы одушевленности в значении существительного *war* обеспечивается посредством глагола широкой семантики *take*, входящего в состав сказуемого. Русский глагол *забирать* тяготеет к употреблению в сочетании с одушевленными существительными в функции подлежащего, однако он также способен сочетаться с абстрактными существительными (напр., *смерть забрала свое* [303]; *забрала его обида* [283]).

Оба языка демонстрируют концептуализацию эмоций как живых существ:

87. *Loneliness gripped him so that his breath quickened.* [413]

И его ододело такое чувство одиночества, что у него даже перехватило дыхание. [333]

Grip: (O3) *take and keep a firm hold of; grasp tightly;* (B3) *(of an emotion or situation) have a strong or adverse effect on* [301].

Переводным эквивалентом английского синкретичного глагола *grip* в данном примере выступает глагол *одолеть* в личной форме, являющийся

синкретичным (напр., *боксер долго не мог одолеть противника; сон одолел его мигом* [283]).

В обеих лингвокультурах присутствует концептуализация болезни в образе врага. Средства, которые могут быть направлены против этого врага, обладают потенциалом выступать в образе живого существа:

88. *Sleep fights cancer* <...> [399]

Сон борется с раком <...> [321]

Fight: (O3) *take part in a violent struggle involving the exchange of physical blows or the use of weapons* [301].

Словарная дефиниция указывает на сочетаемость глагола *fight* с одушевленными существительными, однако данный глагол можно считать синкретичным, поскольку в узусе присутствуют примеры его употребления в связке с неодушевленными существительными (напр., *new medicine fights drug-resistant bacteria* [297]). Глагол *бороться*, который употребил переводчик, также подразумевает выполнение действия, обозначаемого данным глаголом, живым существом, однако в узусе русского языка возможна его сочетаемость и с неодушевленными существительными (напр., *лекарство борется с нарушениями сердечного ритма* [303]).

Оба языка отражают концептуализацию машин и механизмов в образе живых существ:

89. *The engine had to be coaxed into life with a starting handle* <...> [434]

Двигатель пробуждался к жизни при помощи кривого стартера <...> [351]

Coax: (O3) *if you coax someone into doing something, you gently try to persuade them to do it*; (B3) *if you coax a machine or device into doing something, you make it work by operating it very slowly and gently* [295].

Пассивная конструкция с глаголом *coax* и существительным *life* в переводе передана при помощи синкретичного глагольного выражения *пробуждаться к жизни*. Русский глагол также способен сочетаться с неодушевленными существительными, обозначающими элементы других КС (напр., *лес пробудился; пробудился интерес к живописи* [283]).

В некоторых случаях узуальная персонификация сохраняется посредством замены образа:

90. *Strands of pain announce themselves* <...> [383]

В глазах начинают танцевать огненные пряди боли <...> [328]

Средством персонификации в оригинале выступает глагол *announce*, словарные дефиниции которого не указывают на его сочетаемость с неодушевленными существительными. Однако проанализированный материал содержит три примера, в которых данный глагол используется при описании объектов антропосферы, что позволяет сделать вывод о развитии у него дополнительного значения. Примеры, указывающие на сочетаемость глагола *announce*, представлены и в Британском национальном корпусе (напр., *a new era had announced itself; a giant aerosol spray* <...> *announced itself as 'environment-friendly'* [304]). Переводчик использовал глагол *танцевать*, который в большинстве случаев сочетается с одушевленными существительными, хотя у него имеется и переносное значение (напр., *пламя свечи танцует от ветра; мошки танцуют в воздухе* [290]). Это позволяет охарактеризовать данный глагол как синкретичный и классифицировать представленную в переводе персонификацию как узуальную.

Усиление узуальной персонификации в переводе

В рамках антропосферы усиление узуальных персонификаций при переводе практически не встречается (1,7% примеров). Ниже представлены два примера из данной группы:

91. *He read the bones and they were eloquent of melodrama and adventure* <...> [373]

Эти кости сказали ему красноречивее всяких слов, что тут предстоит приключение и мелодрама <...> [313]

Eloquent: (O3) *fluent or persuasive in speaking or writing*; (B3) *clearly expressing or indicating something* [301].

Прилагательное *eloquent* способно сочетаться как с одушевленными, так и неодушевленными существительными (напр., *the speaker was eloquent*;

the bus journey alone is eloquent of class inequality [297]). В переводе представлена комплексная лексико-грамматическая трансформация с заменой объекта на субъект, результатом которой является повышение степени экспрессивности персонификации по сравнению с оригиналом.

92. *I felt my feet complain, and knew that I shouldn't have sat down.* [368]

Ноги протестовали в голос, и я подумал, что зря устроил привал. [315]

Complain: (O3) *express dissatisfaction or annoyance about something*; (B3) *(of a structure or mechanism) groan or creak under strain* [301].

В оригинале средством персонификации выступает синкретичный глагол *complain*, который в переносном значении сочетается с обозначениями артефактов, а также наименованиями элементов антропосферы и окружающего мира (напр., *a barge that complained under the weight* [305]; *Riven's legs were complaining about the unaccustomed riding* [304]; *the very bases of the yew and the cedar began to shift, to move laterally and to complain* [381]). В переводе две единицы (глагол *протестовать* и словосочетание *в голос*, являющееся результатом использования приема лексического добавления) содержат в себе сему одушевленности, в результате чего персонификация становится усиленной.

Нейтрализация узуальной персонификации в переводе

Доля примеров с нейтрализацией узуальных персонификаций элементов антропосферы составляет 42,2%. Среди них выделяются примеры описания эмоций. И в английском, и в русском языке эмоции способны выступать в образе живых существ (см. пример 87), однако это более характерно для английского языка, что, вероятно, связано с его высокой степенью агентивности. Рассмотрим примеры 93 и 94:

93. *Panic tightened his throat.* [413]

Горло у него сжалось от страха. [333]

Tighten: (O3) *if you tighten your grip on something, or if your grip tightens, you hold the thing more firmly or securely*; (B3) *if a part of your body tightens, the muscles in it become tense and stiff, for example because you are angry or afraid* [295].

Глагол *tighten* способен сочетаться с одушевленными существительными и соматизмами, однако Британский национальный корпус также содержит примеры его сочетаемости с существительными, обозначающими негативные эмоции (*fear tightened my stomach; impatience tightened his face* [304]). Очевидно, переводчик интерпретировал существительное *panic* как каузатив, что вызвало перестановку членов предложения при переводе и нейтрализацию персонификации. Подобная перестановка представлена в следующем примере:

94. *My terror afforded me a stunned clarity of mind.* [386]

От ужаса появилась даже некая отрешенная ясность мысли. [322]

Afford: (B3) *if someone or something affords you an opportunity or protection, they give it to you* [295].

Нейтрализация персонификации может происходить в том случае, если в русском языке отсутствует схожий узуальный оборот:

95. *His foot had gone to sleep, and he stamped it <...>* [413]

Нога у него затекла, и он затопал ею <...> [333]

Go to sleep: (O3) *fall asleep*; (B3) *(of a limb) become numb as a result of prolonged pressure* [301].

Кроме того, нейтрализация персонификации может происходить в результате лексических замен по принципу смыслового развития:

96. *<...> the rules they worshiped, for us rendered all but toothless by the passage of just a couple of decades of American time <...>* [421]

<...> правила, казавшиеся им незыблемыми, для нас после каких-то двух десятилетий в Америке представлялись уже просто бессмысленными <...> [343]

Toothless: (O3) *having no teeth, typically through old age*; (B3) *lacking genuine force or effectiveness* [301].

В оригинале сема одушевленности актуализуется в значении существительного *rules* посредством синкретичного прилагательного *toothless*. Хотя его эквивалент в русском языке – прилагательное *беззубый* – способен сочетаться с абстрактными существительными (напр., *беззубая*

критика [290]), он демонстрирует избирательность, что, вероятно, повлекло использование лексической замены при переводе, которая привела к нейтрализации персонификации.

Сохранение авторской персонификации в переводе

Авторская персонификация элементов антропосферы преимущественно сохраняется в переводе (82,4% примеров). Этому может способствовать наличие в обоих языках схожих узуальных персонификаций. Например, оба языка демонстрируют концептуализацию совести в образе живого существа (*voice of conscience*; *голос совести*), а также восприятие сна как агентивной сущности (напр., *she waited for sleep to come* [305]; *сон не приходил* [303]). Ниже представлены примеры авторского развития данных узуальных персонификаций (примеры 97 и 98):

97. *Will wrestled with his conscience, grappled it to the ground and sat on it until he couldn't hear a squeak out of it.* [404]

Уилл вступил в схватку со своей совестью, повалил ее на землю, навалился и не отпускал, пока она не заткнулась. [358]

Wrestle: (O3) take part in a fight, either as sport or in earnest that involves grappling with one's opponent and trying to throw or force them to the ground [301].

Grapple: (O3) engage in a close fight or struggle without weapons; wrestle [301].

Squeak: (O3) a short, high-pitched sound or cry [301].

Актуализация категории одушевленности в оригинальном тексте происходит кумулятивным способом, за счет чего создается образ совести как противника в битве, полностью сохраненный в переводе.

98. *Sleep never forsakes me or makes me wait for long <...> .* [417]

Сон никогда мне не изменяет и, если позвать его, не заставляет себя долго ждать. [336]

Forsake: (O3) (literary) if you forsake someone, you leave them when you should have stayed, or stop you helping them or looking after them [295].

Сема одушевленности актуализуется в значении существительного *sleep* за счет глагола *forsake*, подразумевающего наличие одушевленного

деятеля, а также за счет каузативного глагола *make*. Авторская персонификация полностью сохранена в переводе.

В английском языке эмоции выступают объектами узуальной персонификации чаще, чем в русском (см. примеры 93, 94), однако когда они подвергаются авторскому переосмыслению, в переводе обычно наблюдается сохранение персонификации:

99. *The senses must feast while there is yet hunger and whatever.* [399]

Чувства должны пировать, пока есть голод, да и вообще. [321]

Feast: (O3) *eat and drink sumptuously* [301].

Словарная дефиниция указывает на то, что глагол *feast* употребляется лишь в сочетании с одушевленными существительными. Глагол *пировать*, представленный в переводе, также подразумевает выполнение действия живыми существами.

Для английского языка характерна узуальная персонификация источников информации, традиционно осуществляемая посредством глаголов речи (см. комментарий к примеру 14). В примерах 100 и 101 представлено авторское развитие данной узуальной персонификации с помощью глаголов движения:

100. *But the synonym pursued her.* [389]

Однако синоним не отставал. [326]

Pursue: (O3) *if you pursue a person, vehicle, or animal, you follow them, usually in order to catch them* [295].

Глагол движения *pursue* подразумевает выполнение действия живым существом. Таким образом, происходит актуализация семы одушевленности в значении существительного *synonym*, за счет чего создается образ слова как активного, движущегося объекта. Данный образ и сема одушевленности сохранены в переводе.

101. *A word that lay in wait for me, jumping out now and then, scaring me because I didn't know exactly what it meant.* [389]

Оно ждало в засаде, то и дело выпрыгивая и пугая меня, поскольку я не знал, что оно означает. [326]

Lie in wait: (O3) to lie in wait means to watch for an enemy or potential victim and prepare to attack them [295].

Jump: (O3) if you jump, you bend your knees, push against the ground with your feet, and move quickly upwards into the air [295].

В данном примере сема одушевленности актуализуется в значении существительного *word* кумулятивным способом с помощью глагольной группы *lie in wait* и глагола *jump*. Автор уподобляет слово врагу, готовому пуститься в атаку. Образ и сема одушевленности сохранены в переводе.

Развернутость авторской персонификации – один из основных факторов, способствующих ее сохранению в переводе:

102. <...> *suddenly hunger started working my stomach over like Joe Louis. Three good right hooks to my gut and I was on my way over to the refrigerator. [375]*

<...> *вдруг голод, точно какой-нибудь Джо Луис, принялся обрабатывать мой желудок. Три добрых хука в утробу справа – и я направился к холодильнику. [310]*

Work over: (O3) to work someone over means to beat them very violently [295].

Hook: (O3) a short swinging punch made with the elbow bent and rigid, especially in boxing [301].

Актуализация семы одушевленности в значении существительного *hunger* происходит кумулятивным способом посредством глагола *work over* в неличной форме, входящего в состав фазового сказуемого, и существительного *hooks* в последующем предложении, формирующем развернутый образ. Кроме того, экспрессивность образа усиливается с помощью сравнения. Авторская персонификация полностью сохранена в переводе.

Ослабление авторской персонификации в переводе

Ослабление авторской персонификации элементов антропосферы при переводе происходит достаточно редко (4,2% примеров). В качестве

основной причины выступает употребление синкретичных средств персонификации (примеры 103, 104 и 105):

103. *Hunger ate them as they continued forward <...> [436]*

Людей точил голод, а они брели вперед <...> [327]

Eat: when you eat something, you put it into your mouth, chew it, and swallow it [295].

При отсутствии постпозитива (напр., *eat away = gradually erode something* [301]) глагол *eat* сочетается только с одушевленными существительными. Таким образом, представленная в исходном тексте персонификация может быть классифицирована как авторская. Перевод содержит глагол *точить*, способный сочетаться с неодушевленными существительными (напр., *недуг точит; ржавчина точит железо* [283]), из-за чего происходит лишь частичная передача персонификации, а также утрата парадоксальности, присущей авторскому образу.

104. *Portia read with such slow rhythm that the words slept in Doctor Copeland's ears and he was drowsy. [413]*

Порция читала так размеренно, что слова замирали в ушах доктора Копленда и его одолевала дремота. [333]

Sleep: (O3) when you sleep, you rest with your eyes closed and your mind and body inactive [295].

Актуализация семы одушевленности в значении существительного *words* происходит посредством глагола *sleep* в личной форме, сочетаемость которого с неодушевленными существительными распространяется только на локативы (напр., *the city that never sleeps* [301]). Однако русский глагол *замирать*, выступающий в качестве переводного эквивалента, является синкретичным и сочетается с широким спектром неодушевленных существительных (напр., *на лице замерла улыбка; работа замерла* [283]), что приводит к ослаблению персонификации в переводе.

105. *And words long buried in my heart crept to my lips. [432]*

И слова, давно запертые в моем сердце, хлынули наружу. [350]

Buried: (O3) placed or hidden underground; (B3) covered up or repressed [301].

Creep: (O3) *move slowly and carefully in order to avoid being heard or noticed*; (B3) *(of a thing) move very slowly and inexorably* [301].

Сема одушевленности актуализуется в значении существительного *words* кумулятивным способом посредством синкретичного прилагательного *buried*, а также глагола *creep* в личной форме, который является синкретичным, однако в словарях не зафиксирована его сочетаемость с обозначениями абстракций. Причастие *запертый* и глагол *хлынуть*, употребленные в качестве переводных эквивалентов, являются синкретичными. Данный пример был отнесен к группе примеров с ослаблением персонификации, поскольку значение глагола *хлынуть* как движения потока людей является переносным и ассоциируется с движением потока жидкости.

К ослаблению авторской персонификации также приводит использование частеречной замены:

106. *In his mind the singing words seemed to change their tone. They had mocked him through his misery and remorse, mocked him with how hideous a note of cynical derision!* [407]

Поющие слова зазвучали уже по-иному. Уже не *насмешкой* над ним, *горюющим и кающимся*, не злорадной и наглой *издевкой*. [356]

Change: (O3) *make or become different* [301].

Tone: (O3) *a modulation of the voice expressing a particular feeling or mood* [301].

Mock: (O3) *tease or laugh at in a scornful or contemptuous manner* [301].

Cynical: (O3) *contemptuous; mocking* [301].

Derision: (O3) *contemptuous ridicule or mockery* [301].

Кумулятивный способ актуализации семы одушевленности в именной группе *the singing words* создает образ слов как активных деятелей. В переводе представлена комплексная трансформация, элементом которой является замена глаголов на существительные. Перевод содержит лишь одно средство персонификации – причастие *поющие* в функции определения к существительному *слова*, что делает персонификацию ослабленной по сравнению с оригиналом.

Нейтрализация авторской персонификации в переводе

В проанализированном материале нейтрализация авторской персонификации элементов антропосферы произошла в 13,4% примеров. Она является следствием использования переводческих трансформаций и замен, как это иллюстрируют примеры 107–109:

107. *She stopped waving, and her hands found shelter in her sleeves.* [429]

<...> *воззвала Праведная Амма к Господу, перестав махать и спрятать руки в рукава.* [316]

Find: (O3) *if you find someone or something, you see them or learn where they are* [295].

Shelter: (O3) *a shelter is a small building or covered place which is made to protect people from bad weather or danger* [295].

В исходном тексте актуализация семы одушевленности в значении существительного *hands* обеспечивается посредством глагола *find* в личной форме и существительного *shelter* в функции дополнения к нему. В переводе представлено целостное преобразование с заменой субъекта действия, вызывающей нейтрализацию авторской персонификации.

108. *I spat into my palm and forced my hair into submission.* [408]

Я оделся, поплевал на ладони и пригладил волосы. [330]

Submission: (O3) *the action of accepting or yielding to a superior force or to the will or authority of another person* [301].

Сема одушевленности актуализуется в значении существительного *hair* посредством элементов глагольной группы *forced* и *submission*. В переводе представлена семантическая замена, повлекшая за собой нейтрализацию персонификации.

В отдельных случаях нейтрализация персонификации является следствием опущений:

109. <...> *she would lie awake at night, thinking and turning, her mind held hostage by thoughts of what could have been, until she fell, finally, into a drained sleep.* [363]

Поначалу не спала, отказывалась от маленькой синей пилюли, предложенной тетей Уджу, лежала без сна всю ночь, думала, вертелась, пока наконец изможденно не отключалась. [306]

Hold someone hostage: (O3) seize and keep someone as a hostage [301].

Автор уподобляет разум человека жертве, а его мысли – преступникам, удерживающим заложника. В переводе данный образ отсутствует в результате опущений. Как было отмечено в комментариях к примерам 69 и 70, мотивация подобных опущений является дискуссионным вопросом.

Сводные результаты переводческого анализа примеров персонификации элементов КС «Антропосфера» представлены в таблице 16:

Таблица 16. Распределение примеров персонификации элементов антропосферы по вариантам передачи в переводе

Передача персонификации в переводе	Кол-во пр.
Сохранение узуальной персонификации	65
Усиление узуальной персонификации	2
Нейтрализация узуальной персонификации	49
Σ	116
Сохранение авторской персонификации	98
Ослабление авторской персонификации	5
Нейтрализация авторской персонификации	16
Σ	119

4.1.4. Передача персонификации пространства в переводе

Сохранение узуальной персонификации в переводе

Узуальная персонификация пространства сохранена в переводах 61,1% примеров, чему способствует наличие в двух языках схожего образа:

110. *The city was blacked out because bombers might come, so Billy didn't get to see Dresden do one of the most cheerful things a city is capable of doing when the sun goes down, which is to wink its lights on one by one.* [431]

Город был в затемнении — вдруг начнется налет, — в Дрездене Билли не увидел самой радостной на свете картины — как после захода солнца город, мигая, зажигает один за другим все свои огоньки. [317]

Wink: (O3) *close and open one eye quickly, typically to indicate that something is a joke or a secret or as a signal of affection or greeting*; (B3) *(of a bright object or a light) shine or flash intermittently* [301].

В обеих лингвокультурах город способен осмысляться как живое существо. Глагол *wink*, как и его коррелят *мигать*, является синкретичным и используется как для описания движений, производимых глазами, так и качества освещения. Глагол *зажигать* также способен сочетаться как с одушевленными, так и неодушевленными существительными (напр., *молния зажгла дерево* [283]).

Как примеры сохранения узуальной персонификации были классифицированы проявления локальной метонимии, основанной на отношении «пространство → человек»:

111. *The hospital emergency room reported a higher than usual number of household accident victims.* [385]

Неотложная помощь городской больницы сообщала о росте числа несчастных случаев прямо на дому. [323]

Report: (O3) *give a spoken or written account of something* [301].

Как отмечено в главе 2, глаголы речи обладают способностью сочетаться как с одушевленными, так и неодушевленными существительными. Схожая ситуация наблюдается с глаголом *сообщать* (напр., *газеты сообщают, что...* [303]), использованным в переводе, что позволяет говорить о сохранении узуальной персонификации.

Нейтрализация узуальной персонификации в переводе

Узуальная персонификация пространства нейтрализована в переводах 38,9% примеров. Она нейтрализуется вследствие опущений:

112. <...> *the face of the whole countryside was softened by the shadows which were slowly growing in the depths of the woods and hedgerows.* [397]

<...> *тени, наползавшие из леса, придавали всей округе какую-то особенную мягкость.* [320]

Face: (O3) *the front part of a person's head from the forehead to the chin, or the corresponding part in an animal*; (B3) *the surface of a thing, especially one that is presented to the view or has a particular function* [301].

Средством персонификации в оригинале выступает синкретичное существительное *face*. Эквивалентная ему единица в переводе отсутствует, в результате чего происходит нейтрализация узуальной персонификации. В следующем примере представлена схожая ситуация:

113. <...> *they might have been twelve strangers on a railway car, each bound for a separate quarter of a city that possessed fog and tides enough to divide them.* [382]

<...> *эти люди могли быть <...> попутчиками в железнодорожном вагоне, которым суждено разбрестись по разным кварталам города, где туманы и морские приливы навеки разделят их.* [329]

Possess: (O3) *if you possess something, you have it or own it*; (B3) *if someone or something possesses a particular quality, ability, or feature, they have it* [295].

В оригинальном тексте актуализация категории одушевленности происходит посредством синкретичного глагола *possess*, однако в переводе эквивалентная ему единица отсутствует.

Сохранение авторской персонификации в переводе

В проанализированном материале все авторские персонификации пространства сохранены в переводе. Большинство из них представляет собой описания городов и их частей (примеры 114 и 115):

114. *On the anvil of August, the city lay paralyzed, stunned into stupidity by the heat. The sidewalks shrank under the sun. It was a landscape of total surrender.* [391]

Город *лежал в августовской духовке обкуренный, парализованный, отупевший от жары. Тротуары трескались под солнцем. Картина полной капитуляции.* [352]

Paralyzed: (O3) *(a person or part of the body) partly or wholly incapable of movement* [301].

Stunned: (O3) *so shocked that one is temporarily unable to react; astonished* [301].

Stupidity: (O3) behaviour that shows a lack of good sense or judgement [301].

Актуализация семы одушевленности в значении существительного *city* происходит посредством прилагательных *paralyzed* и *stunned* в сочетании с существительным *stupidity*. Данный пример был классифицирован как авторская персонификация, а не локальная метонимия, поскольку в нем представлена картина городского пейзажа, т. е. город описывается автором в отрыве от человека. В переводе образ города как живого существа и сема одушевленности передаются с помощью единиц, сочетающихся с одушевленными существительными. Вместе с тем использование причастия *обкуренный* в переводе видится достаточно произвольным расширением образа, представленного в оригинале.

115. *Fourth Street had waited eternally for us to come <...> [377]*

Четвертая улица ждала нашего прихода вечно <...> [309]

Wait: (O3) when you wait for something or someone, you spend some time doing very little, because you cannot act until that thing happens or that person arrives [295].

Глагол *wait* имеет второстепенное значение, обеспечивающее его сочетаемость с неодушевленными существительными (*wait = if something is waiting for you, it is ready for you to use, have, or do [295]*), однако семантика единиц, составляющих группу подлежащего, позволяет классифицировать данный пример как авторскую персонификацию. Ее сохранение в переводе обеспечивает употребление глагола *ждать* в личной форме.

Сводные результаты переводческого анализа примеров персонификации элементов КС «Пространство» представлены в таблице 17:

Таблица 17. Распределение примеров персонификации пространства по вариантам передачи в переводе

Передача персонификации в переводе	Кол-во пр.
Сохранение узуальной персонификации	11
Нейтрализация узуальной персонификации	7
Σ	18
Сохранение авторской персонификации	18

4.1.5. Передача персонификации времени в переводе

Сохранение узуальной персонификации в переводе

Узуальная персонификация времени сохранена в переводе 50% примеров проанализированной выборки. Для них характерно употребление глагола *find* в функции сказуемого (примеры 116 и 117):

116. *February finds them in mountains.* [387]

Февраль застаёт их в горах. [325]

117. *This same winter found Tateh and his daughter in the mill town of Lawrence, Massachusetts.* [385]

Эта зима застала Тятю и его дочку в заводском городишке Лоуренсе, штат Массачусетс. [323]

Find: (O3) *if you find someone or something, you see them or learn where they are;* (B3) *if a time or event finds you in a particular situation, you are in that situation at the time mentioned or when the event occurs* [295].

Перевод данных предложений на русский язык видится в некоторой степени калькированным и испытавшим на себе влияние английского языка, а именно агентивных особенностей его синтаксиса, поскольку русский глагол *застать* сочетается преимущественно с темпоративами, обозначающими более короткие промежутки времени (напр., *ночь застала его в пути* [303]), или же выступает в связке с наречием *врасплох* (напр., *зима застала меня врасплох* [303]). Однако синкретичность данного глагола позволяет говорить о сохранении узуальной персонификации.

Нейтрализация узуальной персонификации в переводе

Нейтрализация узуальных персонификаций времени преимущественно является следствием синтаксических перестановок, которые осуществляются для обеспечения естественности звучания предложения на русском языке:

118. *The twenties saw the construction of nearly all Detroit's great buildings* <...> [389]

В двадцатых годах были возведены почти все знаменитые здания Детройта. [326]

При переводе была осуществлена замена членов предложения. В оригинале темпоратив выступает в функции подлежащего, а в переводе – в функции обстоятельства времени, что повлекло за собой нейтрализацию семы одушевленности. Подобные перестановки характерны для перевода предложений с темпоративом в функции подлежащего при сказуемом, выраженном глаголом *see* или *witness*.

Сохранение авторской персонификации в переводе

В рамках КС «Время» персонификации имеют преимущественно авторский характер (29 авторских персонификаций против 10 узуальных) и в большинстве случаев сохраняются в переводе (26 примеров из 28):

119. *Only after other minutes have joined the naked, lonely first minute does the day become more safely integrated in its dayness.* [395]

Лишь когда остальные минуты присоединятся к первой, голой и потерянной, день входит в свой безопасный дневной ритм. [355]

Join: (O3) if one person or vehicle joins another, they move or go to the same place, for example so that both of them can do something together [295].

Naked: (O3) someone who is naked is not wearing any clothes [295].

Lonely: (O3) someone who is lonely is unhappy because they are alone or do not have anyone they can talk to.

В авторском тексте кумулятивным способом создается образ минут как совокупности живых существ. Кумулятивность средств актуализации категории одушевленности представлена и в переводе.

Ослабление авторской персонификации в переводе

Выборка содержит один пример ослабленной степени авторской персонификации времени:

120. *At the end of this wounded, dishonest season <...>* [389]

А в конце этого коварного и обманчивого времени года <...> [326]

Wounded: (O3) inflicted with a wound; injured [301].

Dishonest: (O3) behaving or prone to behave in an untrustworthy, deceitful, or insincere way [301].

Прилагательные *wounded* и *dishonest*, выступающие в качестве определения к существительному *season*, сочетаются с одушевленными существительными. Переводчик употребил синкретичное прилагательное *коварный* (напр., *коварный враг*; *коварная болезнь* [283]) и прилагательное *обманчивый*, которое в современном русском языке тяготеет к неодушевленному существительному (*обманчивые слова*; *обманчивая погода* [283]), в результате чего произошло ослабление персонификации в русском тексте.

Нейтрализация авторской персонификации в переводе

Как и в случае с рассмотренными ранее КС, нейтрализация персонификации времени может быть вызвана отсутствием в языке перевода аналогичного средства актуализации категории одушевленности:

121. *It was one of those moments of perfect tiredness, of having conquered not only the work at hand, but the night who had blocked the way.* [436]

Одно из тех мгновений абсолютной усталости и преодоления не только урочной работы, но и ночи, что преграждала путь. [327]

Авторский образ ночи как живого существа реализуется за счет грамматического средства стилистики – относительного местоимения *who*. В переводе же сема одушевленности нейтрализуется. Глагол *преграждать* не позволяет ее актуализовать, поскольку он сочетается как с одушевленными, так и неодушевленными существительными.

Сводные результаты переводческого анализа примеров персонификации элементов КС «Время» представлены в таблице 18:

Таблица 18. Распределение примеров персонификации времени по вариантам передачи в переводе

Передача персонификации в переводе	Кол-во пр.
Сохранение узуальной персонификации	5
Нейтрализация узуальной персонификации	5
Σ	10
Сохранение авторской персонификации	26
Ослабление авторской персонификации	1
Нейтрализация авторской персонификации	2
Σ	29

4.2. Персонификация с актуализацией категории гендера в аспекте перевода

В англоязычной прозе персонификация с актуализацией категории гендера встречается значительно реже, чем персонификация без ее актуализации (173 примера из 1067; 16,2%). При анализе языкового материала примеры персонификации с актуализацией категории гендера рассматривались отдельно. В данном разделе они анализируются на предмет передачи сем одушевленности и гендера, актуализованных в оригинале. Для ситуаций соответствия грамматического рода существительного в русском переводе гендеру, актуализованному в оригинальном тексте, используется обозначение «гендерная эквивалентность», а для ситуаций несоответствия – обозначение «гендерный сдвиг».

4.2.1. Передача персонификации элементов окружающего мира в переводе

Элементы окружающего мира наиболее часто по сравнению с элементами других КС выступают объектами персонификации с актуализацией категории гендера (95 примеров из 173; 54,9%). Объектами персонификации в рамках данной КС выступают преимущественно животные (58 примеров из 95; 61%). Значительную часть из проанализированных примеров составляют авторские персонификации животных, характерные для произведений А. Бирса в силу их жанровой принадлежности.

Гендерная эквивалентность оригинала и перевода

Гендерная эквивалентность может являться результатом подбора переводного эквивалента, имеющего род, который коррелирует с актуализованным в оригинале гендером:

122. *Then the wonderfulest thing, Mouse puts his mouth out <...> [388]*

И тут происходит чудо — мышонок высовывает свой нос <...> [324]

В английском языке традиционной по отношению к животным считается местоименная референция посредством местоимения *it*, не имеющего гендерной маркировки. Исключение составляют ситуации, когда пол животного важен для говорящего. Однако в узусе также встречаются случаи употребления местоимения *he* для указания на любое животное, что демонстрирует пример 122. Дополнительный маркер персонификации – прописная буква в написании существительного *Mouse*. Поскольку в авторском тексте описывается живое существо, сема одушевленности автоматически переносится в текст перевода. Возможно, переводчик употребил диминутив *мышонок*, имеющий мужской род, а не существительное *мышь* или диминутив *мышка*, чтобы передать гендер, актуализованный в исходном тексте.

Достаточно часто гендерная эквивалентность является следствием совпадения актуализованного в авторском тексте гендера и грамматического рода переводного эквивалента и не представляет собой результат принятия особых переводческих решений (примеры 123–126):

123. *An Eagle was once captured by a Man, who clipped his wings and put him into the poultry yard, along with the chickens.* [372]

Человек поймал Орла, подрезал ему крылья и пустил его к цыплятам на птичий двор. [308]

124. *A Swallow who had built her nest in a court of justice reared a fine family of young birds.* [372]

Ласточка свила гнездо в здании суда и вырастила поистине замечательный выводок птенцов. [308]

В обоих примерах наблюдается автоматическое сохранение семы одушевленности, поскольку в них представлена персонификация животных. Гендерная эквивалентность, которая вызвана совпадением грамматического рода переводного эквивалента и актуализованного в авторском тексте гендера, не является результатом употребления переводчиком замен или

ситуативных эквивалентов, т.е. не достигается путем креативных преобразований.

В следующем примере представлена актуализация гендера при персонификации неживого объекта:

125. *The moon grew hungry, thinner and thinner, until she was just a slice of herself, and her tips were as sharp as a knife.* [420]

У Луны пропал appetite, она худела на глазах, пока от нее не осталась только тонкая долька с острыми, как нож, кончиками. [341]

Hungry: (O3) feeling or showing the need for food [301].

Данный пример содержит традиционное для англоязычной лингвокультуры приписывание Луне женского гендера. Актуализация категории одушевленности в оригинальном тексте осуществляется посредством единиц *hungry, she, herself, her, худеть*, т.е. кумулятивным способом, который, как было показано ранее, способствует сохранению персонификации при переводе. Как и в случае с примерами 123 и 124, гендерная эквивалентность не является следствием использования переводческих замен.

Гендерная эквивалентность может сопровождаться потерей семы одушевленности в переводе при персонификации неодушевленных предметов посредством единичного гендерного местоимения:

126. *You paint Nature at her rawest, in man and in landscapes.* [397]

Вы рисуете природу в самых диких ее проявлениях, будь то пейзаж или человеческое сердце. [320]

В случае с существительным *nature* узус допускает референцию посредством местоимения *she*, т.е. данный пример демонстрирует узуальную персонификацию, которая подчеркивается написанием существительного с прописной буквы. Хотя переводной эквивалент имеет род, соответствующий актуализованному в тексте гендеру, сема одушевленности в переводе теряется, поскольку местоимения в русском языке не имеют маркировки по признаку одушевленности / неодушевленности.

Гендерный сдвиг в переводе

Основная причина гендерного сдвига в переводе персонификаций элементов окружающего мира – это расхождение между актуализованным в авторском тексте гендером и грамматическим родом существительного, обозначающего объект персонификации в русском языке, что иллюстрируют примеры 127–130:

127. *A sparrow lay dead on the backseat. She had found her way in through a hole in the windscreen <...>. [423]*

На заднем сиденье лежалдохлый воробей. Он залетел внутрь через пробоину в ветровом стекле <...>. [342]

В разговорной речи носители английского языка могут использовать гендерные местоимения для указания на животное, которое не является домашним, однако в таких случаях преимущественно актуализуется мужской гендер. Причина актуализации женского гендера является дискуссионной, поскольку в широком контексте не выявлено признаков необходимости акцентировать внимание на биологическом поле животного (например, в тексте не описывается выращивание птицей потомства). Вероятно, персонификация была «считана» переводчиком как узуальная, из-за чего сохранение актуализованного в авторском тексте гендера не ставилось в качестве приоритетной задачи.

128. *The stars kept coming, until they made the sky so bright that the sun got jealous. He invited the stars to his side of the world <...> [420]*

Звезды все сыпались и сыпались, пока небо не стало таким ярким, что Солнце начало завидовать. Оно пригласило звезды в свою половину мира <...> [341]

Jealous: (O3) feeling or showing an envious resentment of someone or their achievements, possessions, or perceived advantages [301].

Invite: (O3) make a polite, formal, or friendly request to (someone) to go somewhere or to do something [301].

Данный пример тематически связан с рассмотренным ранее примером 125, в котором представлена персонификация Луны. Денотаты, обозначаемые существительными *sun* и *moon* в примерах 125 и 128, оказываются противопоставленными друг другу в авторском тексте за счет употребления составляющих дихотомию гендерных местоимений. Поскольку существительное *солнце* имеет средний род, перевод не отражает заложенного автором в текст противопоставления объектов по принципу «мужское – женское». Вместе с тем актуализация категории одушевленности, реализуемая кумулятивным способом за счет единиц *jealous*, *he*, *invite*, *his* в оригинальном тексте, присутствует в переводе и обеспечивается личными формами глаголов *завидовать*, *приглашать*.

129. <...> *the sky slowly pulled up its blue dress to reveal night.* [392]

<...> *небо неторопливо стягивало через голову голубой наряд, обнажая ночь.* [353]

Pull: (O3) *when you pull something, you hold it firmly and use force in order to move it towards you or away from its previous position* [295].

Dress: (O3) *a dress is a piece of clothing worn by a woman or girl* [295].

Глагол *pull* и существительное *dress*, входящие в группу сказуемого, обеспечивают актуализацию семы одушевленности в значении существительного *sky*. Кроме того, употребление существительного *dress* актуализует женский гендер. Созданию образа живого существа также способствует инфинитив цели *to reveal*. Категория одушевленности актуализуется в переводе за счет глагола *стягивать* и существительного *наряд*, а также посредством добавления соматизма (*через голову*), способствующего усилению экспрессивности, однако прямая передача предметного значения посредством существительного среднего рода *небо* не позволила отобразить женский гендер и, возможно, также стала причиной гендерного сдвига в переводе существительного *dress*.

130. *Plant used to live on Table but God's face burned a leaf of her off.* [388]

Цветок раньше жил на столе, но лицо Бога сожгло у него лист. [324]

Live: (O3) remain alive; (B3) informal (of an object) be kept in a particular place [301].

Средствами персонификации в данном примере служат гендерное местоимение *her* и глагол *live*. *Plant* обозначает статичный предмет, испытывающий на себе внешнее воздействие. Для романа, послужившего источником данного примера, характерно приписывание женского гендера предметам, характеризующимся пассивностью и слабостью (см. комментарий к примерам 17 и 18). Значение одушевленности сохраняется в переводе за счет глагола *жить*, однако существительное *цветок* имеет мужской род, в результате чего между оригиналом и переводом наблюдается гендерный конфликт.

Сводные результаты переводческого анализа примеров персонификации элементов КС «Окружающий мир» с актуализацией категории гендера представлены в таблице 19:

Таблица 19. Распределение примеров персонификации элементов окружающего мира с актуализацией гендера по вариантам передачи в переводе

Передача гендерной персонификации в переводе	Кол-во пр.
Гендерная эквивалентность + сохранение одушевленности	52
Гендерная эквивалентность + нейтрализация одушевленности	1
Гендерный сдвиг + сохранение одушевленности	42
Гендерный сдвиг + нейтрализация одушевленности	0
Σ	95

4.2.2. Передача персонификации артефактов в переводе

Персонификация артефактов с актуализацией категории гендера содержится в 47 примерах (27,2% из 173 примеров). Основную часть (27 примеров из 48; 56,3%) составляют персонификации артефактов, представленные в романе *Room* Э. Донохью, в котором приписывание предметам гендера является сквозным стилистическим приемом.

Гендерная эквивалентность оригинала и перевода

Как и при переводе персонификаций объектов КС «Окружающий мир», гендерная эквивалентность при переводе персонификаций артефактов может выступать следствием совпадения грамматического рода переводного коррелята и актуализованного в авторском тексте гендера:

131. *Bouncy Ball loves to get lost in Labyrinth and hide, I have to call out to him <...> [388]*

Мячик очень любит прятаться в лабиринте, и мне приходится звать его оттуда <...> [324]

Love: (O3) like or enjoy very much [301].

Hide: (O3) conceal oneself [301].

Call: (O3) cry out to (someone) in order to summon them or attract their attention [301].

Актуализация категории одушевленности происходит и в оригинальном тексте, и в переводе кумулятивным способом. Переводной коррелят словосочетания *Bouncy Ball* – существительное *мячик* – имеет мужской род, т.е. в данном примере наблюдается гендерная эквивалентность.

Сохранение персонификации при переводе не гарантируется гендерной эквивалентностью. Если средством персонификации выступает единичное гендерное местоимение, то при переводе сема одушевленности обычно оказывается утраченной:

132. *Fort's made of cans and vitamin bottles, we build him bigger every time we have an empty. [388]*

Замок сделан из консервных банок и бутылочек из-под витаминов, и мы надстраиваем его, когда у нас появляются пустые. [324]

Объекту, обозначаемому словом *Fort*, говорящий приписывает мужской гендер. Очевидно, это связано с тем, что в сознании рассказчика данный объект обладает признаком силы (см. комментарий к примерам 17 и 18). Русское существительное *замок* имеет мужской род, т.е. наблюдается гендерная эквивалентность, однако единицы контекста не обеспечивают актуализацию категории одушевленности.

Различия между оригиналом и переводом с точки зрения количества средств персонификации влияют на степень ее выраженности:

133. *I go into the kitchen, but the Braun coffeemaker I've programmed to have my hazelnut ready at this very moment hasn't done its job. I check Eva's plug and press some of her buttons, but the whole LED display is shot <...>*

“Is she under warranty?” [420]

Я пошла в кухню, но кофеварка, которую я запрограммировала, чтобы к моему возвращению ореховый капучино был готов, не сработала. Я проверила, включена ли Ева в сеть, нажала на все кнопочки, но дисплей не загорался <...>

– Срок гарантии еще не закончился? [341]

Наделение объекта, обозначаемого существительным *coffeemaker*, женским гендером осуществляется посредством гендерного местоимения *her* и присвоения объекту женского имени. Совпадение грамматического рода существительного *кофеварка* с актуализованным в авторском тексте гендером обеспечило гендерную эквивалентность, однако в переводе наблюдается ослабление степени выраженности признака одушевленности, поскольку он актуализуется за счет единичного имени собственного, в то время как в оригинале средством персонификации также выступает гендерное местоимение.

Гендерный сдвиг в переводе

Гендерный сдвиг при переводе персонификаций артефактов может выступать результатом использования переводческих замен и трансформаций:

134. *If I flip both the same time, Jeep gets paralyzed like by a poison dart, he says argbbbbb. [388]*

Если же я нажму обе одновременно, машину парализует, словно в нее попала отравленная стрела, и она говорит argxxx. [324]

Paralyzed: (O3) (a person or part of the body) partly or wholly incapable of movement [301].

Say: (O3) utter words so as to convey information, an opinion, a feeling or intention, or an instruction [301].

Объект персонификации, обозначенный существительным *Jeep*, обладает признаками движения и активности, что послужило основой приписывания ему в оригинале мужского гендера (см. комментарий к примерам 17 и 18, а также примеры 131 и 132). Актуализация категории одушевленности в переводе обеспечивается посредством глаголов *парализовать* и *говорить*, однако употребление существительного *машина*, отражающего генерализованное значение исходного существительного, приводит к гендерному конфликту между оригиналом и переводом.

Гендерный сдвиг также является следствием расхождения между актуализованным в авторском тексте гендером и грамматическим родом переводного коррелята:

135. <...> *Ma leans out of Bed to switch on Lamp, he makes everything light up whoosh.* [388]

<...> *Ма свешивается с кровати и включает лампу. Со звуком вуш вся комната освещается.* [324]

Предмет, обозначаемый существительным *Lamp*, обладает способностью изменять окружающую обстановку, что отражено в каузативной конструкции и, по-видимому, послужило рассказчику основанием надления данного предмета мужским гендером. Между родом русского существительного *лампа* и актуализованным в авторском тексте гендером наблюдается конфликт. Кроме того, в результате смены субъектно-объектных отношений при переводе произошла нейтрализация семы одушевленности.

Сводные результаты переводческого анализа примеров персонификации элементов КС «Артефакты» с актуализацией категории гендера представлены в таблице 20.

Таблица 20. Распределение примеров персонификации артефактов с актуализацией категории гендера по вариантам передачи в переводе

Передача гендерной персонификации в переводе	Кол-во пр.
Гендерная эквивалентность + сохранение одушевленности	8
Гендерная эквивалентность + нейтрализация одушевленности	7
Гендерный сдвиг + сохранение одушевленности	6
Гендерный сдвиг + нейтрализация одушевленности	26
Σ	47

4.2.3. Передача персонификации элементов антропосферы в переводе

Элементы антропосферы реже персонифицируются с актуализацией категории гендера по сравнению с элементами окружающего мира и артефактами (21 пример из 173; 12,1%). Вероятно, это вызвано тем, что многие из них носят абстрактный, а не предметный характер.

Гендерная эквивалентность оригинала и перевода

Как и в случае с переводом персонификаций элементов окружающего мира и артефактов, гендерная эквивалентность при переводе персонификаций элементов антропосферы преимущественно является результатом совпадения актуализованного в авторском тексте гендера и грамматического рода переводного коррелята (примеры 136 и 137):

136. *The silence gathered its skirts and slid, like Spider Woman, up the slippery bathroom wall.* [423]

Тишина подобрала юбки и скользнула, как Человек-паук, вверх по гладкой стене ванной. [342]

Gather: (O3) if you gather things, you collect them together so that you can use them [295].

Skirt: (O3) a skirt is a piece of clothing worn by women and girls [295].

Slide: (O3) if you slide somewhere, you move there smoothly and quietly [295].

В авторском тексте персонификация абстракции осуществляется посредством совокупности контекстуальных единиц, среди которых представлена единица, имеющая гендерную окраску (существительное *skirts*). Кумулятивный способ персонификации представлен и в тексте

перевода. Женский род существительного *тишина* обеспечивает гендерную эквивалентность. Отметим параллельный гендерный сдвиг в переводе имени собственного *Spider Woman*. Возможно, он вызван своеобразной локализацией перевода, а именно выбором в пользу ставшего нарицательным имени персонажа, более знакомого русскоязычному читателю.

137. *A weary Traveler <...> was discovered by Dame Fortune.* [372]

Фортуна увидела, что усталый Путешественник <...> [308]

Discover: (O3) *find unexpectedly or during a search* [295].

Dame Fortune: (O3) *(literary) the personification of fortune as a woman* [295].

Данный пример перекликается с рассмотренным ранее примером 27, в котором представлена узуальная персонификация удачи в английском языке с приписыванием женского гендера. Русское существительное *фортуна* имеет женский род, что обеспечивает гендерную эквивалентность перевода и оригинала. Актуализация категории одушевленности в переводе происходит посредством глагола *увидеть* в функции сказуемого.

Передача в переводе узуальной персонификации с актуализацией категории гендера, осуществляемой посредством единичного гендерного местоимения, может сопровождаться потерей семы одушевленности:

138. *<...> life as she is lived had a way of being curiously different from life as described by novelists.* [397]

<...> почти все, что Флора до сих пор наблюдала в жизни, решительно не походило на описания в романах. [320]

В авторском тексте представлена персонификация жизни с актуализацией женского гендера, которая, как показывают корпусные данные [305], является узуальной. Совпадение рода существительного *жизнь* с актуализованным в авторском тексте гендером обеспечивает гендерную эквивалентность, однако отсутствие в переводе единиц контекста, актуализующих в значении данного существительного сему одушевленности, приводит к нейтрализации персонификации.

Гендерный сдвиг в переводе

Как было отмечено в предыдущих разделах, гендерные сдвиги зачастую являются следствием расхождения между актуализованным в авторском тексте гендером и грамматическим родом русского эквивалента обозначения объекта персонификации. Это демонстрируют примеры 134 и 135:

139. “*When death captures me,*” *the boy vowed, “he will feel my fist on his face.”* [436]

Когда смерть меня схватит, поклялся тогда мальчик, она почувствует у себя на роже мой кулак. [327]

Capture: (O3) *take into one's possession or control by force* [301].

Feel: (O3) *be aware of (a person or object) through touching or being touched* [301].

Face: (O3) *the front part of a person's head from the forehead to the chin, or the corresponding part in an animal* [301].

В англоязычной лингвокультуре существует традиционная интерпретация смерти как живого существа, имеющего мужской пол. Сема одушевленности сохранена в переводе и актуализуется, как и в авторском тексте, кумулятивным способом, однако русское существительное *смерть* является гендерно противоположным. Вероятно, переводчик не стремился к достижению гендерной эквивалентности по причине узуральности персонификации.

140. *When sorrow ceases to be speculative, sleep sees her opportunity.* [402]

Когда скорбь становится бездумной, сон вступает в свои права. [319]

See: (O3) *when you see something, you notice it using your eyes* [295].

Возможно, актуализация женского гендера обусловлена опорой автора на прецедентные тексты – произведения предшественников. В частности, историческая хроника Шекспира «Генрих IV» содержит персонификацию сна в образе женщины [230, с. 149]. Группа сказуемого в переводе обеспечивает передачу семы одушевленности, однако между оригиналом и переводом наблюдается гендерный конфликт.

Гендерный сдвиг с потерей семы одушевленности может быть вызван опущением при переводе:

141. *Maybe they were simply nice people who could hold meanness toward each other for just so long and when trouble rode bareback among them, quickly, easily they did what they could to trip him up.* [416]

Скорее всего, это были просто хорошие, добрые люди, которые могли неприязненно относиться к их семье, однако, узнав о несчастье, тут же бросились на помощь. [338]

Ride: (O3) *sit on and control the movement of (an animal, typically a horse)* [301].

Trip up: (O3) *cause to stumble and fall* [301].

В оригинале абстракция, обозначаемая существительным *trouble*, наделяется мужским гендером и предстает в образе всадника. Данный образ отсутствует в переводе. Перевод содержит существительное среднего рода *несчастье*, в значении которого не происходит актуализации сем одушевленности и мужского гендера.

Сводные результаты переводческого анализа примеров персонификации элементов КС «Антропосфера» с актуализацией категории гендера представлены в таблице 21.

Таблица 21. Распределение примеров персонификации элементов антропосферы с актуализацией категории гендера по вариантам передачи в переводе

Передача гендерной персонификации в переводе	Кол-во пр.
Гендерная эквивалентность + сохранение одушевленности	13
Гендерная эквивалентность + нейтрализация одушевленности	2
Гендерный сдвиг + сохранение одушевленности	5
Гендерный сдвиг + нейтрализация одушевленности	1
Σ	21

4.2.4. Передача персонификации пространства в переводе

Проанализированная выборка содержит семь примеров персонификации локативов с актуализацией категории гендера (4% из 173 примеров). При сравнении их с переводом ни в одном случае не наблюдается

одновременного сохранения семы одушевленности и гендерной эквивалентности.

142. *"This is a city of water," said Mr. Garner. <...> A queen of a city, Jenny."* [416]

– *Это город на воде, – сказал мистер Гарнер. <...> Это прекрасный город, Дженни, король городов.* <...> [338]

Queen: (B3) a woman or thing regarded as the finest or most outstanding in a particular sphere or group [301].

Данный пример демонстрирует сохранение семы одушевленности и гендерный сдвиг. Очевидно, переводчик осуществил лексическую замену и употребил существительное мужского рода *король*, находящееся в гендерном конфликте с актуализованным в авторском тексте гендером, поскольку русский переводной эквивалент слова *city* (*город*) имеет мужской род.

Для узуальных персонификаций, реализованных посредством единичного гендерного местоимения, характерна потеря семы одушевленности при переводе (примеры 143 и 144):

143. *Many teachers of English, like Vinnie, fall in love with England as well as with her literature.* [411]

Многие преподаватели английского, как и Винни, влюбляются в Англию и в ее литературу. [332]

Данный пример демонстрирует гендерную эквивалентность, однако актуализация категории одушевленности не получила отражения в переводе.

В следующем примере представлены нейтрализация семы одушевленности и гендерный сдвиг:

144. *Cairo and all her deserts around us.* [419]

Вокруг нас были Каир и все пустыни. [340]

Сводные результаты переводческого анализа примеров персонификации элементов КС «Пространство» с актуализацией категории гендера представлены в таблице 22.

Таблица 22. Распределение примеров персонификации пространства с актуализацией категории гендера по вариантам передачи в переводе

Передача гендерной персонификации в переводе	Кол-во пр.
Гендерная эквивалентность + сохранение одушевленности	0
Гендерная эквивалентность + нейтрализация одушевленности	4
Гендерный сдвиг + сохранение одушевленности	1
Гендерный сдвиг + нейтрализация одушевленности	2
Σ	7

4.2.5. Передача персонификации времени в переводе

В проанализированной выборке представлено всего три примера гендерной персонификации времени (1,7% из 173 примеров), объединенные общим признаком: актуализацией женского гендера в отношении времен года и месяцев:

145. *The Autumn gave golden fruit to every garden, but to the Giant's garden she gave none.* [433]

Осень принесла золотые плоды в каждый сад, но даже не заглянула в сад Великана. [349]

Give: (O3) freely transfer the possession of (something) to (someone) [301].

146. *<...> summer had been liberal in her gifts.* [402]

<...> лето щедро раздавало свои дары. [319]

Liberal: (B3) (of a person) giving generously [301].

147. *September came with its skirts of fire.* [391]

Пришел сентябрь с волнами пожаров. [352]

Come: (O3) when a person or thing comes to a particular place, especially to a place where you are, they move there [CC].

Skirt: (O3) a skirt is a piece of clothing worn by women and girls [295].

В примере 145 наблюдается гендерная эквивалентность. В примере 146 – гендерный сдвиг, вызванный отсутствием в русском языке переводного коррелята женского рода. В примере 147 также наблюдается гендерный сдвиг, который, по всей видимости, вызван межъязыковым гендерным конфликтом: существительное *сентябрь* имеет мужской род и не обладает

синонимами женского рода, однако существительное *skirt*, представленное в авторском тексте, требует актуализации в переводе женского гендера. Лексическая замена, являющаяся следствием гендерного конфликта, привела к ослаблению персонификации, поскольку глагол *приходить* узואально сочетается с существительными темпоральной семантики, однако сема одушевленности в переводе присутствует.

Сводные результаты переводческого анализа примеров персонификации элементов КС «Время» с актуализацией категории гендера представлены в таблице 23.

Таблица 23. Распределение примеров персонификации времени с актуализацией категории гендера по вариантам передачи в переводе

Передача гендерной персонификации в переводе	Кол-во пр.
Гендерная эквивалентность + сохранение одушевленности	1
Гендерная эквивалентность + нейтрализация одушевленности	0
Гендерный сдвиг + сохранение одушевленности	2
Гендерный сдвиг + нейтрализация одушевленности	0
Σ	3

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 4

1. Персонификация в англоязычной прозе обладает определенной спецификой с точки зрения переводческого потенциала. Узуальные персонификации без актуализации категории гендера реже сохраняются при переводе, чем авторские персонификации. В проанализированной выборке узуальные персонификации сохранены только в 55% случаев, большинство из которых объясняется наличием в двух лингвокультурах схожих концептуализаций неживых предметов в образах живых существ. Высокая частота нейтрализации в переводе вызвана особенностями английского языка, а именно его агентивностью, а также наличием в нем большого количества признаков лексических единиц, не имеющих избирательности в плане сочетаемости по признаку одушевленности / неодушевленности. Нейтрализация узуальной персонификации также происходит как результат расхождений между двумя языками в плане концептуализации предметов и абстракций. Так, например, для англоязычной лингвокультуры более характерна интерпретация эмоций и текстов в образе живых существ. Кроме того, нейтрализацию узуальной персонификации вызывают индивидуальные переводческие решения.

2. Узуальные персонификации без актуализации категории гендера могут усиливаться в переводе, однако подобное усиление происходит достаточно редко (3,2% примеров). К факторам, способствующим усилению узуальной персонификации в переводе, относятся переводческая вольность, проявляющаяся в форме лексических добавлений, и интерпретация средства персонификации в основном значении вместо второстепенного, актуализованного в авторском тексте. Наличие лексических добавлений может быть вызвано использованием приема компенсации потерь.

3. Авторские персонификации без актуализации категории гендера имеют более высокий переводческий потенциал по сравнению с узуальными персонификациями. В проанализированной выборке они сохранены в 86,3%

случаев. Очевидно, это связано со стремлением переводчиков передавать авторские образы и стиль максимально точно. Высокий потенциал к сохранению при переводе имеют авторские персонификации, реализованные кумулятивным способом или же являющиеся сквозными, а также представляющие собой развитие устоявшегося в лингвокультуре персонифицированного образа.

4. Авторские персонификации без актуализации категории гендера могут подвергаться ослаблению (5,2% примеров) и нейтрализации (8,2% примеров) по ряду причин. И ослабление, и нейтрализация авторской персонификации могут быть результатом как системного различия между двумя языками, так и принятых переводческих решений. Системным различием является противопоставленность относительных местоимений *who* и *which* по признаку одушевленности / неодушевленности и отсутствие маркированности по данному признаку у союзного слова *который*. К переводческим решениям, следствием которых является ослабление или нейтрализация авторской персонификации, относятся выбор переводного эквивалента, имеющего широкую сочетаемость по признаку одушевленности / неодушевленности или же не имеющего маркированности по признаку одушевленности, выбор переводного эквивалента, актуализующего в переводе прямое значение вместо переносного, представленного в оригинале, применение синтаксических трансформаций, использование сравнений, а также использование приема опущения. Мотивированность данных переводческих решений является дискуссионным вопросом и открыта для интерпретаций.

5. Актуализация гендера при персонификации в англоязычном тексте снижает ее потенциал быть эквивалентно переведенной на русский язык. В проанализированной выборке гендерная эквивалентность и сохранение семы одушевленности наблюдаются только в 42,8% случаев. Низкий переводческий потенциал гендерной персонификации связан с необходимостью одновременной передачи сем одушевленности и гендера.

Решение данной задачи усложняет наличие в русском языке категории грамматического рода, способной стать препятствием на пути подбора ситуационного эквивалента, который обеспечил бы передачу в переводном тексте актуализованного в оригинале гендера, а также отсутствие маркированности по признаку одушевленности у личных местоимений *он / она* и их падежных форм. Персонификации, осуществляемые посредством единичных личных местоимений, подвергаются нейтрализации при переводе на русский язык, если они не подкрепляются другими единицами контекста, обеспечивающими актуализацию категории одушевленности. При кумулятивном способе персонификации вероятность сохранения семы одушевленности увеличивается, однако возможны гендерные сдвиги. Таким образом, персонификации с актуализацией категории гендера могут потребовать от переводчика приложения креативных усилий. Отметим, что переводчики далеко не всегда демонстрируют установку на передачу гендера в переводе, тем самым в некоторых случаях лишая русскоязычного читателя возможности увидеть смыслы, заложенные в авторском тексте.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Категории одушевленности и гендера, актуализуясь в английском языке, зачастую отображают не реальные характеристики денотата, а характер его восприятия человеком. Это позволяет классифицировать их как интерпретативные категории, обладающие высоким прагматическим потенциалом.

Данный потенциал реализуется посредством персонификации, которая представляет собой отдельную исследовательскую проблему в связи с неоднозначностью интерпретации и категоризации данного явления. Под персонификацией в рамках настоящего исследования понимается явление, которое находится в отношениях пересечения с метафорой и, подобно метафоре, получает выражение как на уровне языковой системы, выступая инструментом семантической деривации, так и на уровне речи, являясь элементом стилистики. Это делает целесообразным рассмотрение персонификации с широких позиций и использование комплексного подхода для ее изучения. Вместе с тем необходимо подчеркнуть самостоятельность персонификации как объекта исследования в связи со сложностью ее природы, имеющей не только когнитивные, но и мотивационные основания, а именно стремление человека к социализации, управлению окружающей средой и взаимодействию с ней.

На уровне системы английского языка результаты действия механизма персонификации представлены в виде ряда лексико-семантических групп полисемантических единиц, отмеченных персонификационным переносом из концептосфер «Человек» и «Животный мир», среди которых по признаку количества выделяются группы глаголов движения, физического воздействия и речи, а также группа соматизмов, что является наглядным подтверждением активно разрабатываемой с конца XX века теории воплощенного познания. Способность к самостоятельному передвижению является одной из основных характеристик человека и животных, а тело – призмой, сквозь которую

человек исторически осмыслял мир и «примерял» его на себя. При этом, по всей видимости, в англоязычной лингвокультуре биологический пол не играл большой роли в качестве признака, лежащего в основе формирования переносных значений у лексических единиц, поскольку полисемантические слова, маркированные в своем основном значении категорией гендера, преимущественно теряют эту маркировку в переносных значениях.

На уровне речи, а именно в англоязычной прозе, объектами персонификации выступают элементы концептуальных сфер «Окружающий мир», «Антропосфера», «Артефакты», «Время», «Пространство». Наиболее распространенными объектами персонификации являются элементы, входящие в концептуальную сферу «Окружающий мир», которые, очевидно, исторически являлись для мыслящего сознания основными объектами перцепции и интерпретации.

Наиболее частотным средством актуализации семы одушевленности в значении неодушевленных существительных в англоязычной прозе является маркированный семой одушевленности глагол. Глагольная персонификация характерна для узуальных образований, демонстрирующих осмысление в образах живых существ таких объектов окружающего мира, как огонь, воздух и вода, что отображает архетипическое восприятие человеком своей среды обитания. Реже всего средствами персонификации выступают признаковые части речи: прилагательные и наречия.

Для авторских персонификаций в англоязычной прозе характерна актуализация категории одушевленности кумулятивным способом, а именно посредством совокупности единиц, маркированных семой одушевленности. Это соответствует целям создания вторичной образности, т. е. индивидуальной выразительности художественного произведения.

Необходимо отметить, что граница между узуальными и авторскими персонификациями является нечеткой. Лексикографические источники, на основании которых проводилось разделение персонификаций на две группы, обновляются не с той скоростью, с которой развивается язык, а также

содержат отличные друг от друга трактовки лексических единиц, что является еще одним свидетельством интерпретативности категорий одушевленности и гендера и размытости их границ.

Персонификация с актуализацией категории гендера в англоязычной прозе является гораздо более редким явлением, чем персонификация без ее актуализации. Она представлена или узуальными оборотами с гендеризацией объектов, принадлежащих к определенным категориям, или окказиональными образованиями, позволяющими автору реализовать идею произведения. При этом окказиональные образования практически не встречаются в текстах, опубликованных с конца XX века. Возможно, в некоторой степени это обусловлено движением языка в сторону гендерной нейтральности, вызванным распространением практики политической корректности. Кроме того, основная масса проанализированных в настоящем исследовании произведений носит реалистический характер; их авторы не стремятся к созданию параллельных миров или иной реальности, как это происходит в жанрах научной фантастики, фэнтези или народной сказки. Помимо жанровой принадлежности произведения, к факторам, влияющим на частоту встречаемости различных видов и типов персонификации в англоязычной прозе, относятся авторская интенция и особенности авторского идиолекта.

С точки зрения переводческого потенциала персонификация в англоязычной прозе имеет градуальный характер, зависящий от ее вида (узуальная / авторская) и типа (с актуализацией / без актуализации категории гендера). При передаче персонификации в переводах на русский язык наблюдаются следующие ступени: 1) нейтрализация; 2) ослабление; 3) сохранение; 4) усиление.

Авторская персонификация в англоязычной прозе имеет более высокий переводческий потенциал по сравнению с узуальной персонификацией. Сохранению авторских персонификаций способствует их кумулятивный характер, снижающий вероятность потерь при переводе, а также установка на

создание в переводном тексте образности, максимально близкой к содержащейся в оригинале. Вместе с тем эта установка не является универсальной, свидетельством чего выступают примеры нейтрализации авторских персонификаций посредством опущения.

Нейтрализация узуальных персонификаций происходит по ряду причин. К ним относятся системные различия между двумя языками, такие как высокая степень агентивности английского языка, отсутствие в нем категории рода и, как средство, интерпретативность категории гендера. Кроме того, нейтрализацию узуальных персонификаций в переводе вызывают расхождения между двумя лингвокультурами в интерпретации и концептуализации неодушевленных объектов в образах живых существ. В частности, для англоязычной лингвокультуры более характерны персонификации эмоций и текстов.

Персонификация с актуализацией гендера в художественных произведениях представляет собой отдельную переводческую проблему, поскольку адекватная ее передача в тех случаях, когда она не носит узуального характера, требует одновременной передачи и семы одушевленности, и семы гендера путем преодоления ограничений, которые накладывает на выбор вариантов перевода грамматическая категория рода в переводящем языке. Исследование показало, что данный вид персонификации характеризуется наибольшим количеством потерь при переводе.

Несмотря на то, что типологические различия между английским и русским языками являются весомым фактором, способным приводить к нейтрализации персонификации в переводе, не меньшую важность имеют особенности языковой личности переводчика, а именно развитость его иноязычной компетенции и принимаемые им переводческие решения. В ходе исследования было выявлено, что нейтрализация персонификации может выступать следствием синтаксических переводческих трансформаций, выбора переводного эквивалента, приводящего к актуализации в переводе

прямого значения вместо переносного, а также использования приема опущения. Таким образом, для адекватной передачи актуализованных в прозе категорий одушевленности и гендера существенную роль играют креативное мышление переводчика, внимание к нюансам авторского стиля и стремление донести их до реципиента перевода.

Для дальнейшей разработки перспективными видятся следующие направления:

1. изучение особенностей актуализации категорий одушевленности и гендера в английском языке при персонификации в различных литературных жанрах (напр., фэнтези, научная фантастика, народная сказка, поэзия) и типах дискурса;
2. исследование особенности актуализации категорий одушевленности и гендера при персонификации в речи автора и / или персонажей в аспекте таких социальных и личностных характеристик, как пол, возраст, род занятий, статус и т. д.;
3. анализ переводческого потенциала англоязычных персонификаций в различных языковых парах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Научная литература

1. Абросимова, Л. С. Словообразовательная категоризация в языковой картине мира: на материале отсоматической лексики английского языка: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19, 10.02.04 / Абросимова Лариса Сергеевна. – Ростов-на-Дону, 2015. – 425 с.
2. Азнабаева, Л. А. Антропоморфизм животных и проблемы перевода / Л. А. Азнабаева // Вестник Башкирского университета. – 2019. – Т. 24. – № 1. – С. 124–128.
3. Аксенов, А. Т. К проблеме экстралингвистической мотивации грамматической категории рода / А. Т. Аксенов // Вопросы языкознания. – 1984. – № 1. – С. 14–25.
4. Алексеева, И. С. Введение в переводоведение / И. С. Алексеева. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 352 с.
5. Алпатов, В. М. История лингвистических учений: учеб. пособие / В. М. Алпатов. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 368 с.
6. Алпатов, В. М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку / В. М. Алпатов // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3. – С. 15–26.
7. Античные теории языка и стиля (антология текстов) / под общ. ред. О. М. Фрейденберг. – Ленинград: Соцэкгиз, 1936. – 341 с.
8. Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Иваново: Гнозис, 2007. – 511 с.
9. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Том 1. Лексическая семантика / Ю. Д. Апресян. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 472 с.
10. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Том 2. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 769 с.

11. Аракин, В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков: учеб. пособие / В. Д. Аракин. – 3-е изд. – М.: Физматлит, 2005. – 231 с.
12. Аржанова, И. А. Функции антропоморфной метафоры в англоязычном экономическом дискурсе / И. А. Аржанова // Известия ВГПУ. – 2019. – № 6 (139). – С. 161–164.
13. Аристотель. Поэтика / пер. М. Л. Гаспарова // Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4. – М.: Мысль, 1984. – С. 645–680.
14. Арнольд, И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: сборник статей / И. В. Арнольд; науч. редактор П. Е. Бухаркин. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – 444 с.
15. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов / И. В. Арнольд. – 12-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2014. – 384 с.
16. Арутюнова, Н. Д. Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М.: Индрик, 1999. – 422 с.
17. Баранов, А. Н. Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры: почти двадцать пять лет спустя // Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон; пер. с англ. А. Н. Баранова и А. В. Морозовой; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М.: УРСС, 2004. – С. 7–21.
18. Барменкова, М. В. Олицетворение, маркированное категорией рода, в англоязычной художественной литературе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Барменкова Мария Валериановна. – М., 2004. – 17 с.
19. Бархударов, Л. С. Язык и перевод (вопросы общей и частной теории перевода) / Л. С. Бархударов. – М.: Международные отношения, 1975. – 239 с.
20. Беленькая, В. Д. Топонимы в составе лексической системы языка / В. Д. Беленькая. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. – 168 с.
21. Белозерова, Л. В. Сродство категорий дейксиса, метафоры и оценки: на материале английских пространственных прилагательных: дис. ... канд.

- филол. наук: 10.02.04 / Белозерова Любовь Владимировна. – СПб., 2007. – 190 с.
22. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист; под общ. ред. Ю. С. Степанова. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
 23. Бехерт, И. Эргативность как исходный пункт изучения прагматической основы грамматических категорий / И. Бехерт // Новое в зарубежной лингвистике. – 1982. – Вып. 11. – С. 411–431.
 24. Бободжанова, Л. К. Отражение национальной языковой картины мира в грамматическом строе английского и русского языков / Л. К. Бободжанова // Вопросы методики преподавания в вузе. – 2013. – № 2 (16). – С. 152–163.
 25. Богданова, М. А. Концепт человеческой телесности: междисциплинарный синтез: монография / М. А. Богданова, Л. С. Абросимова. – Ростов-на-Дону: Издательство ЮФУ, 2018. – 108 с.
 26. Богин, Г. И. Современная лингводидактика / Г. И. Богин. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1980. – 61 с.
 27. Болдырев, Н. Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – Выпуск 1 (42). – С. 5–12.
 28. Болдырев, Н. Н. Интерпретирующий фактор языка в познании и коммуникации / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. – 2017. – Выпуск 29. – С. 40–48.
 29. Болдырев, Н. Н. Проблема взаимодействия лексики и грамматики в когнитивном аспекте / Н. Н. Болдырев // Актуальные проблемы германского и общего языкознания: сб. статей к юбилею проф. В.Д. Девкина. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2001. – С. 41–49.
 30. Болдырев, Н. Н. Функциональная категоризация английского глагола / Н. Н. Болдырев. – 2-е изд. – М.: URSS Либроком, 2009. – 136 с.
 31. Болдырев, Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. / Н. Н. Болдырев. – 2-е изд. – М.: Издательский дом ЯСК, 2019. – 480 с.

32. Бугорская, Н. В. Антропоцентризм как категория современного языкознания / Н. В. Бугорская // Вопросы психолингвистики. – М.: Московская международная академия, 2004. – № 2. – С. 18–25.
33. Булыгина, Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 576 с.
34. Бюлер, К. Теория языка. Репрезентативная функция языка / К. Бюлер; общ. ред. и ком. Т. В. Булыгиной. – М., Прогресс, 1993. – 501 с.
35. Варламов, М. В. Типологические особенности адъективной метафоры в сопоставлении с глагольной и субъективной метафорой: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Варламов Михаил Владиславович. – СПб, 1995. – 23 с.
36. Васильева, И. Б. К вопросу о соотносительности биологического пола, грамматического рода и гендера / И. Б. Васильева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 10 (28). – С. 39–44.
37. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 411 с.
38. Виноградов, В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов; под ред. Г.А. Золотовой. – 4-е изд. – М.: Рус. яз., 2001. – 720 с.
39. Витгенштейн, Л. Философские работы. Часть I / Л. Витгенштейн. – М.: Издательство «Гнозис», 1994. – 612 с.
40. Вишневская, Г. М. Языковая личность переводчика и переводческий билингвизм / Г. М. Вишневская // Теория и практика иностранного языка в высшей школе. – 2013. – № 9. – С. 57–67.
41. Воскресенская, С. Ю. Гендерные стереотипы лексико-грамматической персонификации: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Воскресенская Светлана Юрьевна. – Тверь, 2007. – 15 с.

42. Воскресенская, С. Ю. Метафора и персонификация: к проблеме взаимоотношений / С. Ю. Воскресенская // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». – 2016. – № 4. – С. 11–15.
43. Воскресенская, С. Ю. Персонификация в бытовой сфере: личные имена неодушевленных предметов / С. Ю. Воскресенская // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». – 2017. – № 2. – С. 80–85
44. Гавранек, Б. Задачи литературного языка и его культура / Б. Гавранек // Пражский лингвистический кружок: сб. ст. / сост., ред. и предисл. Н. А. Кондрашова. – М., 1967. – С. 338–377.
45. Гажева, И. Д. Глагольная метафора как средство реализации символистской концепции «мир как текст» / И. Д. Гажева // Русская филология. Вестник ХНПУ им. Г. С. Сковороды. – 2015. – № 1 (54). – С. 51–57.
46. Гайкалова, Н. И. Транслатологический потенциал английского личного местоимения *she* (на материале художественного перевода) / Н. И. Гайкалова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 4 (82). Ч. 2. – С. 327–332.
47. Гердер, И. Г. Идеи к философии истории человечества / И. Г. Гердер; пер. и примеч. А. В. Михайлова. – М.: Наука, 1977. – 703 с.
48. Гийом, Г. Принципы теоретической лингвистики / Г. Гийом. – М.: Прогресс, 1992. – 224 с.
49. Григорян, А. А. К вопросу о гендерной маркированности английского языка / А. А. Григорян // Женщина в российском обществе. – 2014. – № 1 (70). – С. 81–85.
50. Гриднева, Н. Н. Основы семантики синтаксиса: учебное пособие по теоретической грамматике английского языка / Н. Н. Гриднева. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2009. – 48 с.
51. Гриценко, Е. С. Гендер в британской и американской лингвокультурах: монография / Е. С. Гриценко, М. В. Сергеева, А. О. Лалетина и др.; под

- общ. ред. Е. С. Гриценко. – 3-е изд., стер. – М.: Флинта: Наука, 2013. – 220 с.
52. Гриценко, Е. С. Метафора и гендер в процессах категоризации и концептуализации / Е. С. Гриценко // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – № 2. – С.13–17.
 53. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт; общ. ред. Г. В. Рамишвили. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. – 400 с.
 54. Гумбольдт, В. фон. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985. – 451 с.
 55. Гумовская, Г. Н. Гендерный подход к переводу литературных авторских сказок на русский язык / Г. Н. Гумовская // Язык: категории, функции, речевое действие. Материалы девятой научной конференции с международным участием: в 3 частях. – М. Изд-во МПГУ, 2016. – С. 25–30.
 56. Гуревич, В. В. Теоретическая грамматика английского языка. Сравнительная типология английского и русского языков: учебное пособие / В. В. Гуревич. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 168 с.
 57. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому / Н. Я. Данилевский. – 6-е изд. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. – 552 с.
 58. Дзюба, Е. В. Лингвокогнитивная категоризация в русском языковом сознании: монография / Е. В. Дзюба. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2015. – 286 с.
 59. Дзюба, Е. В. О видах и структуре категорий / Е. В. Дзюба // Вестник НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. – 2012. – Выпуск 19. – С. 20–33.
 60. Добричев, С. А. Этнокультурный потенциал языковых единиц различных уровней: монография / С. А. Добричев, Л. А. Козлова, Т. Г. Пшенкина. – Барнаул: АлтГПА, 2013. – 243 с.

61. Долбик, Е. Е. Современный русский язык: хрестоматия. В 3 ч. Ч. 3. Синтаксис / Е. Е. Долбик, В. Л. Леонович, Л. Р. Супрун-Белевич. – Минск: БГУ, 2010. – 295 с.
62. Дотмурзиева, З. С. Прагматика англоязычного художественного текста и проблемы прагматики его перевода: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Дотмурзиева Земфира Сангиреевна. – Пятигорск, 2006. – 20 с.
63. Дубровских, К. А. Антропоморфная метафора в климатическом дискурсе (на материале англоязычных интернет-сайтов) / К. А. Дубровских // Перевод и культура: взаимодействие и взаимовлияние: сборник тезисов IV Общероссийской научной онлайн-конференции с международным участием, Нижний Новгород, 10–11 октября 2020 года / Отв. ред. А. В. Иванов. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2020. – С. 41–43.
64. Елисеева, В. В. Лексикология современного английского языка / В. В. Елисеева. – СПб: Изд-во СПбГУ, 2015. – 230 с.
65. Елиферова, М. В. «Багира сказала...». Гендер сказочных и мифологических персонажей англоязычной литературы в русских переводах / М. В. Елиферова // Вопросы литературы. – 2009. – № 2. – С. 254–277.
66. Ермолина, Н. А. Актуализация грамматической категории рода при переводе / Н. А. Ермолина // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2009. – № 1. – С. 182–186.
67. Ермолович, Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур / Д. И. Ермолович. – М.: Р.Валент, 2001. – 200 с.
68. Заботкина, В. И. Слово и смысл / В. И. Заботкина. – М.: РГГУ, 2012. – 428 с.
69. Зубкова, Л. Г. Общая теория языка в развитии / Л. Г. Зубкова. – М.: Изд-во РУДН, 2002. – 471 с.

70. Иванов, В. В. Славянские языковые моделирующие семиотические системы: (древний период) / Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров; Акад. наук СССР, Ин-т славяноведения. – М.: Наука, 1965. – 246 с.
71. Иванова, Е. В. Лексикология и фразеология современного английского языка / Е. В. Иванова. – М.: Издательский центр «Академия», 2011. – 352 с.
72. Иванцова, Е. В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования / Е. В. Иванцова // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 4 (12). – С. 24–32.
73. Исаакян, А. С. Грамматические средства персонификации и деперсонификации в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Исаакян Ашот Рубенович. – М., 1977. – 194 с.
74. Казакова, Т. А. Художественный перевод. Теория и практика: учебник / Т. А. Казакова. – СПб.: ООО «ИнЪязиздат», 2006. – 544 с.
75. Калинина, Л. В. Существительные конкретные, абстрактные, вещественные, собирательные и их роль в отражении действительности / Л. В. Калинина // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – Т. 151. – № 3. – С. 240–247.
76. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – 7-е изд. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
77. Касевич, В. Б. Языковые и текстовые знания / В. Б. Касевич // Вопросы языкознания. – 1990. – № 6. – С. 98–101.
78. Кирилина, А. В. Гендер и язык / А. В. Кирилина. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 624 с.
79. Кирилина, А. В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации / А. В. Кирилина. – М.: РОССПЭН, 2004. – 252 с.
80. Клишин, А. И. Триада перевода / А. И. Клишин. – СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2010. – 75 с.

81. Ковальчук, Л. П. Теория концептуальной интеграции Ж. Фоконы и М. Тернера / Л. П. Ковальчук // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 1 (8). – С. 97–101.
82. Козлова, Л. А. Этнокультурный потенциал грамматического строя языка и его реализация в грамматике говорящего / Л. А. Козлова. – Барнаул: Алтайская гос. пед. акад., 2009. – 182 с.
83. Колшанский, Г. В. Объективная картина мира в познании и языке / Г. В. Колшанский. – М.: Наука, 1990. – 103 с.
84. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В. Н. Комиссаров. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
85. Кононова, И. В. Метафорическое варьирование семантики английского глагола: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Кононова Инна Владимировна. – СПб, 1998. – 166 с.
86. Константинова, С. К. Олицетворение в художественном тексте: семантические и грамматические аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Константинова Светлана Кимовна. – Белгород, 1996. – 18 с.
87. Копров, В. Ю. Семантико-функциональная грамматика русского и английского языков / В. Ю. Копров. – М.: Флинта: Наука, 2016. – 343 с.
88. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – М.: КДУ, 2011. – 350 с.
89. Костромин, А. Б. О некоторых особенностях полисемии в русском и английском языке / А. Б. Костромин // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2013. – № 3. – С. 63–68.
90. Кравченко, А. В. Язык и восприятие: когнитивные аспекты языковой категоризации / А. В. Кравченко. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2004. – 206 с.
91. Красных, В. В. Грамматика лингвокультуры, или что держит языковую картину мира? / В. В. Красных // Экология языка и коммуникативная практика. – 2013. – № 1. – С. 133–141.

92. Кубрякова, Е. С. Парадигма научного знания в лингвистике и ее современный статус / Е. С. Кубрякова // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 1994. № 2. – С. 3–15.
93. Кубрякова, Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Е. С. Кубрякова; отв. ред. Б. А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – С. 141–172.
94. Кубрякова, Е. С. Слово в дискурсе (новые подходы к его анализу) / Е. С. Кубрякова // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования: сб. науч. тр. / под ред. Л.А. Манерко. – Рязань: Ряз. гос. пед. ун-т им. С. А. Есенина, 2002. – С. 7–11.
95. Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века. – М.: Изд-во РГГУ, 1995. – С. 144–238.
96. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
97. Куниловская, М. А. Авторская метафора как объект перевода / М. А. Куниловская // *Lingua mobilis*. – 2010. – Т. 23. – № 4. – С. 73–81.
98. Лагута, О. Н. Метафорика: границы исследовательского объекта / О. Н. Лагута // Сибирский филологический журнал. – 2004. – № 1. – С. 102–116.
99. Лангаккер, Р. У. Когнитивная грамматика / Р. У. Лангаккер. – М.: ИНИОН, 1992. – 56 с.
100. Лапшина, М. Н. Семантическая деривация в когнитивном аспекте: на материале английского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19, 10.02.04 / Лапшина Марина Николаевна. – СПб, 1996. – 32 с.
101. Ласкова, М. Г. Грамматическая категория рода в аспекте гендерной лингвистики: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19, 10.02.01 / Ласкова Марина Васильевна. – Краснодар, 2001. – 37 с.

102. Лещёва, Л. М. Лексическая полисемия в когнитивном аспекте / Л. М. Лещёва. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 256 с.
103. Лисецкий, М. Л. Персонификация роботов в публицистическом дискурсе: Friend or Foe / М. Л. Лисецкий, А. Л. Сопина // Актуальные проблемы языкознания. – 2019. – № 8. – С. 29–34.
104. Макарова, О. А. Метафора в британской и американской литературе XX века / О. А. Макарова. – Самара: Изд-во МГПУ, 2007. – 119 с.
105. Мамечков, С. Г. К вопросу об особенностях реализации семантического потенциала грамматической категории рода русских существительных / С. Г. Мамечков // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. – 2009. – № 4. – С. 98–103.
106. Масленникова, А. А. Особенности грамматической метафоры // Метафоры языка и метафоры в языке / под ред. А. В. Зеленщикова, А. А. Масленниковой. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. – С. 21–44.
107. Маслова, В. А. Homo lingualis в культуре / В. А. Маслова. – М.: Гнозис, 2007. – 318 с.
108. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика / В. А. Маслова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Минск: ТетраСистемс, 2008. – 272 с.
109. Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 202 с.
110. Матвеева, А. С. Олицетворение смерти в англоязычной поэзии / А. С. Матвеева // Известия РГПУ им. А.И.Герцена. – 2009. – № 114. – С. 222–231.
111. Мифы народов мира: энциклопедия. В 2-х т. Т. 2. К-Я / гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Советская энциклопедия, 1992. – 719 с.
112. Москвин, В. П. Русская метафора: Очерк семиотической теории / В. П. Москвин. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: ЛЕНАНД, 2006. – 184 с.
113. Назин, А. С. Сопоставительное исследование метафор в романе Дж. Р. Р. Толкина «Хоббит, или Туда и Обратно» и его переводах на

русский язык: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Назин Артем Сергеевич. – Екатеринбург, 2007. – 201 с.

114. Никитин, М. В. Лексическое значение слова: (структура и комбинаторика) / М. В. Никитин. – М.: Высш. школа, 1983. – 127 с.
115. Николаева, Н. Н. Гендерный аспект местоименной референции: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Николаева Наталья Николаевна. – М., 2008. – 28 с.
116. Николаевская, Р. Р. Последствия анализизации английского языка в синтаксической семантике / Р. Р. Николаевская // Вестник МГЛУ. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. – № 598. – С. 173–218.
117. Николаенко, Н. Н. Метафора как путь познания / Н. Н. Николаенко // Независимый психиатрический журнал. – 2005. – № 1. – С. 15–18.
118. Новая философская энциклопедия. Т. III / под ред. В. С. Степина и др. – М.: Мысль, 2010. – 692 с.
119. Норман, Б. Ю. Когнитивный синтаксис русского языка / Б. Ю. Норман. – М.: Флинта, 2013. – 251 с.
120. Овсянников, В. В. Анимизм английского предложения и русский менталитет / В. В. Овсянников // Университетское переводоведение. Вып. 8. Материалы VIII юбилейной международной научной конференции по переводоведению «Федоровские чтения», посвященной 100-летию со дня рождения А.В. Федорова, 19-21 октября 2006 г. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. – С. 331–336.
121. Осокина, Н. Ю. Некоторые случаи грамматической метафоры (на основе скрытых категорий предметность → временные отношения) / Н. Ю. Осокина // Homo Loquens: актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: сборник научных статей. Вып. 2. / под ред. И. Ю. Щемелевой. – СПб.: Изд-во «Ютас», 2010. – С. 101–106.
122. Осокина, Н. Ю. Некоторые случаи грамматической метафоры в английском и русском языках: сходства и различия / Н. Ю. Осокина //

Мир науки, культуры и образования. Научный журнал. – 2012. – № 2 (33). – С. 282–287.

123. Осокина, Н. Ю. Скрытые категории как основа интенционального семантического сдвига / Н. Ю. Осокина // Известия Самарского научного центра РАН. – 2011. – Т. 13. – № 2 (5). – С. 1226–1230.
124. Песина, С. А. Антропоморфизм в языке сквозь призму воплощения / С. А. Песина, Л. Г. Юсупова, И. Р. Пулеха // Вестник Челябинского государственного университета. – 2019. – № 1 (423). – С. 106–112.
125. Петрова, Е. С. Концепт третьего лица и прагматическая прономинализация / Е. С. Петрова // Диалектика текста, т. 1. / под ред. А. И. Варшавской. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. – С. 166–179.
126. Петрова, Е. С. Сопоставительная типология английского и русского языков. Грамматика / Е. С. Петрова. – М.: Издательский центр «Академия», 2011. – 365 с.
127. Плунгян, В. А. Общая морфология: введение в проблематику / В. А. Плунгян. – Изд. 2-е, исправленное. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 384 с.
128. Попкова, Е. М. Категория рода в современном английском языке: лингвистический и социокультурный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Попкова Екатерина Михайловна. – М., 2005. – 16 с.
129. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.
130. Попович, А. Проблемы художественного перевода / А. Попович. – М.: Высш. школа, 1980. – 199 с.
131. Постовалова, В. И. Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы (к проблеме оснований и границ современной фразеологии) / В. И. Постовалова // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 25–33.
132. Потебня, А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. – М.: Лабиринт, 1999. – 300 с.

133. Приходько, В. К. Выразительные средства языка / В. К. Приходько. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 256 с.
134. Пылайкина, В. П. Категория гендера в английском языке в сопоставлении с русским: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Пылайкина Вера Петровна. – Екатеринбург, 2004. – 22 с.
135. Пылайкина, В. П. Эволюция грамматической категории рода в лингвосоциокультурную категорию гендера в английском языке / В. П. Пылайкина // В мире научных открытий. – 2010. – № 4 (10). – С. 107–109.
136. Реале, Д. Западная философия от истоков до наших дней. От Возрождения до Канта / Д. Антисери, Д. Реале; в пер. и под ред. С. А. Мальцевой. – СПб.: Пневма, 2002. – 880 с.
137. Ремхе, И. Н. Языковая личность переводчика и когнитивные особенности переводческого процесса / И. Н. Ремхе // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 24 (239). – С. 262–264.
138. Ремчукова, Е. Н. Креативный потенциал русской грамматики / Е. Н. Ремчукова. – М.: Изд-во РУДН, 2005. – 328 с.
139. Руденкова, И. С. Анафорический род в английском языке / И. С. Руденкова // Известия ВГПУ. – 2009. – № 5. – С. 167–170.
140. Рябых, Е. Б. Вербальная объективация метафорического концепта / Е. Б. Рябых // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2015. – Т. 20. – № 11 (151). – С. 177–184.
141. Сазонова, М. Д. Модели концептуальной персонификации в англоязычном новостном дискурсе / М. Д. Сазонова // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2018. – № 811. – С. 132–145.
142. Серебренников, Б. А. Предисловие // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др. – М.: Наука, 1988. – С. 3–7.

143. Серебрякова, Е. В. Персонификация как прием иносказания: (на материале немецкоязычного художественного текста): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Серебрякова Екатерина Владимировна. – М., 2010. – 25 с.
144. Серебрякова, Е. В. Проблема определения «персонификации» в стилистике / Е. В. Серебрякова // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. – 2010. – № 2. – С. 64–68.
145. Серова, И. Г. Семантика, прагматика и семиотика языковой категории рода / И. Г. Серова // Вестник ТГУ. Серия: Гуманитарные науки. – 2005. – Выпуск 4 (40). – С. 129–136.
146. Складывшаяся, Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Складывшаяся. – СПб.: Наука, 1993. – 150 с.
147. Скребцова, Т. Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы / Т. Г. Скребцова. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. – 391 с.
148. Соколова, Н. Ю. Лингвокультурологические основы функционирования номинаций вопроса и ответа в английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Соколова Наталья Юрьевна. – СПб, 2016. – 193 с.
149. Солодилова, И. А. Метафора: когнитивные основы оценочности / И. А. Солодилова // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2013. – № 11. – С. 118–123.
150. Солодуб, Ю. П. Теория и практика художественного перевода: учеб. пособие для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений / Ю. П. Солодуб, Ф. Б. Альбрехт, А. Ю. Кузнецов. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 304 с.
151. Станслер, В. А. Семантика и синтаксис английских топонимов: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Станслер Валерия Анатольевна. – Л., 1983. – 196 с.
152. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.

153. Степанов, Ю. С. Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований. Вступительная статья // Бенвенист Э. Общая лингвистика / под ред. Ю. С. Степанова. – М.: Прогресс, 1974. – С. 5–16.
154. Сторчак, М. В. Когнитивно-семантические особенности сравнения в контексте художественной картины мира (на материале современной англоязычной прозы): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Сторчак Мария Владимировна. – Калининград, 2018. – 204 с.
155. Сусов, И. П. История языкознания / И. П. Сусов. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. – 295 с.
156. Телия, В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция / В. Н. Телия // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 26–51.
157. Телия, В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / В. Н. Телия, отв. ред. Б. А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – С. 173–204.
158. Телия, В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке / В. Н. Телия. – М.: Наука, 1981. – 269 с.
159. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2000. – 261 с.
160. Токарева, О. В. Актуализация категорий одушевленности и гендера в англоязычном тексте и потери при переводе на русский язык / О. В. Токарева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 9 (75): в 2-х ч. – Ч. 1. – С. 179–183.
161. Токарева, О. В. Выражение категорий одушевленности и агентивности в синтаксисе английского предложения / О. В. Токарева // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты: Межвуз. сборник научных трудов. Вып. 43. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2019. – С. 105–110.
162. Токарева, О. В. Категории одушевленности / неодушевленности и гендера в английском языке: средства выражения, свойства

- интерпретативности и размытости / Е. С. Петрова, О. В. Токарева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 3 (81). – Ч. 1. – С. 168–172.
163. Токарева, О. В. Концептосфера «Human Being / Человек» как источник семантической деривации в английском языке / О. В. Токарева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 13. – № 4. – С. 87–90.
164. Токарева, О. В. Особенности актуализации категорий одушевленности и гендера в англоязычном тексте в аспекте перевода / О. В. Токарева // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2017. – № 10. – С. 162–167.
165. Токарева, О. В. Относительные местоимения английского языка и их потенциал к актуализации категории одушевленности / О. В. Токарева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 9 (75): в 2-х ч. – Ч. 1. – С. 183–187.
166. Топоров, В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура / В. Н. Топоров; отв. ред. Т. В. Цивьян. – М.: Наука, 1983. – С. 227–285.
167. Третьякова, Е. В. Метафора и персонификация: иерархия отношений (на примере рекламного туристского дискурса Германии) / Е. В. Третьякова // Вестник ИГЛУ. – 2014. – №1 (26). – С. 111–116.
168. Устарханов, Р. И. Метафтонимия в английском языке: интерпретационно-когнитивный анализ: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. / Устарханов Рашид Ибрагимович. – Пятигорск, 2006. – 179 с.
169. Уфимцева, А. А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / А. А. Уфимцева; отв. ред. Б. А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – С. 108–140.
170. Уфимцева, Н. В. Идеи Ф. де Соссюра в психолингвистическом прочтении / Н. В. Уфимцева // Вопросы психолингвистики. – 2013. – № 1 (17). – С. 44–51.

171. Федоров, М. А. Персонификация времени в британской лингвокультуре (XVII–XIX века) / М. А. Федоров // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2015. – № 6. – С. 99–108.
172. Федорова, Н. П. Перевод с английского языка. Повышенный уровень. Часть 2 / Н. П. Федорова, А. И. Варшавская. – СПб.: Невский ракурс, 2011. – 192 с.
173. Хомякова, Е. Г. Трехмерность парадигмального развития лингвистики // Язык в парадигмах гуманитарного знания: XXI век: сборник научных статей / Е. Г. Хомякова; под общ. ред. В. Е. Чернявской и С. Т. Золяна. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2009. – С. 55–74.
174. Цивьян, Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы / Т. В. Цивьян. – Изд. 3-е, испр. – М.: КомКнига, 2006. – 280 с.
175. Чеботарева, И. М. Олицетворение в детской речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Чеботарева Ирина Михайловна. – Белгород, 1996. – 16 с.
176. Чернышова, Е. А. Гендерная категоризация объектов в английском языке (на материале английской авторской сказки): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Чернышова Евгения Александровна. – Тамбов, 2013. – 25 с.
177. Чикин, А. А. Концепция «воплощенного познания» в когнитивной науке / А. А. Чикин // Философские науки. – 2012. – № 11. – С. 140–148.
178. Чудинов, А. П. Политическая метафорология: дискурсивный поворот / А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, О. А. Солопова. – М.: ФЛИНТА, 2020. – 234 с.
179. Чудинов, А. П. Становление и эволюция когнитивного подхода к метафоре / А. П. Чудинов, Э. В. Будаев // Новый филологический вестник. – 2007. – № 1 (4). – С. 8–27.
180. Шадрин, В. И. Университетское переводоведение: учебник / В. И. Шадрин. – СПб.: ВВМ, 2017. – 292 с.

181. Шарманова, О. С. Особенности взаимодействия и интеграции метафоры и метонимии как способ образования метафтонимии / О. С. Шарманова // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – № 3. – С. 11–14.
182. Швейцер, А. Д. Перевод и лингвистика: о газетно-информационном и военно-публицистическом переводе / А. Д. Швейцер. – М., Воениздат, – 1973. – 280 с.
183. Швейцер, А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. – М.: Наука, 1988. – 215 с.
184. Шелякин, М. А. Язык и человек: к проблеме мотивированности языковой системы / М. А. Шелякин. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 289 с.
185. Шендельс, Е. И. Грамматическая метафора / Е. И. Шендельс // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1972. – № 3. – С. 48–57.
186. Шендельс, Е. И. Совместимость / несовместимость грамматических и лексических значений / Е. И. Шендельс // Вопросы языкознания. – 1982. – № 4. – С. 78–82.
187. Шулежкова, С. Г. История лингвистических учений / С. Г. Шулежкова. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 408 с.
188. Якобсон, Р. О лингвистических аспектах перевода / Р. Якобсон // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – С. 16–24.
189. Яковлева, Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира / Е. С. Яковлева. – М.: Гнозис, 1994. – 344 с.
190. Airenti, G. The Cognitive Bases of Anthropomorphism: From Relatedness to Empathy / G. Airenti // International Journal of Social Robotics. – 2015. – Vol. 7. – Pp. 117–127.
191. Aitchison, J. Language Change: Progress or Decay? / J. Aitchison. – Oxford: OUP, 2004. – 312 p.
192. Ammons, C. J. Brain Responses Underlying Anthropomorphism, Agency, and Social Attribution in Autism Spectrum Disorder / C. J. Ammons,

- C. F. Doss, D. Bala, R. K. Kana // *The Open Neuroimaging Journal*. –2018 – Vol. 12. – Pp. 16–29.
193. Asquith, P. J. Why Anthropomorphism is Not Metaphor: Crossing Concepts and Cultures in Animal Behavior Studies / P. J. Asquith // *Anthropomorphism, Anecdotes, and Animals* / ed. by R. W. Mitchell, N. S. Thompson, and H. L. Miles. – Albany: SUNY Press, 1997. – Pp. 22–34.
 194. Atherton, G. Seeing More Than Human: Autism and Anthropomorphic Theory of Mind [Электронный ресурс] / G. Atherton, L. Cross // *Frontiers in Psychology*. – 2018. – Режим доступа: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.00528> (дата обращения: 01.08.2021).
 195. Atkins, B. T. .S. The Oxford Guide to Practical Lexicography / B. T. S. Atkins, M. Rundell. – Oxford: OUP, 2008. – 554 p.
 196. Aubusson, P. J. Metaphor and Analogy / P. J. Aubusson, A. G. Harrison, S. M. Ritchie // *Metaphor and Analogy in Science Education* / ed. by P. J. Aubusson, A. G. Harrison, S. M. Ritchie – Dordrecht: Springer, 2006. – Pp. 1–9.
 197. Baker, M. In Other Words: A Coursebook on Translation / M. Baker. – New York: Routledge, 2011. – 352 p.
 198. Barrett, J. L. Exploring the Natural Foundations of Religion / J. L. Barrett // *Trends in Cognitive Sciences*. – 2000. – Vol. 4. – Issue 1. – Pp. 29–34.
 199. Baumeister, R. F. Bad is Stronger than Good / R. F. Baumeister, E. Bratslavsky, C. Finkenauer, K. D. Vohs // *Review of General Psychology*. – 2001. – Vol. 5. – No. 4. – Pp. 323–370.
 200. Benedek, M. Creating Metaphors: The Neural Basis of Figurative Language Production / M. Benedek, R. Beaty, E. Jauk, K. Koschutnig, A. Fink, P. J. Silvia, B. Dunst, A. C. Neubauer. // *Neuroimage*. – 2014. – Vol. 90 (100). – Pp. 99–106.
 201. Biber, D. Longman Grammar of Spoken and Written English / D. Biber et al. – Harlow, Essex: Pearson Education Ltd, 1999. – 1203 p.

202. Bocharova, J. Personification Allegory and Embodied Cognition / J. Bocharova // Personification: Embodying Meaning and Emotion / ed. by W. S. Melion and B. Ramakers. – Leiden; Boston: Brill, 2016. – 788 p.
203. Bolognesi, M. Metaphor and Metonymy in the Digital Age: Theory and Methods for Building Repositories of Figurative Language / M. Bolognesi, M. Brdar, K. Despot. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2019. – 264 p.
204. Botha, E. Why Metaphor Matters in Education / E. Botha // South African Journal of Education. – 2009. – Vol. 29. – No. 4. – Pp. 431–444.
205. Bowdle, B. F. The Career of Metaphor / B. F. Bowdle, D. Gentner // Psychological Review. – 2005. – Vol. 112. – No. 1. – Pp. 193–216.
206. Boyer, P. What Makes Anthropomorphism Natural: Intuitive Ontology and Cultural Representations / P. Boyer // The Journal of the Royal Anthropological Institute. – 1996. – Vol. 2. – No. 1. – Pp. 83–97.
207. Brant, C. Obituaries: A Dead Important Genre / C. Brant // European Journal of Life Writing. – 2020. – Vol. 9. – Pp. 242–263.
208. Brown, L. B. Animistic Thought in Civilized Adults / L. B. Brown, R. H. Thouless // The Journal of Genetic Psychology. – 1965. – Vol. 107. – No. 1. – Pp. 33–42.
209. Cameron, D. Feminism and Linguistic Theory / D. Cameron. – London: Palgrave Macmillan, 1992. – 247 p.
210. Caporael, L. R. Why Anthropomorphize? Folk Psychology and Other Stories / L. R. Caporael, C. M. Heyes // Anthropomorphism, Anecdotes, and Animals / ed. by R. W. Mitchell, N. S. Thompson, and H. L. Miles. – Albany: SUNY Press, 1997. – Pp. 59–73.
211. Corbett, G. Gender / G. Corbett. – Cambridge: Cambridge University Press, 1991. – 363 p.
212. Crystal, D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language / D. Crystal. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – 489 p.

213. Cullen, H. Individual Differences in Anthropomorphic Attributions and Human Brain Structure / H. Cullen, R. Kanai, B. Bahrami, G. Rees // *Social Cognitive and Affective Neuroscience*. – 2014. – Vol. 9. – Pp. 1276–1280.
214. Curzan, A. *Gender Shifts in the History of English* / A. Curzan. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 223 p.
215. Dahl, Ö. Animacy and the Notion of Semantic Gender / Ö. Dahl // *Gender in Grammar and Cognition: I: Approaches to Gender. II: Manifestations of Gender* / ed. by B. Unterbeck, M. Rissanen, T. Nevalainen and M. Saari. – Berlin, New York: De Gruyter Mouton, 2011. – Pp. 99–116.
216. Dorst, A. G. Personification in Discourse: Linguistic Forms, Conceptual Structures and Communicative Functions / A. G. Dorst // *Language and Literature*. – 2011. – Vol. 20 (2). – Pp. 113–135.
217. Eckert, P. *Language and Gender* / P. Eckert, S. McConnell-Ginet S. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 366 p.
218. *Embodiment in Cross-Linguistic Studies: The 'Head'* / ed. by I. Kraska-Szlenk. – Boston: Brill, 2019. – 278 p.
219. Epley, N. A Mind like Mine: The Exceptionally Ordinary Underpinnings of Anthropomorphism / N. Epley // *Journal of the Association for Consumer Research*. – 2018. – Vol. 3. – Issue 4. – Pp. 591–598.
220. Epley, N. Creating Social Connection Through Inferential Reproduction: Loneliness and Perceived Agency in Gadgets, Gods, and Greyhounds / N. Epley, S. Akalis, A. Waytz, J. T. Cacioppo // *Psychological Science*. – 2008. – Vol. 19. – No. 2. – Pp. 114–120.
221. Epley, N. On Seeing Human: A Three-Factor Theory of Anthropomorphism / N. Epley, A. Waytz, J. T. Cacioppo // *Psychological Review*. – 2007. – Vol. 114 (4). – 864–886.
222. Evans, V., Green M. *Cognitive Linguistics: An Introduction* / V. Evans, M. Green. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. – 830 p.
223. Fahnestock, J. *Rhetorical Style: The Uses of Language in Persuasion* / J. Fahnestock. – Oxford: OUP, 2011. – 449 p.

224. Fauconnier, G. Conceptual Blending, Form and Meaning / G. Fauconnier, M. Turner // *Cognitive Semiotics*. – 2003. – Vol. 19. – Pp. 57–86.
225. Fauconnier, G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language / G. Fauconnier. – Cambridge University Press, 1994. – 240 p.
226. Flannery, M. C. Personification and Embodied Emotional Practice in Middle English Literature / M. C. Flannery // *Literature Compass*. – 2016. – Vol. 13 (6). – Pp. 351–361.
227. Gazzola, V. The Anthropomorphic Brain: The Mirror Neuron System Responds to Human and Robotic Actions / V. Gazzola, G. Rizzolatti, B. Wicker, C. Keysers // *Neuroimage*. – 2007. – Vol. 35. – Pp. 1674–1684.
228. Gibbs, R. W. Metaphor is Grounded in Embodied Experience / R. W. Gibbs, P. L. C. Lima, E. Francozo // *Journal of Pragmatics*. – 2004. – Volume 36. – Issue 7. – Pp. 1189–1210.
229. Guthrie, S. E. Anthropomorphism: A Definition and a Theory / S. E. Guthrie // *Anthropomorphism, Anecdotes, and Animals* / ed. by R. W. Mitchell, N. S. Thompson, and H. L. Miles. – Albany: SUNY Press, 1997. – Pp. 50–58.
230. Hart, J. Shakespeare: Poetry, History, and Culture / J. Hart. – London: Palgrave Macmillan, 2009. – 268 p.
231. Hinrichs, L., Recent Changes in the Function and Frequency of Standard English Genitive Constructions: A Multivariate Analysis of Tagged Corpora / L. Hinrichs, B. Szmrecsanyi. // *English Language and Linguistics*. – 2007. – Vol. 11. – No. 3. – Pp. 437–474.
232. Holyoak, K. J. Metaphor Comprehension: A Critical Review of Theories and Evidence / K. J. Holyoak, D. Stamenković // *Psychological Bulletin*. – 2018. – Vol. 144. – No. 6. – Pp. 641–671.
233. Huddleston, R. The Cambridge Grammar of the English Language / R. Huddleston, G. K. Pullum. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 1842 p.

234. Jamrozik, A. Metaphor: Bridging Embodiment to Abstraction / A. Jamrozik, M. McQuire, E. R. Cardillo et al. // *Psychonomic Bulletin & Review*. – 2016. – Vol. 23 (4). – Pp. 1080–1089.
235. Ji, J. An Animacy Hierarchy Within Inanimate Nouns: English Corpus Evidence From a Prototypical Perspective / J. Ji, M. Liang // – *Lingua*. – 2018. – Vol. 205. – Pp. 71–89.
236. Johnson, M. The Embodiment of Language [Электронный ресурс] / M. Johnson; ed. by A. Newen, L. De Bruin, and S. Gallagher // *The Oxford Handbook on 4E Cognition*. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780198735410.013.33> (дата обращения: 01.08.2021).
237. Kortmann, B. A Comparative Grammar of British English Dialects: Agreement, Gender, Relative Clauses / B. Kortmann. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2005. – 371 p.
238. Kreyer, R. Genitive and Of-Construction in Modern Written English. Processability and Human Involvement / R. Kreyer // – *International Journal of Corpus Linguistics*. – 2003. – Vol. 8 (2). – Pp. 169–207.
239. Lai, V. T. Familiarity Differentially Affects Right Hemisphere Contributions to Processing Metaphors and Literals [Электронный ресурс] / V. T. Lai, W. van Dam, L. L. Conant, J. R. Binder, R. H. Desai // *Frontiers in Human Neuroscience*. – 2015. – Режим доступа: <https://doi.org/10.3389/fnhum.2015.00044> (дата обращения: 01.08.2021).
240. Lakoff, G. *Metaphors We Live By* / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 242 p.
241. Lakoff, G. *Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind* / G. Lakoff. – Chicago: The University of Chicago Press, 1990. – 631 p.
242. Lakoff, G. *More than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor* / G. Lakoff, M. Turner. – Chicago: The University of Chicago Press, 1989. – 230 p.

243. Langacker, R. W. Grammar and Conceptualization / R. W. Langacker. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000. – 427 p.
244. LaScotte, D. K. Singular they: An Empirical Study of Generic Pronoun Use / D. K. LaScotte // American Speech. – 2016. – Vol. 91 (1). – Pp. 62–80.
245. MacKay, D. Gender in English, German, and Other Languages: Problems with the Old Theory, Opportunities for the New / D. MacKay // Perceiving and Performing Gender: Herstellung and Wahrnehmung von Geschlecht. – 1999. – P. 73–87.
246. MacKay, D. Personification and the Pronoun Problem / D. MacKay, T. Konishi // Women's Studies Int. Quart. – 1980. – Vol. 3. – Pp. 149–163.
247. MacKay, D. Prototypicality Among Metaphors: On the Relative Frequency of Personification and Spatial Metaphor in Literature Written for Children Versus Adults / D. MacKay // – Metaphor and Symbolic Activity. – 1986. – Vol. 1 (2). – Pp. 87–107.
248. McDaniel, D. What's That? / D. McDaniel, H. Stickney, S. Fowler, C. McKee // English Studies. – 2002. – Vol. 83. – Issue 1. – Pp. 53–69.
249. Morsanyi, K. Metaphor Processing in Autism: A Systematic Review and Meta-Analysis [Электронный ресурс] / K. Morsanyi, D. Stamenković, K. J. Holyoak // Developmental Review. – 2020. – Vol. 57. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.dr.2020.100925> (дата обращения: 01.08.2021)
250. Newmark, P. A Textbook of Translation / P. Newmark. – New York: Prentice-Hall International, 1988. – 292 p.
251. Nissen, U. K. Aspects of Translating Gender. [Электронный ресурс] / U. K. Nissen // Linguistik Online. – 2002. – Vol. 11. – No. 2. – Режим доступа: <https://doi.org/10.13092/lo.11.914> (дата обращения: 01.08.2021).
252. Palmer, C. J. Face Pareidolia Recruits Mechanisms for Detecting Human Social Attention / C. J. Palmer, C. W. G. Clifford // Psychological Science. – 2020. – Vol. 31. – № 8. – Pp. 1001–1012.
253. Pawley, A. Using He and She for Inanimate Referents in English: Questions of Grammar and World View / A. Pawley // Ethnosyntax: Explorations in

- Grammar and Culture / ed. by N. J. Enfield. – Oxford: OUP, 2004. – Pp. 149–174.
254. Percival, W. K. Sex and Gender in Natural Language / W. K. Percival // Kansas Working Papers in Linguistics. – 1981. – Vol. 6. – Pp. 1–15.
255. Phillips, W. Can Quirks of Grammar Affect the Way you Think? Grammatical Gender and Object Concepts / W. Phillips, L. Boroditsky // Proceedings of the Annual Meeting of the Cognitive Science Society. – 2003. – Vol. 25. – Pp. 928–933.
256. Prat, C. S. An fMRI Investigation of Analogical Mapping in Metaphor Comprehension: The Influence of Context and Individual Cognitive Capacities on Processing Demands / C. S. Prat, R. A. Mason, M. A. Just // Journal of Experimental Psychology. Learning, Memory, and Cognition. – 2012. – Vol. 32. – No. 2. – Pp. 282–294.
257. Quirk, R. A Comprehensive Grammar of the English Language / R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik. – London: Longman, 1985. – 1792 p.
258. Riddell, P. Metaphor, Simile, Analogy and the Brain / P. Riddell // Changing English. – 2016. – Vol. 23. – No. 4. – Pp. 362–373.
259. Rizzolatti, G. The Mirror Mechanism: A Basic Principle of Brain Function / G. Rizzolatti, C. Sinigaglia // Nature Reviews. Neuroscience. – 2016. – Vol. 17. – Pp. 757–765.
260. Romaine, S. Communicating Gender / S. Romaine. – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, Inc. – 1998. – 406 p.
261. Romaine, S. Gender, Grammar and the Space in Between / S. Romaine // Communicating Gender in Context. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1997. – Pp. 51–76.
262. Rosch, E. Cognition and Categorization / E. Rosch, B. B. Lloyd. – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates. – 1978. – Pp. 27–48.
263. Rosenbach, A. English Genitive Variation – the State of the Art / A. Rosenbach // English Language and Linguistics. – 2014. – Vol. 18. – Issue 2. – Pp. 215–262.

264. Sapir, E. *Selected Writings in Language, Culture and Personality* / E. Sapir; ed. by D. G. Mandelbaum. – Los Angeles: University of California Press, 1968. – 617 p.
265. Seppänen, A. The Dog That's Leg Was Run Over: On the Genitive of the Relative Pronoun / A. Seppänen, G. Kjellmer // *English Studies*. – 1995. – Vol. 76. – Issue 4. – Pp. 389–400.
266. Simner, J. Ordinal Linguistic Personification as a Variant of Synesthesia / J. Simner, E. Holenstein // *Journal of Cognitive Neuroscience*. – 2007. – Vol. 19 (4). – Pp. 694–703.
267. Simon, S. *Gender in Translation* / S. Simon. – London: Routledge, 1996. – 208 p.
268. Smilek, D. When “3” is a Jerk and “E” is a King: Personifying Inanimate Objects in Synesthesia / D. Smilek, K. A. Malcolmson, J. S. Carriere, M. Eller, D. Kwan, M. Reynolds // *Journal of Cognitive Neuroscience*. – 2007. – Vol. 19. – Issue 6. – Pp. 981–992.
269. Snider, N. Animacy and Syntactic Structure: Fronted NPs in English / N. Snider, A. Zaenen // *Intelligent Linguistic Architectures: Variations on Themes by Ronald M. Kaplan* / ed. by M. Butt, M. Dalrymple, and T. H. King. – Stanford: CSLI Publications, 2006. – Pp. 323–338.
270. Studzińska, J. Translating Personification Across Gendered Languages [Электронный ресурс] / J. Studzińska // *Cognitive Processes in Language*. – Режим доступа: http://www.academia.edu/4042959/Translating_Personification_Across_Gendered_Languages (дата обращения: 01.08.2021)
271. Swan, M. *Practical English Usage* / M. Swan. – Oxford: OUP, 2005. – 658 p.
272. Taylor, C. On the Problem and Promise of Metaphor Use in Science and Science Communication [Электронный ресурс] / C. Taylor, B. M. Dewsbury // *Journal of Microbiology and Biology Education*. – 2018. – Vol. 19. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1128/jmbe.v19i1.1538> (дата обращения: 01.08.2021).

273. Turner, M. Cognitive Dimensions of Social Science: The Way We Think about Politics, Economics, Law, and Society / M. Turner. – Oxford: OUP, 2001. – 183 p.
274. Varela, F. J. The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience / F. J. Varela, E. Thompson, E. Rosch. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1993. – 308 p.
275. Varella, M. The Biology and Evolution of the Three Psychological Tendencies to Anthropomorphize Biology and Evolution [Электронный ресурс] / M. Varella // *Frontiers in Psychology*. – 2018. – Режим доступа: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.01839> (дата обращения: 01.08.2021).
276. Voss, L. More Than Machines? The Attribution of (In)Animacy to Robot Technology / L. Voss. – Bielefeld: Transcript Verlag, 2021. – 216 p.
277. Wagner, S. Gender in English Pronouns: Myth and Reality: Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philologischen Fakultät der Albert-Ludwigs-Universität zu Freiburg im Breisgau [Электронный ресурс] / S. Wagner. – Режим доступа: <https://freidok.uni-freiburg.de/fedora/objects/freidok:1412/datastreams/FILE1/content> (дата обращения: 01.08.2021)
278. Wales, K. Personal Pronouns in Present-Day English / K. Wales. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 234 p.
279. Wallon, R. C. Personification of Particles in Middle School Students' Explanations of Gas Pressure / R. C. Wallon, D. E. Brown // *Physics Teaching and Learning: Challenging the Paradigm* / ed. by D. W. Sunal, J. T. Shemwell, J. W. Harrell, C. S. Sunal. – Charlotte, NC: Information Age Publishing, 2019. – Pp. 135–151.
280. Waytz, A. Social Cognition Unbound: Insights into Anthropomorphism and Dehumanization / A. Waytz, N. Epley, J. T. Cacioppo // *Current Directions in Psychological Science*. – 2010. – Vol. 19. – No. 1. – Pp. 58–62.
281. Waytz, A. Who Sees Human? The Stability and Importance of Individual Differences in Anthropomorphism / A. Waytz, J. Cacioppo, N. Epley //

Perspectives on Psychological Science. – 2010. – Vol. 5. – Issue 3. – Pp. 219–232.

Словари

282. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – М.: УРСС, 2004. – 569 с.
283. Большой толковый словарь русского языка: А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1534 с.
284. Горте, М. А. Фигуры речи: терминологический словарь / М. А. Горте. – М.: ЭНАС, 2007. – 208 с.
285. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. [Электронный ресурс] / Т. Ф. Ефремова. – Режим доступа: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 01.08.2021)
286. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 840 с.
287. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
288. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – 750 с.
289. Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 562 с.
290. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; Российская акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: ИНФОТЕХ, 2009. – 938 с.

291. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителя / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.
292. Тимофеев, Л. И. Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. – М.: Просвещение, 1974. – 509 с.
293. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 839 с.
294. APA Dictionary of Psychology [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dictionary.apa.org> (дата обращения: 01.08.2021)
295. Collins COBUILD English Language Dictionary (1st Edition). – London: Collins, 1987. – 1703 p.
296. Collins English Dictionary Essential Edition (7th Edition). – Glasgow: Collins, 2015. – 949 p.
297. Lexico [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lexico.com/> (дата обращения: 01.08.2021)
298. Merriam-Webster Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 01.08.2021)
299. New Oxford American Dictionary (2nd Edition). – Oxford: OUP, 2005. – 2096 p.
300. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 01.08.2021)
301. Oxford Dictionary of English (2nd Edition). – Oxford: OUP, 2010. – 2088 p.
302. Webster's Dictionary of English Usage. – Springfield, Massachusetts: Merriam-Webster, 1989. – 978 p.

Лингвистические корпуса

303. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 01.08.2021)
304. British National Corpus [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 01.08.2021)

305. English Corpora [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.english-corpora.org> (дата обращения: 01.08.2021)

Источники языкового материала

306. Адичи, Ч. Н. Американха / Ч. Н. Адичи; пер. с англ. Ш. Мартыновой. – М.: Фантом Пресс, 2017. – 638 с.
307. Байетт, А. С. Обладать / А. С. Байетт; пер. с англ. В. К. Ланчикова и Д. В. Псурцева. – М.: Торнтон и Сагден, 2002. – 652 с.
308. Бирс, А. Фантастические басни / А. Бирс; пер. с англ. В. Козаровецкого. – М.: Праксис, 2009. – 200 с.
309. Бротиган, Р. Аборт: исторический роман / Р. Бротиган; пер. с англ. М. Немцова // В арбузном сахаре: романы, рассказы. – СПб.: Азбука-классика, 2003. – С. 89–222.
310. Бротиган, Р. Грезы о Вавилоне. Частно-сыскной роман 1942 года / Р. Бротиган; пер. с англ. М. Немцова. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – 220 с.
311. Бротиган, Р. Ловля форели в Америке / Р. Бротиган; пер. с англ. Ф. Гуревич, А. Гузмана. – СПб.: Азбука-классика, 2002. – 318 с.
312. Брэдбери, Р. 451 градус по Фаренгейту / Р. Брэдбери; пер. с англ. Т. Н. Шинкарь, З. А. Бобырь. – М.: РИМИС, 2011. – 301 с.
313. Брэдбери, Р. Вино из одуванчиков / Р. Брэдбери; пер. Э. Кабалевской. – М.: Эксмо, 2013. – 384 с.
314. Бэнкс, И. Воронья дорога / И. Бэнкс; пер. с англ. Г. Корчагина. – СПб.: Домино, 2005. – 494 с.
315. Бэнкс, И. Осинная фабрика / И. Бэнкс; пер. с англ. А. Гузмана. – М.: Эксмо, 2008. – 256 с.
316. Вергезе, А. Рассечение Стоуна / А. Вергезе; пер. с англ. С. Соколова. – М.: Phantom Press, 2014. – 604 с.
317. Воннегут, К. Бойня номер пять, или Крестовый поход детей / К. Воннегут; пер. с англ. Р. Райт-Ковалевой. – М.: АСТ, 2008. – 221 с.

318. Воннегут, К. Колыбель для кошки / К. Воннегут; пер. с англ. Р. Райт-Ковалевой. – М.: АСТ, 2014. – 282 с.
319. Гарди, Т. Тэсс из рода д'Эрбервиллей / Т. Гарди; пер. с англ. А. Кривцовой. – М.: Правда, 1981. – 431 с.
320. Гиббонс, С. Неуютная ферма / С. Гиббонс; пер. с англ. Е. Доброхотовой-Майковой. – М.: АСТ, 2015. – 254 с.
321. Грин, Дж. Виноваты звезды / Дж. Грин; пер. с англ. О. А. Мышаковой. – М.: АСТ, 2014. – 288 с.
322. Доктороу, Э. Л. Всемирная выставка / Э. Л. Доктороу; пер. с англ. В. Бошняка. – М.: Радуга, 1990. – 333 с.
323. Доктороу, Э. Л. Рэгтайм / Э. Л. Доктороу; пер. с англ. В. Аксенова. – М.: ЭКСМО, 2010. – 380 с.
324. Донохью, Э. Комната / Э. Донохью; пер. с англ. Е. В. Ламановой. – М.: Центрполиграф, 2013. – 416 с.
325. Дорр, Э. Весь невидимый нам свет / Э. Дорр; пер. с англ. Е. Доброхотовой-Майковой. – СПб.: Азбука, 2015. – 587 с.
326. Евгенидис, Дж. Средний пол / Дж. Евгенидис; пер. с англ. М. Ланиной. – СПб.: Амфора, 2003. – 752 с.
327. Зусак, М. Книжный вор / М. Зусак; пер. с англ. Н. Мезина. – М.: Эксмо, 2014. – 560 стр.
328. Каннингем, М. Часы / М. Каннингем; пер. с англ. Д. Веденяпина. – М.: Астрель, 2010. – 256 с.
329. Каттон, Э. Светила / Э. Каттон; пер. с англ. С. Лихачевой. – СПб.: Азбука, 2017. – 923 с.
330. Краусс, Н. Хроники любви / Н. Краусс; пер. с англ. М. Сидельниковой, С. Окладниковой. – М.: Астрель, 2011. – 445 с.
331. Лодж, Д. Мир тесен / Д. Лодж; пер. с англ. О. Макаровой. – М.: Независимая Газета, 2004. – 432 с.
332. Лури, Э. Иностранные связи / Э. Лури; пер. с англ. М. Извековой. – М.: Фантом Пресс, 2005. – 446 с.

333. Маккаллерс, К. Сердце – одинокий охотник / К. Маккаллерс; пер. с англ. Е. Голышевой. – М: Молодая гвардия, 1961. – 320 с.
334. Макьюэн, И. Искупление / И. Макьюэн; пер. с англ. И. Дорониной. – М.: Эксмо, 2009. – 544 с.
335. Мартел, Я. Жизнь Пи / Я. Мартел; пер. с англ. И. Алчеева, А. Блейз. – М.: Эксмо, 2009. – 416 с.
336. Мердок, А. Под сетью / А. Мердок; пер. с англ. М. Лорие. – М.: АСТ, 2009. – 317 с.
337. Морингер, Дж. Р. Нежный бар / Дж. Р. Морингер; пер. с англ. О. Рогозиной. – М.: Гелеос, 2010. – 496 с.
338. Моррисон, Т. Возлюбленная / Т. Моррисон; пер. с англ. И. Тогоевой. – М.: Иностранка, 2005. – 446 с.
339. О’Брайен Т. Что они несли с собой / Т. О’Брайен; пер. с англ. А. А. Комаринец. – М.: АСТ, 2017. – 286 с.
340. Ондатже, М. Английский пациент / М. Ондатже; пер. с англ. Н. Кротовской. – СПб.: Азбука, 2011. – 316 с.
341. Пиколт, Дж. Ангел для сестры // Дж. Пиколт; пер. с англ. О. Бершадской. – Белгород: КСД, 2011. – 432 с.
342. Рой, А. Бог мелочей / А. Рой; пер. с англ. Л. Мотылева. – М.: АСТ: Жанровая литература, 2016. – 382 с.
343. Рот, Ф. Американская пастораль / Ф. Рот; пер. с англ. В. Кобец, Н. Кулаковой. – М.: Книжники, 2016. – 669 с.
344. Смит, Б. Дерево растет в Бруклине / Б. Смит; пер. с англ. И. Климовицкой. – М.: Like book, 2018. – 446 с.
345. Спаркс, Н. Дневник памяти / Н. Спаркс; пер. с англ. А. Панасюк. – М.: АСТ, 2018. – 253 с.
346. Стейнбек, Дж. Квартал Тортилья-Флэт / Дж. Стейнбек; пер. с англ. И. Гуровой. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 256 с.
347. Стейнбек, Дж. Консервный ряд / Дж. Стейнбек; пер. с англ. Е. Суриц. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 224 с.

348. Стейнбек, Дж. О мышах и людях. Жемчужина / Дж. Стейнбек; пер. с англ. В. Хинкиса. – М.: АСТ, 2010. – 224 с.
349. Уайльд, О. Сказки / О. Уайльд; пер. с англ. М. Благовещенской и др. – М.: Речь, 2017. – 216 с.
350. Уокер, Э. Цвет пурпурный / Э. Уокер; пер. с англ. М. Завьяловой. – М.: РОССПЭН, 2004. – 232 с.
351. Уорф, Дж. Вызовите акушерку: подлинная история Ист-Энда 1950-х годов / Дж. Уорф; пер. с англ. М. Фетисовой. – М.: Livebook, 2016. – 606 с.
352. Фитч, Дж. Белый олеандр / Дж. Фитч; пер. с англ. А. Веденичевой. – СПб.: Амфора, 2005. – 560 с.
353. Фоер, Дж. С. Полная иллюминация / Дж. С. Фоер; пер. с англ. В. Арканова. – М.: Эксмо, 2007. – 400 с.
354. Франзен, Дж. Поправки / Дж. Франзен; пер. с англ. Л. Сумм. – М.: Иностранка, 2008. – 672 с.
355. Франзен, Дж. Свобода / Дж. Франзен; пер. с англ. Д. Горяниной и В. Сергеевой. – М.: Corpus АСТ, 2017. – 669 с.
356. Хаксли, О. О дивный новый мир / О. Хаксли; пер. с англ. О. Сороки, В. Бабкова. – М.: АСТ, 2013. – 352 с.
357. Хинтон, С. Э. Изгой / С. Э. Хинтон; пер. с англ. А. Завозовой. – М.: Livebook, 2017. – 283 с.
358. Хорнби, Н. Мой мальчик / Н. Хорнби; пер. с англ. К. Чумаковой. – СПб.: Азбука-Аттикус, 2014. – 347 с.
359. Хустведт, С. Что я любил / С. Хустведт; пер. с англ. О. Новицкой. – М.: Астрель Corpus, 2009. – 543 с.
360. Янагихара, Х. Маленькая жизнь / Х. Янагихара; пер. с англ. А. Борисенко, А. Завозовой и В. Сонькина. – М.: Corpus, 2016. – 683 с.
361. Achebe, C. Things Fall Apart / C. Achebe. – N.Y.: W. W. Norton & Co., 2009. – 597 p.

362. Adams, D. *The Hitchhiker's Guide to the Galaxy* / D. Adams. – N.Y.: Del Rey, 1995. – 224 p.
363. Adichie, C. N. *Americanah* / C. N. Adichie. – N.Y.: Anchor Books, 2014. – 588 p.
364. Anderson, S. *Winesburg, Ohio* / S. Anderson. – Oxford: OUP, 2008. – 204 p.
365. Atkinson, K. *Human Croquet* / K. Atkinson. – N.Y.: Picador USA, 1998. – 349 p.
366. Atkinson, K. *Life After Life* / K. Atkinson. – N.Y.: Back Bay Books, 2014. – 539 p.
367. Banks, I. *Crow Road* / I. Banks. – London: Scribners, 1992. – 501 p.
368. Banks, I. *The Wasp Factory* / I. Banks. – N.Y.: Simon & Schuster, 1998. – 192 p.
369. Barnes, J. *The Noise of Time* / J. Barnes. – N.Y.: Alfred A. Knopf, 2016. – 201 p.
370. Barnes, J. *The Sense of an Ending* / J. Barnes. – N.Y.: Vintage Books, 2012. – 163 p.
371. Barry, S. *The Secret Scripture* / S. Barry. – N.Y.: Penguin Books, 2009. – 309 p.
372. Bierce, A. G. *Fantastic Fables* / A. G. Bierce. – Mineola, N.Y.: Dover Publications, 2011. – 128 p.
373. Bradbury, R. *Dandelion Wine* / R. Bradbury. – N.Y.: Bantam Books, 1985. – 256 p.
374. Bradbury, R. *Fahrenheit 451* / R. Bradbury. – N.Y.: Simon & Schuster Paperbacks, 2013. – 265 p.
375. Brautigan, R. *Dreaming of Babylon: A Private Eye Novel* / R. Brautigan. – N.Y.: Delacorte Press, 1977. – 236 p.
376. Brautigan, R. *In Watermelon Sugar* / R. Brautigan. – N.Y.: Vintage, 2002. – 142 p.
377. Brautigan, R. *The Abortion* / R. Brautigan. – N.Y.: Vintage, 2002. – 171 p.
378. Brautigan, R. *The Hawkline Monster* / R. Brautigan. – N.Y.: Simon & Schuster, 1974. – 216 p.

379. Brautigan, R. *The Tokyo-Montana Express* / R. Brautigan. – N.Y.: Delta Trade Paperbacks, 1981. – 258 p.
380. Brautigan, R. *Trout Fishing in America* / R. Brautigan. – Boston: Mariner Books, Houghton Mifflin Harcourt, 2010. – 112 p.
381. Byatt, A. S. *Possession: A Romance* / A. S. Byatt. – N.Y.: Everyman's Library / Alfred A. Knopf, 2013. – 525 p.
382. Catton, E. *The Luminaries: A Novel* / E. Catton. – N.Y.: Little, Brown and Company, 2013. – 834 p.
383. Cunningham, M. *The Hours* / M. Cunningham. – London: Picador, 2000. – 240 p.
384. Davies, R. *Fifth Business* / R. Davies. – London: Penguin Classics, 2001. – 252 p.
385. Doctorow, E. L. *Ragtime* / E. L. Doctorow. – N.Y.: Random House Trade Paperbacks, 2007. – 320 p.
386. Doctorow, E. L. *World's Fair: A Novel* / E. L. Doctorow. – N.Y.: Random House Trade Paperbacks, 2007. – 288 p.
387. Doerr, A. *All the Light We Cannot See: A Novel* / A. Doerr. – N.Y.: Scribner, 2014. – 531 p.
388. Donoghue, E. *Room: A Novel* / E. Donoghue. – N.Y.: Back Bay Books, 2011. 352 p.
389. Eugenides, J. *Middlesex* / J. Eugenides. – London: Picador, 2007. – 544 p.
390. Ferris, J. *The Unnamed* / J. Ferris. – N.Y.: Back Bay Books, 2010. – 320 p.
391. Fitch, J. *White Oleander* / J. Fitch. – N.Y.: Back Bay Books, 2000. – 480 p.
392. Foer, J. S. *Everything is Illuminated* / J. S. Foer. – N.Y.: Harper Perennial, 2003. – 276 p.
393. Fowles, J. *The Collector* / J. Fowles. – Boston: Little, Brown and Co., 1997. – 305 p.
394. Fowles, J. *The Ebony Tower* / J. Fowles. – Boston: Little, Brown and Co., 1999. – 312 p.

395. Franzen, J. *Freedom* / J. Franzen. – N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2010. – 562 p.
396. Franzen, J. *The Corrections* / J. Franzen. – N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2001. – 580 p.
397. Gibbons, S. *Cold Comfort Farm* / S. Gibbons. – N.Y.: Penguin Books, 2006. – 233 p.
398. Golding, W. *Lord of the Flies* / W. Golding. – N.Y.: Perigee, 2011. – 285 p.
399. Green, J. *The Fault in Our Stars* / J. Green. – N.Y.: Dutton Books, 2012. – 318 p.
400. Gruen, S. *Water for Elephants* / S. Gruen. – Chapel Hill, N.C.: Algonquin Books, 2007. – 350 p.
401. Handler, D. *Adverbs* / D. Handler. – N.Y.: Ecco, 2006. – 272 p.
402. Hardy, T. *Tess of the d'Urbervilles* / T. Hardy. – London: Penguin Books, 2003. – 517 p.
403. Hinton, S. E. *The Outsiders* / S. E. Hinton. – N.Y.: Speak, 2012. – 180 p.
404. Hornby, N. *About a Boy* / N. Hornby. – N.Y.: Riverhead Books, 2002. – 307 p.
405. Hornby, N. *High Fidelity* / N. Hornby. – N.Y.: Riverhead Books, 1996. – 323 p.
406. Hustvedt, S. *What I Loved: A Novel* / S. Hustvedt. – N.Y.: Picador, 2003. – 370 p.
407. Huxley, A. *Brave New World* / A. Huxley. – N.Y.: Harper Perennial Modern Classics, 2006. – 288 p.
408. Krauss, N. *The History of Love* / N. Krauss. – N.Y.: Norton, 2005. – 252 p.
409. Lodge, D. *Changing Places: A Tale of Two Campuses* / D. Lodge. – London: Secker and Warburg, 1975. – 234 p.
410. Lodge, D. *Small World: An Academic Romance* / D. Lodge. – London: Secker and Warburg, 1984. – 338 p.
411. Lurie, A. *Foreign Affairs* / A. Lurie. – N.Y.: Random House, 2006. – 292 p.
412. Martel, Y. *Life of Pi* / Y. Martel. – Boston: Mariner Books, 2003. – 326 p.
413. McCullers, C. *The Heart is a Lonely Hunter* / C. McCullers. – Boston: Mariner Books, 2004. – 368 p.

414. McEwan, I. *Atonement* / I. McEwan. – N.Y.: Anchor, 2003. – 368 p.
415. Moehringer, J. R. *The Tender Bar: A Memoir* / J. R. Moehringer. – N.Y.: Hyperion, 2006. – 370 p.
416. Morrison, T. *Beloved* / T. Morrison. – London: Vintage Classics, 2007. – 352 p.
417. Murdoch, I. *Under the Net* / I. Murdoch. – London: Vintage Classics, 2002. – 352 p.
418. O'Brien, T. *The Things They Carried* / T. O'Brien. – Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2009. – 246 p.
419. Ondaatje, M. *The English Patient* / M. Ondaatje. – London: Bloomsbury Publishing, 2011. – 337 p.
420. Picoult, J. *My Sister's Keeper* / J. Picoult. – N.Y.: Washington Square Press, 2005. – 448 p.
421. Roth, P. *American Pastoral* / P. Roth. – N.Y.: Vintage Books, 1998. – 423 p.
422. Roth, P. *The Human Stain* / P. Roth. – N.Y.: Vintage International, 2001. – 361 p.
423. Roy, A. *The God of Small Things* / A. Roy. – N.Y.: Random House, 2008. – 333 p.
424. Smith, B. *A Tree Grows in Brooklyn* / B. Smith. – N.Y.: Perennial Classics, 2005. – 493 p.
425. Sparks, N. *The Notebook* / N. Sparks. – N.Y.: Grand Central Publishing, 2014. – 259 p.
426. Steinbeck, J. *Cannery Row* / J. Steinbeck. – London: Penguin Books, 2002. – 192 p.
427. Steinbeck, J. *Of Mice and Men* / J. Steinbeck. – London: Penguin Books, 2002. – 112 p.
428. Steinbeck, J. *Tortilla Flat* / J. Steinbeck. – London: Penguin Classics, 1997. – 208 p.
429. Verghese, A. *Cutting for Stone* / A. Verghese. – N.Y.: Vintage Books, 2009. – 667 p.
430. Vonnegut, K. *Cat's Cradle* / K. Vonnegut. – N.Y.: Dial Press, 2006. – 287 p.

431. Vonnegut, K. *Slaughterhouse-Five* / K. Vonnegut. – N.Y.: Dial Press, 2009. – 275 p.
432. Walker, A. *The Color Purple* / A. Walker. – Boston: Mariner Books, 2006. – 304 p.
433. Wilde, O. *The Happy Prince and Other Stories* / O. Wilde. – London: Everyman's Library, 1995. – 96 p.
434. Worth, J. *Call the Midwife: A Memoir of Birth, Joy, and Hard Times* / J. Worth. – London: Penguin Books, 2012. – 352 p.
435. Yanagihara, H. *A Little Life* / H. Yanagihara. – N.Y.: Doubleday, 2015. – 720 p.
436. Zusak, M. *The Book Thief* / M. Zusak. – N.Y.: Alfred A. Knopf, 2007. – 576 p.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АП – авторская персонификация
ВЗ – второстепенное значение
ГС – гендерный сдвиг
ГЭ – гендерная эквивалентность
КГ – категория гендера
ККМ – концептуальная картина мира
КМ – картина мира
КО – категория одушевленности
КС – концептосфера
ЛСГ – лексико-семантическая группа
ОЗ – основное значение
СО – сема одушевленности
УП – узуальная персонификация
ЯКМ – языковая картина мира

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Таблица А.1. Структура концептосферы «Человек» как источника семантической деривации путем персонификационного переноса

Часть речи / ЛСГ	Кол.	%
Глаголы	287	59,4
движение	59	20,6
физическое воздействие	46	16,0
речь	34	11,8
контакт и опора	25	8,7
физиологическая сфера	24	8,4
поведение человека	21	7,3
посессивная сфера	16	5,6
местонахождение	12	4,2
восприятие	12	4,2
психическая сфера	11	3,8
звук	7	2,4
ментальная сфера	6	2,1
прекращение существования	5	1,7
помещение объекта	4	1,4
существование	3	1,0
начало существования	1	0,3
изменение состояния или признака	1	0,3
Существительные	131	27,1
части тела и органы человека	58	44,3
наименования лица	23	17,6
имена родства	9	6,9
поведение и поступки человека	7	5,3
физиологическая сфера	6	4,6
взаимодействие и взаимоотношение	5	3,8
психическая сфера	4	3,1
множества и совокупности объектов	4	3,1
физическое воздействие	3	2,3
движение	3	2,3
начало существования	2	1,5
речь	1	0,8
существование	1	0,8
прекращение существования	1	0,8
возраст	1	0,8
ментальная сфера	1	0,8
свойство человека	1	0,8
изменение состояния	1	0,8
Прилагательные	65	13,5
психические качества	31	47,7
физические / физиологические качества / состояния человека	28	43,1
черты внешности	6	9,2
Σ	483	100

Таблица А.2. Структура концептосферы «Животный мир» как источника семантической деривации путем персонификационного переноса

Часть речи / ЛСГ	Кол.	%
Существительные	11	52,4
наименования живых существ	5	45,5
части тела и ткани живых существ	4	36,4
звук	2	18,2
Глаголы	10	47,6
звук	5	50,0
физиологическая сфера	3	30,0
воздействие	1	10,0
движение	1	10,0
Σ	21	100

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Таблица Б.1. Распределение примеров персонификации в англоязычной прозе по концептосферам

Концептосфера	Кол-во пр.	%
Окружающий мир, включая объекты природы животный мир	401	37,6
	333	31,2
	68	6,4
Артефакты	325	30,5
Антропосфера	256	24,0
Пространство	43	4,0
Время	42	3,9
Σ	1067	100

Таблица Б.2. Распределение примеров персонификации в англоязычной прозе по видам и концептосферам

Вид персонификации \ КС	Окружающий мир		Артефакты		Антропосфера		Пространство		Время		Σ	
	кол.	%	кол.	%	кол.	%	кол.	%	кол.	%	кол.	%
Узуальная	171	42,6	150	46,2	124	48,4	30	69,8	13	31	488	45,7
Авторская	230	57,4	175	53,8	132	51,6	13	30,2	29	69	579	54,3
Σ	401	100	325	100	256	100	43	100	42	100	1067	100

Таблица Б.3. Распределение примеров персонификации в англоязычной прозе по средствам персонификации и концептосферам

Средство персонификации \ КС	Окружающий мир		Артефакты		Антропосфера		Пространство		Время		Σ	
	кол.	%	кол.	%	кол.	%	кол.	%	кол.	%	кол.	%
Глагол	152	37,9	153	47,1	141	55,1	17	39,5	21	50	484	45,4
Совокупность единиц (СЕ)	76	19,0	62	19,1	50	19,5	7	16,3	10	23,8	205	19,2
Существительное, вкл. нейтральное	61	15,2	44	13,5	28	10,9	7	16,3	4	9,5	144	13,5
гендерное	56	14,0	43	13,2	23	9	6	14,0	3	7,1	131	12,3
гендерное с СЕ	5	1,2	-	-	2	0,8	1	2,3	-	-	8	0,7
	-	-	1	0,3	3	1,2	-	-	1	2,4	5	0,5
Местоимение, вкл. нейтральное	92	22,9	49	15,1	17	6,6	6	14,0	3	7,1	167	15,7
гендерное	2	0,5	3	0,9	1	0,4	-	-	1	2,4	7	0,7
гендерное с СЕ	21	5,2	34	10,5	2	0,8	6	14,0	-	-	63	5,9
	69	17,2	12	3,7	14	5,5	-	-	2	4,8	97	9,1
Прилагательное	20	5,0	17	5,2	18	7	6	14,0	4	9,5	65	6,1
Наречие	-	-	-	-	2	0,8	-	-	-	-	2	0,2
Σ	401	100	325	100	256	100	43	100	42	100	1067	100

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Таблица В.1. Распределение примеров персонификации в англоязычной прозе по концептосферам и вариантам передачи при переводе на русский язык

КС Вариант передачи		Окружающий мир		Артефакты		Антропосфера		Пространство		Время		Σ	
		кол.	%	кол.	%	кол.	%	кол.	%	кол.	%	кол.	%
Персонификация без актуализации категории гендера													
УП	Сохранение	94	61,4	64	47,1	65	56	11	61,1	5	50	239	55,2
	Усиление	5	3,3	7	5,1	2	1,7	-	-	-	-	14	3,2
	Нейтрализация	54	35,3	65	47,8	49	42,2	7	38,9	5	50	180	41,6
Σ		153	100,0	136	100,0	116	100	18	100,0	10	100,0	433	100,0
АП	Сохранение	131	85,6	126	88,7	98	82,4	18	100,0	26	89,7	399	86,6
	Ослабление	8	5,2	10	7,0	5	4,2	-	-	1	3,4	24	5,2
	Нейтрализация	14	9,2	6	4,2	16	13,4	-	-	2	6,9	38	8,2
Σ		153	100,0	142	100,0	119	100,0	18	100,0	29	100,0	461	100,0
Персонификация с актуализацией категории гендера													
ГЭ	Сохранение СО	52	54,7	8	17,0	13	61,9	-	-	1	33,3	74	42,8
	Нейтрализация СО	1	1,1	7	14,9	2	9,5	4	57,1	-	-	14	8,1
ГС	Сохранение СО	42	44,2	6	12,8	5	23,8	1	14,3	2	66,7	56	32,4
	Нейтрализация СО	-	-	26	55,3	1	4,8	2	28,6	-	-	29	16,8
Σ		95	100,0	47	100,0	21	100,0	7	100,0	3	100	173	100,0
Σ общ.		401		325		256		43		42		1067	